

к 60-летию
освобождения Беларуси
от немецко-фашистских
захватчиков

В.К. Киселев

ОБ ЭТОМ

МОЛЧАЛИ
СВОДКИ

В. К. Киселев

ОБ ЭТОМ МОЛЧАЛИ СВОДКИ

Минск
УП «Технопринт»
2003

УДК 9(476)27
ББК 63.3(4Бел)62
К 44

Рецензенты:

Б. Д. Долгович кандидат исторических наук, профессор БНТУ
И. Ю. Сервачинский кандидат исторических наук, доцент БНТУ

К 44 **Киселев В.К.**

Об этом молчали сводки. Монография / В.К. Киселев. — Мн.:
УП «Технопринт», 2003. — 148 с.

ISBN 985-464-439-1

Монография на основе архивных и научных материалов раскрывает ряд крупных разведывательных операций советской разведки и контрразведки на фронте и на временно оккупированной территории Белоруссии. Материалы монографии выстроены в хронологическом порядке. В работе, с научной точки зрения описаны формы и методы разведки, приводятся истории отдельных крупных операций — срыв планов Гитлера и командования вермахта по захвату Москвы летом 1941 г., попыток фашистов заключить мир с СССР в 1943 г., раскрываются тайны немецкого “оружия возмездия” — ФАУ-1 и ФАУ-2, получения сведений о работе немецких ученых над ядерным оружием, рассказывается о стратегической и военно-технической разведке.

Монография адресуется широкому кругу читателей — студентам, научным работникам, преподавателям школ, техникумов, вузов, военнослужащим — всем, кто интересуется неизвестными страницами советской разведки и контрразведки в годы Великой Отечественной войны.

УДК 9(476)27
ББК 63.3(4Бел)62

ISBN 985-464-439-1

© В. К. Киселев, 2003.
© Оформление УП «Технопринт», 2003.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Правда о войне — такая, какая она была. Сегодня исследование историками прошедшей войны значительно углубилось, что позволило более детально описать многие события войны и устранить фактические неточности в их освещении. Стал более обстоятельным анализ деятельности людей на фронте и в тылу врага. Это стало возможным благодаря открывшемуся доступу ко многим ранее засекреченным документам.

Об этом убедительно свидетельствуют материалы данной публикации известного в республике историка, кандидата исторических наук, В. К. Киселева.

Свыше 30 лет он исследует проблему партизанской разведки контрразведки Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.

Представленные в сборнике семь документально-аналитических глав красноречиво убеждает нас в новизне и актуальности подхода историка-исследователя к данной проблеме. Им впервые вводятся в научный оборот новые, ранее неизвестные факты, события и имена.

Достоинство исследователя состоит именно в том, что он использует десятки и сотни новых архивных документов, как отечественных так и архивов стран СНГ и ближнего зарубежья.

В каждой из семи глав монографии сборника автор поднимает новые проблемы в освещении партизанской разведки через конкретные действия людей, что наглядно раскрывает сложность их борьбы, благородство и мужество партизанских разведчиков.

Но самое главное — это достоверность, особая важность и оперативность разведсведений в интересах Красной Армии. Достаточно назвать только два-три примера особой секретности: это сведения о немецких танках «Тиграх» и «Пантерах», о фаустпатронах, о химическом оружии и разработках ядерного оружия, которые впервые были добыты партизанскими разведчиками в Беларуси и своевременно переданы на Большую землю. Обо всем этом читатель впервые узнает из материалов этого сборника.

Сведения эти основаны на конкретных документальных материалах (ранее совершенно секретных), что придает им особую значимость и научную ценность. Около 300 источников использовал автор в данном труде. Большой интерес вызывают приведенные автором воспоминания активных участников — партизанских командиров-разведчиков. С. А. Ваупшасова, В. И. Гуриновича, А. К. Спрогина и др.

Все материалы данного сборника — это новая, яркая, раньше неизвестная страница в военной истории Республики Беларусь.

Материалы этого сборника можно широко использовать в лекциях для студентов, в различных мероприятиях по военно-патриотическому воспитанию молодежи, в работе сотрудников историко-краеведческих музеев и различных туристических, экскурсионных групп, в работе Белорусского республиканского патриотического Союза молодежи.

*Профессор кафедры истории БНТУ
Б. Д. Долготович*

Глава 1. «СТРОГО СЕКРЕТНО: ОПЕРАЦИЯ "РОДИНА"»

(зима — лето 1941 г.)

**Из воспоминаний заслуженных чекистов
о малоизвестной странице борьбы советских
контрразведчиков накануне и в первые недели
Великой Отечественной войны**

Эту историю, точнее фрагменты ее, я услышал от Героя Советского Союза Станислава Алексеевича Ваупшасова. Он являлся членом Минского подпольного горкома партии и с марта 1942 г. по июль 1944 г. — командиром спецотряда «Местные», на базе которого было организовано 13 самостоятельных партизанских отрядов. Это была вторая и, к сожалению, последняя моя встреча (он умер в 1976 г.) с очень интересным, кристально честным и доброжелательным человеком — высоким, худощавым, с выбритой головой и серыми, вспыхивающими яркими искрами глазами, которые не смогли погасить более чем 70 прожитых лет. Его жизнь была полностью отдана защите Родины и завоеваний Октябрьской революции. Сын батрака, в 1918 г. в девятнадцатилетнем возрасте добровольно вступил в ряды рождающейся Красной Армии, с винтовкой в руках воевал на Западном фронте, обороняя страну от белогвардейцев и белопольских интервентов. В 1920—1925 гг. руководил отчаянно-дерзкими и успешными действиями партизанского отряда на территории Западной Белоруссии, силой захваченной буржуазно-помещичьей Польшей. В дальнейшем (с 1930 г.) был на разведывательной работе. Являясь активным участником антифашистской борьбы в Испании в 1937—1938 гг. выполнял боевые задания в борьбе против фашистских войск. В 1939 г., по возвращении в СССР, был направлен в органы безопасности. В послевоенный период продолжительное время работал на руководящих должностях в МГБ-КГБ СССР.

Мы виделись в 1974—1975 гг. в Москве, у него на квартире, когда Ваупшасов был уже на пенсии. И вот, в ходе ярких и четких воспоминаний (а говорил он живо и образно, в основном о своих товарищах по борьбе) вдруг прозвучало несколько фраз об операции советской контр-

разведки в самом начале Великой Отечественной войны под общим кодовым названием — по его словам — «Родина».

Заинтересовавшись, я попросил более подробно рассказать о ней. Подумав несколько минут, Станислав Алексеевич согласился, но взял с меня слово ничего не записывать, ведь операция была совершенно секретной и никогда даже не упоминалась ни в каких научных трудах, ни в художественных произведениях. По его мнению, о ней можно будет написать лишь лет через 50. А тогда шел 1975 год и очень ощутимо набирал силу и крепчал «застой», чиновничий страх перед тем, как бы не ошибиться, не промахнуться, не вызвать неудовольствия власть предержащих, а по возможности, и выслужиться проявлением сверхбдительности. Шла подспудная, пусть и косвенная, реабилитация И. В. Сталина и его ближайшего окружения. Все их ошибки, просчеты, злоупотребления властью, преступления против миллионов простых людей, уничтожение тысяч командиров Красной Армии и многих честных чекистов и разведчиков полностью и исключительно возлагались только на органы государственной безопасности и внутренних дел.

То, что Берия и его кровные сподвижники трижды заслужили смерти и народного презрения за свои бесчисленные преступления — это святая правда; то, что в органы, призванные охранять завоевания Революции и достижения Советской власти, широко проникали беспринципные карьеристы, политические авантюристы, бездушные чиновники — тоже правда; что с их помощью во второй половине 30-х гг. были истреблены 23—30 тысяч чекистов [1], многие из которых подняли голос или выступили против массовых нарушений законности — горькая и тяжелая правда. Но было в органах государственной безопасности даже при Сталине и Берии немалое количество честных людей, героев разведки и контрразведки, посланцев партийных и комсомольских комитетов, на деле боровшихся и честно побеждавших в тайной войне агентов различных спецслужб врага, в первую очередь фашистских государств — это безусловная правда. В условиях бескомпромиссной и беспощадной военной схватки ряда стран во главе с нацистской Германией с СССР в 1941—1945 гг. эти кадры чекистов, во многих случаях силой обстоятельств самой войны, выходили на первый план в деятельности Наркомата госбезопасности, органов как военной разведки, так и контрразведки «СМЕРШ». Они внесли достойный вклад в общую победу народов СССР над фашизмом, часто ценою собственной жизни.

Один из немногих уцелевших чекистов того поколения Ваупшасов, рассказывая о действительно стратегической операции советских контрразведчиков, в той или иной мере повлиявшей на судьбу битвы за Моск-

ву летом 1941 г. и в целом на первый этап грандиозной войны, как бы передавал факел неугасимой эстафеты Правды в руки подрастающего поколения историков Великой Отечественной. На всю оставшуюся жизнь мне запомнились доверчивые и строгие слова С. А. Ваупшасова (цитирую по памяти): «Запомни, хорошенько запомни все, что я тебе скажу. И когда придет время, расскажи людям, если хватит смелости и веры. Ведь в этой операции, спасая все то, что бездарно провалили Сталин, Ворошилов, Берия, погибли многие и многие, иногда не зная даже, почему гибнут. Это наш долг перед их памятью».

Прошло не 50, а всего 28 лет и пришло время выполнить завещание Станислава Алексеевича и рассказать то, что я услышал от него, дополнил, проверил по опубликованным отдельным материалам, научным работам, мемуарам.

С. А. Ваупшасов для большей полноты картины попросил известного в прошлом разведчика, полковника Артура Карловича Спрогиса принять меня. То был человек легендарной судьбы, и он являлся одним из активных участников операции «Родина». Потому он смог осветить некоторые ее эпизоды, а также во многом подтвердить сведения С. А. Ваупшасова. Но условие действовало прежнее — ничего не записывать и опубликовать при первой же реальной возможности. По ходу встреч дело было поставлено так, что никаких вопросов, даже уточняющего или разъясняющего характера, я не мог задавать. Даже тогда, когда было ясно, что они рассказывали мне не все, особенно в деталях, — и Ваупшасов, и Спрогис прошли очень жестокую и длительную школу в процессе своей работы в органах разведки и контрразведки, были представителями своего времени и своих понятий. Но основное, главное они смогли, решились передать, и низкий поклон им за это.

А. К. Спрогис умер в 1980 г. Хотя бы несколько слов о его жизни... Родился в 1904 г., латыш, из семьи рабочего. С детских лет видел беспощадную эксплуатацию. В 15 лет добровольно вступил в Красную Армию. Бился с внутренней и внешней контрреволюцией на фронтах гражданской войны. Был курсантом Первых московских пулеметных курсов (одно из первых училищ по подготовке из числа отличившихся красноармейцев командных кадров для Красной Армии) и не раз стоял на посту № 27, охраняя кремлевскую квартиру В. И. Ленина.

А. К. Спрогис в 1920-е годы служил на границе. В 1930-е годы принимал участие в организации на территории Советской Белоруссии спецкурсов, где познакомился с С. А. Ваупшасовым, который вместе с Орлов-

ским, Коржом, Шмыревым¹ и другими товарищами готовились к будущей партизанской борьбе в случае возможной империалистической агрессии против СССР. В 1936–37 гг. участвовал добровольцем в гражданской войне в Испании. Он был назначен советником частей специального назначения. Но Спрогис не ограничивался этой ролью, а возглавил отряд разведчиков и непосредственно участвовал в боевых операциях. Разведчики Спрогиса взорвали вражеский пороховой завод, пустили под откос около 20 военных эшелонов, проводили рейды по тылам фашистов, добывая секретные документы и захватывая пленных. Он провоевал полтора года в Испании и за подвиги был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. После возвращения из Испании учился в военной академии им. М.В. Фрунзе, которую успешно закончил в 1940. В 1941—42 гг. являлся особоуполномоченным разведывательного отдела штаба Западного фронта. В 1943—44 гг. был начальником Латышского штаба партизанского движения. С 1946 по 1949 г. — на преподавательской работе, передавал свой богатый опыт молодым чекистам. С 1949 г. — на пенсии, и не столько по состоянию здоровья, сколько из-за резкого несогласия, по его словам, с формами и методами борьбы проводимыми тогдашним руководством МГБ СССР с вооруженными повстанцами и антисоветским подпольем в Прибалтике, в ходе которой пострадали тысячи невинных людей. За многолетнюю успешную деятельность по защите Советской Родины награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды.

Прежде чем перейти к ходу самой операции «Родина», хотелось бы сделать несколько замечаний о некоторых активных ее участниках с целью большей ясности последующих событий. С. А. Ваупшасов никогда не говорил о прямом своем участии в этой операции, но и не отрицал возможности, что способствовал ее проведению, находясь за пределами СССР. Он сам пишет в мемуарах: «Полтора года провел я в капиталистической Европе, выполняя специальные задания... Картины гитлеровского Берлина, всей вооруженной фашистской Германии, спесивые, самодовольные нацисты, упоенные военными успехами, вызывали во мне жгучее отвращение. А угнетенные, но не покорившиеся народы пробуждали горячее сочувствие. Главные же мои мысли и чувства были там, где решалась судьба моей Родины [после начала войны — авт.]... Лишь осенью 1941 г. я возвратился в Москву» [2].

¹ В годы Великой Отечественной войны удостоены звания Героев Советского Союза.

Эту операцию, по воспоминаниям Ваупшасова и Спрогиса, возглавлял И. А. Серов, талантливый контрразведчик, военный и чекист еще со времен тридцатых годов, но крайне противоречивая фигура со сложным и крутым характером. Он являлся одним из руководителей борьбы с вражескими разведками в аппарате нового наркома НКГБ СССР Л. П. Берии, пришедшего на смену расстрелянного, по приказу И. В. Сталина, Н. Ежова, на которого и были списаны все чудовищные массовые репрессии 1937—38 гг. и который «слишком много знал» о целях и приемах истребления партийных и военных кадров. И. А. Серов работал в 30-х годах под руководством одного из создателей советской контрразведки, а позже руководителя разведки ОГПУ-НКВД А. Х. Артузова и набирался опыта в целом ряде успешно проведенных по его планам операций. Но... молчал, когда Артузова арестовали в 1937-м после выступления на активе НКВД, где тот во весь голос сказал об опасности перерождения органов: «При установившемся после смерти Менжинского фельдфебельском стиле руководства отдельные чекисты и даже целые звенья нашей организации вступили на опаснейший путь превращения в простых техников аппарата внутреннего ведомства, со всеми его недостатками, ставящими нас на одну доску с презренными охранками капиталистов» [3].

Слышал Серов и о последнем поступке Артузова, одного из ближайших сотрудников Ф. Э. Дзержинского по ЧК и ОГПУ, написавшего своей кровью из вскрытой вены на простыне и вывесившего ее, уже умирающим, в окно камеры: «Каждый большевик, верный идеям ленинской революции, обязан в случае первой же возможности обличить Иосифа Сталина, предателя, изменившего делу коммунизма, сатрапа, мечтающего о государстве единоличной тиранической диктатуры» [4]. Какое воздействие оказали на Серова эти последние слова его учителя-чекиста, сказать трудно. Он проявил себя знающим и решительным оперативным работником, был молчаливым и щепетильно исполнительным, никогда не задавал никаких вопросов и был инициативным исключительно в своей сфере работы. В 1930—40-е гг., как и многие другие, безоглядно верил Сталину, его утверждениям о крайней необходимости проведения репрессий, считал, что его обманывает Л. Берия, пользующийся неограниченным доверием Хозяина. В этом человеке причудливо сочетались огненные искры бессмертных идей социальной справедливости и черная ночь незаконных арестов невинных и страдания депортированных народов в 1940-е гг. В феврале 1941 г. он был назначен первым заместителем НКГБ СССР.

Однако Серов был умным, дальновидным человеком, умеющим учиться у жизни, быть верным социальным завоеваниям Революции и постепенно начавший понимать необходимость кардинальной ломки системы организованного насилия над народом, прекращения истребления лучших его сынов и дочерей. И когда умер Сталин, когда Берия и ряд его приближенных весной 1953 г. начали подготовку государственного переворота, что грозило неисчислимыми бедствиями и народу, и стране, И. А. Серов, в то время заместитель министра госбезопасности СССР, доложил вместе с министром МВД СССР С. Кругловым члену Политбюро, секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву все, что знал о намерениях Берии, обрисовал оперативный план вооруженного путча, диспозицию частей, назвал имена заговорщиков. Это помогло руководству страны быстро и успешно обезвредить с помощью группы армейских офицеров кровавую банду палачей и политических авантюристов [5].

Июльским (1953 г.) Пленумом ЦК КПСС были приняты необходимые меры для предотвращения в будущем любой попытки поставить органы госбезопасности и внутренних дел вне и над партией, использовать их для уничтожения личных и политических соперников. МГБ было преобразовано в КГБ и первым его председателем был назначен И. А. Серов. О правильности такого выбора, об оправданности оказанного ему руководством СССР доверия свидетельствует позиция И. А. Серова во время июньского (1957 г.). Заседания Президиума ЦК КПСС, который большинством голосов принял решение о смещении Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря. В действительности, речь шла об отказе от исторических решений XX съезда КПСС, от осуждения культа личности, от реабилитации миллионов невинно осужденных, от усиления демократических принципов в жизни партии. Хрущева, его политическую линию поддержала армия в лице Г. К. Жукова и КГБ в лице И. А. Серова. Они сумели быстро обеспечить прибытие в Москву многих членов ЦК, которые стали требовать созыва Пленума. Группа членов ЦК во главе с Серовым, которому подчинялась охрана во всех помещениях Кремля, появилась в здании, где проходили заседания Президиума и пригрозили К. Е. Ворошилову и Н. А. Булганину, что члены ЦК не позволят решать вопросы руководства партией и страной без них и могут собрать Пленум и без одобрения Президиума. Стало очевидным, что сговор против Хрущева потерпел провал. Подавляющее большинство участников открывшегося Пленума безоговорочно поддержало Хрущева [6].

В декабре 1958 года И. А. Серов был снят со своей должности в связи с выявившимися фактами его личной причастности к выселению

ряда народов Кавказа и Крыма немцев Поволжья в ходе войны, а также к некоторым неоправданным арестам в конце 1940-х годов. За все и всегда приходится расплачиваться. Его им. нет ни в Большой Советской энциклопедии (3-е изд.), ни в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия», М., 1985, хотя он и командовал войсками НКВД московской зоны в дни обороны Москвы, а в январе 1945 г. был уполномоченным НКВД СССР на 1-м Белорусском фронте под командованием Г. К. Шукова. 29 мая 1945 г. Серов был удостоен звания Героя Советского Союза за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и достигнутые при этом успехи». Но в истории не должно быть ни «белых пятен», ни «черных дыр», если это настоящая история побед и поражений на нашем сложном и трудном пути. Позже, в 1958—63 гг. Серов работал начальником ГРУ Генштаба Советской Армии. Умер в 1990 г.

Ясно, что операция «Родина» проводилась скоординировано из единого центра управления контрразведки НКВД-НКГБ СССР с широким привлечением чекистов Белоруссии, Украины, Ленинграда, Москвы, сотрудников особых отделов ряда дивизий и армий. Безусловно, каждый из исполнителей этой сложной и многоступенчатой операции знал только небольшую часть всего замысла, и далеко не все, даже руководители среднего звена, представляли, с какой подлинной целью проводится то или иное мероприятие. Это было крайне важно, чтобы сохранить весь замысел операции в абсолютной тайне, избежать любой, даже случайной, огласки, утечки информации, ни в коем случае не привлечь к ней внимания спецслужб врага. Данную задачу советская контрразведка сумела успешно решить, несмотря на довольно значительное количество привлеченных сил и самые различные обстоятельства военного времени. Общее руководство осуществляли руководители контрразведки П. В. Федотов, Л. Райхман, В. Михеев.

В связи с тем, что многие основные события операции «Родина» разыгрывались на территории Белоруссии и примыкающих к ней западных областей РСФСР — Смоленской, Брянской, Орловской, то в рассказе Ваупшасова мне была названа фамилия чекиста, ответственного за все стороны белорусского узла операции и подчинявшегося по данному вопросу непосредственно И. А. Серову в Москве и контактировавшему по линии штаба Западного фронта с А. К. Спрогисом при проведении тех или иных операций в расположении войск на фронте, тыловых частях и на крупных железнодорожных станциях — майор Вячеслав Иванович Формашев. Он играл одну из ключевых ролей, и, видимо, стоит хотя бы

кратко сказать о нем, тем более, что до сего дня его фамилия практически нигде не упоминалась.

В. И. Формашев родился в 1911 г. в семье мелкого служащего — отец бухгалтер, мать — домохозяйка. Воспитывался в демократическом духе, в приверженности идеалам счастья и свободы трудового народа. Становление его как личности проходило уже после революции. Учился в единой трудовой школе, которую закончил в 1928 г. Началась первая пятилетка, страна кипела стройками и поднимающимися заводами. Вячеслав Иванович идет работать слесарем на фабрику, там вступает в комсомол. Проработав два года, понимает, что кроме искреннего энтузиазма для успешного строительства социализма нужны знания и поступает учиться в Ленинградский университет.

В середине 30-х гг., сразу после окончания вуза, его по комсомольскому набору направляют в органы государственной безопасности. Несколько лет он обучается в спецшколе, где, наряду с другими предметами, отлично изучил немецкий язык, а позже самостоятельно и английский. Служить молодого чекиста направили в Белоруссию. Перед войной он совершил несколько «загранкомандировок» в оккупированную гитлеровцами Польшу и в саму нацистскую Германию. Задания выполнял в срок и полностью, в сложных ситуациях неоднократно проявлял выдержку, находчивость и разумную инициативу. В 1941 г., до начала войны, работал в Минске в республиканском аппарате НКГБ. Он был молчалив, интеллигентен, вежлив, беспредельно предан своей работе по защите Родины от происков германской разведки, не сомневался в необходимости всей предвоенной внутренней политики в стране, полностью верил Сталину, но никогда не доверял до конца Цанаве и Берии, видя фабрикацию различных дел и нарушения законности по их приказам. Формашев был честным чекистом и убежденным коммунистом — в партию он вступил в годы войны.

В 1942—43 гг. Вячеслав Иванович являлся офицером связи между Центральным штабом партизанского движения и 4-м Управлением НКГБ СССР, руководящим практической деятельностью спецгрупп госбезопасности на оккупированной фашистами советской земле. Более десятка раз за два года войны он забрасывался через линию фронта на захваченную врагом территорию, как правило, в одиночку, с целью передачи секретных указаний командованию партизанских бригад, полков или зональных и областных соединений, которые нельзя было доверять радиосвязи (или ее там еще не было), а также для получения важной разведывательной информации от спецгрупп. Некоторые заброски длились 2—3 недели, другие — несколько месяцев. Действовать приходилось в крайне тяжелых усло-

виях, часто на пределе человеческих сил и выносливости, при постоянном нервном напряжении, быстро и безошибочно разгадывать при встречах с людьми, кто перед тобой — патриот или замаскированный враг.

В этих «командировках» В. И. Формашев сильно подорвал здоровье, несколько раз попадал в госпитали, но действовал в тылу противника уверенно и мужественно. Был награжден за свою успешную работу орденами Красного Знамени и Красной Звезды. После освобождения Белоруссии летом 1944-го по инициативе Цанавы, недолюбливавшего самостоятельного и принципиального чекиста, был переведен на работу в создавшееся Министерство иностранных дел БССР, неоднократно принимал участие в разнообразной дипломатической деятельности делегации БССР в ООН, являлся заместителем министра. В 50—60-е гг. работал в Министерстве высшего образования СССР начальником отдела. Все знавшие его по работе отмечали свойственные Формашеву принципиальность, отзывчивость и честность. Умер в 1969 г.

Операция «Родина», безусловно, не сыграла ни главной, ни решающей или определяющей роли как в развитии военных действий в 1941 г., так и в крахе плана «Барбаросса», но все же оказала немалое влияние на ход событий лета 1941 г. Ведь главным являлось то, что, по сути, наша война с фашистской Германией была самым крупным военным столкновением СССР с ударными силами фашизма. Истоки Победы — в народном характере Великой Отечественной войны. Определяющим стало то, что уже в 1941 году план молниеносной войны, разработанный германским генералитетом, был перечеркнут героическим отпором, который противник встретил на советской земле. Мир помнит несгибаемое мужество Брестской крепости, Москвы, Ленинграда и Сталинграда, Киева и Минска, Одессы и Севастополя, Новороссийска и Керчи, Тулы, Смоленска и Мурманска. Но города становятся героями лишь тогда, когда героями становятся их защитники. В жестоких сражениях наша армия изматывала врага, накапливала опыт и силы, училась побеждать. Страна выстояла, переломила ход событий, хотя в ходе войны у нас складывались и критические ситуации.

Учитывая все это, нужно сказать и о том, что в процессе развития военных действий, особенно в критических ситуациях, когда очень активно взаимодействуют различные силы и подходы, взаимопритягиваясь и отталкиваясь, давая большую или меньшую возможность выбора принципиально разных путей развития, то относительно небольшие и далеко не главные факты своевременной информации или дезинформации о силах и планах противника могут дать решающий перевес в том или ином

положении на общем военно-стратегическом направлении действий войск на фронте. Эту роль с немалым успехом сыграла многоступенчатая операция советской контрразведки летом 1941 г.

И последнее замечание о логичности или противоречивости данной версии хода военных действий в первые месяцы войны, о подтверждении ее архивными документами и печатными работами по исследованию проблем Великой Отечественной войны. Автор опирался в основном на устные рассказы С. А. Ваупшасова и А. К. Спрогиса. Документы архивов Разведывательного управления Генерального штаба Советской Армии и контрразведки КГБ СССР по сей день исследователям почти не доступны и подтвердить или опровергнуть с их помощью данную версию не представляется пока возможным. Следует также учитывать, что в связи с совершенно секретным характером самой операции далеко не все распоряжения и отчеты могли фиксироваться на бумаге, особенно на начальном этапе войны. Кроме того, о сохранении имеющихся документов — неоднократно проводились их «чистки»: уничтожение при эвакуации из Москвы в октябре 1941 г. части архивов Наркомата Обороны и НКВД — КГБ СССР, возможность ликвидации по тем или иным причинам ряда документов в связи с известными событиями весны — лета 1953 г. и после XX съезда КПСС. Это связано с тем, что на некоторых материалах (а они не обязательно должны были быть подшиты в делах органов отдельно от других бумаг) могли быть те или иные подписи, резолюции, разработки лиц, скомпрометировавших себя в результате нарушений законности в послевоенный период. Однако изученная обобщающая научная литература по войне не противоречит возможности развития хода событий с учетом результатов операции «Родина», а переводная западная, в первую очередь изданная в ФРГ, содержит ряд косвенных подтверждений данной версии, в особенности «Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных сил 1939—1942» генерал-полковника Ф. Гальдера».¹

Руководство нацистской Германии придавало первостепенное значение проведению успешной разведки против СССР. Ведь во всех предшествующих военных кампаниях обладание полными разведывательными сведениями о противнике и ведение результативной подрывной работы позволяло вермахту рационально распределять свои военные силы, оставляя в неприкосновенности стратегические резервы, направлять войска

* Гальдер Ф. *Военный дневник*. М., 1971. Т. 3. Кн. 1.

только туда, где они могли быть использованы с максимальным эффектом. Именно поэтому количество забрасываемой в Советский Союз немецко-фашистской агентуры увеличилось в 1940 г. по сравнению с 1939 г. в 4 раза, а в 1941 г. по сравнению с 1940 г. — уже в 14 раз. Многие забрасываемые в СССР шпионы и диверсанты снабжались, наряду с оружием, взрывчатыми веществами, специальными средствами для совершения террористических актов, воинскими и гражданскими документами и коротковолновыми приемно-передающими радиостанциями и шифрами для быстрой и надежной связи. Для достижения своих целей гитлеровцы сосредоточили на советско-германском фронте более 130 разведывательных и контрразведывательных органов, создали свыше 60 специальных школ по подготовке агентуры. За год все школы и различные курсы выпустили около 10 тыс. шпионов и диверсантов со сроком обучения от 1,5 до 3 месяцев [7].

Естественно, что основным объектом подрывной деятельности противника в годы войны являлась Красная Армия. В 1941 г. из общего числа немецких шпионов, диверсантов и террористов, забрасываемых в СССР, 55 % направлялись непосредственно в зону боевых действий советских войск. С точки зрения нацистов и разработанных ими планов, это было логичным и вытекало из стратегической доктрины «молниеносной войны», на которую гитлеровцы отводили всего 2–3 месяца. Основная цель вермахта и всех военных органов Германии заключалась в уничтожении в скоротечных и маневренных боях Красной Армии. После этого захват важных для Германии советских экономических районов, включая Москву, Ленинград, нефтеносные районы Кавказа, представлялся фашистам делом техники. В результате задачи немецкой разведки с начала войны и примерно до марта 1942 г. сводились к обеспечению войск агрессора как можно большей и точной информацией о советских войсках в районе военных действий на сегодня и в ближайшее время. Разведка должна была представлять данные о дислокации и численности войск на фронтах, подходе новых войсковых соединений, о наличии оборонительных рубежей, их прочности и уязвимых местах, о моральном состоянии военнослужащих Красной Армии. Поскольку война предполагалась скоротечная, то вне интересов разведки оказались стратегические возможности Советских Вооруженных сил, те факторы, которые будут действовать через 6—8 месяцев войны, на следующий год. В этом заключался один из важнейших просчетов гитлеровских спецслужб. Ошибалась фашистская разведка и в своих расчетах на то, что нападение Германии на Советский Союз вызовет внутреннее брожение, открытые выступ-

ления против Советской власти, национальную рознь между народами СССР и т. д. [8].

Агентура спецслужб Германии была главным, но не единственным средством достижения разведывательных целей. Определенное и немалое внимание отводилось получению информации радиоразведывательной службой, занимающейся перехватом переговоров советских военных радиостанций, воздушной разведке и т. д. Все эти средства, как правило, были взаимосвязаны и дополняли друг друга. Генерал-лейтенант Пикенброк, один из руководителей Абвера, так оценивал значение воздушной разведки: «Эта разведка давала хорошие результаты, она сохраняла нам большое количество агентов и в то же время добывала данные для заброски агентуры» [9].

Встает вопрос, а зачем нам эти подробные данные об организации и направленности, средствах и задачах фашистских спецслужб в предвоенное время и в начале войны? Все дело заключается в том, что советские чекисты, ряд руководителей НКВД-НКГБ СССР, являясь высококвалифицированными специалистами и хорошо представляя, в том числе и с помощью советских разведчиков в лагере врага, главные установки и задачи нацистских разведслужб, сумели быстро и правильно оценить ситуацию и использовать складывающиеся обстоятельства, сильные и слабые стороны противника для успешного выполнения проводимой операции. Они хорошо представляли все возрастающую угрозу агрессии против СССР нацистской Германии и принимали соответствующие меры. Как свидетельствует в своих мемуарах видный советский разведчик П. А. Судоплатов, бывший с мая 1939 г. заместителем начальника внешней разведки НКВД СССР, «военная контрразведка оказалась на переднем крае мобилизационных действий. Ее руководство еще за полгода до начала войны [в конце декабря 1940 — начале января 1941 г. — авт.] разработало ряд мероприятий для действий в «особый период», т. е. в период войны». И далее самокритично указывает, что в разведуправлении НКВД-НКГБ СССР начали проводить эти меры в большой спешке лишь в апреле—мае 1941 г. [10].

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 под названием «План Барбаросса», предусматривающую полный разгром СССР, уничтожение Красной Армии, ликвидацию советского строя. Он указывал на совещании еще в 1940 г.: «Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком». 30 марта 1941 г. на секретном совещании военных руководителей Гитлер повторил основную

идею: «Наши задачи в отношении России — разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство». Фюрер нацизма рассматривал войну против Советской России как беспощадную борьбу двух идеологий [11].

Гитлеровцы делали все возможное для введения в заблуждение о своих истинных целях, планах и ближайших намерениях советского политического и военного руководства. Фашистами было проведено примерно 70 мероприятий для дезинформации нашего руководства. Особенно активно велась дезинформация в промежутке с февраля до начала июня 1941 г. Но уже в декабре 1940 г. возглавлявший информационный отдел Разведуправления Красной Армии подполковник Новобранец, убедившись, на основании многочисленной и разнообразной поступавшей информации, в серьезности надвигающейся на страну опасности, разослал сводку № 8 всему начальствующему состав Красной Армии, до командиров корпусов включительно. Он сделал это без ведома начальника Разведуправления генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова, искажавшего донесения советских разведчиков при докладах И. В. Сталину. Голиков подогнал данные нашей разведки под схему, переданную ему через НКВД югославским атташе в Москве Путником, в которой числилось всего 35—40 фашистских дивизий, разбросанных вдоль советских границ и не объединенных замыслом общей идеи. Эта схема была известна Сталину и он писал об этих дивизиях Гитлеру. И от него получал конфиденциальный, успокаивающий ответ. Проанализировав «схему Путника», Новобранец убедился, что это чистейшей воды дезинформация.

Все же, понимая всю ответственность за распространяемые данные о подготовке фашистской Германии к агрессии против СССР в ближайший месяц, Новобранец разослал также текст сводки № 8 по особому списку для сведения: Сталину, Молотову, Маленкову, Берии, Ворошилову, Тимошенко, Мерецкову, Жукову. В тот же день он лично сумел доложить обстановку на границе начальнику Генштаба Н. А. Мерецкову и представил ему и заместителю начальника оперативного отдела Генштаба А. М. Василевскому составленную им карту с действительным развертыванием ударных группировок вермахта в количестве 110 дивизий (в том числе 11 танковых).

Результат своевременного, за 6 месяцев до начала войны, предупреждения? Мерецков, который поверил в данные сводки, был снят с должности начальника Генштаба. Василевский, понявший правдивость сведений Новобранца, «тяжело заболел». Сам Новобранец был смещен Голиковым с занимаемой должности и отправлен им на «бериевский курорт» — в закрытый дом отдыха Разведуправления, превращенный в «отстойник»

для «паникеров войны». Там в любой момент его могли арестовать и расстрелять [12].

Подтверждением правоты подполковника Новобранца стало донесение военного атташе посольства СССР в Берлине генерал-майора В. И. Тупикова от 29 декабря 1940 г. о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР и что она якобы будет объявлена в марте 1941 г. Военная разведка сразу дала задание о срочной перепроверке и уточнении этих сведений. Надо отметить, что Гитлер подписал окончательный план войны с СССР — план «Барбаросса» 18 декабря 1941 г., а всего через 11 дней об этом факте сообщает советский военный разведчик, что говорит о силе и возможностях советской разведки. 4-го января 1941 г. из Берлина пришло подтверждение достоверности данной информации, основанной не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который являлся сугубо секретным и о котором было известно только очень немногим лицам. К тому же в этом сообщении речь шла уже не о марте, а о весне 1941 г. [13]. Эта информация, как и другие, была сразу доложена в Кремль. 30 декабря 1940 г. начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии Голиков доложил Сталину, что 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил директиву № 21 верховного главнокомандования о плане войны против СССР [14]. Зимой 1941 г. органы госбезопасности и военной разведки продолжали отмечать усиление подрывной деятельности фашистских спецслужб, их враждебная активность нарастала и весной. В апреле и мае 1941 г. было выявлено сосредоточение вблизи советской границы крупных группировок немецко-фашистской армии. Советский военный атташе в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков радировал в Москву, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев. Он ссылался на данные, полученные от подпольной антифашистской организации Шульца — Бойзена и Харнака и просил снабдить их рацией. 17 июня 1941 г. органы госбезопасности и командование пограничных войск известили Сталина о том, что нападение фашистской Германии произойдет 21—22 июня [15].

Всего с момента принятия Гитлером решения о войне против СССР (июль 1940 г.) и до 22 июня 1941 г. советская разведка имела возможность достаточно четко квалифицировать и оценивать поступившие от разведчиков сведения как подготовку гитлеровской Германии к нападению. В целом, по данным зарубежных исследователей, рассматривается и оценивается возможность поступления советскому руководству по различным каналам информации по более 100 эпизодам подготовки намечающейся агрессии [16].

В ходе уже первого этапа операции «Родина» чекисты, анализируя задания, полученные из Абвера и РСХА выявленной фашистской агентуре, а в ряде случаев проводя наблюдения за их деятельностью по выполнению поставленных зимой—весной 1941 г. перед ними задач, пришли к выводу о приближающейся войне. Об этом свидетельствовали усиленное внимание фашистов к выяснению возможностей железнодорожного транспорта, составление детальных планов расположения частей Красной Армии в западных округах, целенаправленный сбор данных о подробной дислокации советской авиации, о складах боеприпасов и горючего. Характерно, что задания носили краткосрочный характер и были очень частыми, что указывало на большую вероятность трагической развязки событий уже летом 1941 г. Однако и их сигнал остался без внимания со стороны руководства наркомата.

Ближайший подручный Сталина нарком НКВД-НКГБ СССР Л. П. Берия в докладной записке Сталину от 21 июня 1941 г. утверждал: «Я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 Гитлер на нас не нападет!» Он старался выслужиться, завоевать безграничное доверие диктатора собачьей преданностью и полной поддержкой всей мощью своего аппарата любых предначертаний вождя, даже когда они были бесконечно далеки от реальности и выдавали желаемое за действительное. Именно поэтому Берия преступно игнорирует все поступающие по линии разведки данные о приближающейся войне и развертывает преследование честных чекистов, предупреждавших о грозной опасности: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников... за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией» [17].

К сожалению, Сталин, оказавшись во власти своих ошибочных расчетов и прогнозов, не принял во внимание получаемую из разных источников информацию, а его ближайшее партийное и советское окружение послушно и боязливо соглашалось со всем, что исходило от Генсека, а с мая 1941 г. — Председателя Совнаркома СССР. Высшее военное руководство, помня о трагической судьбе своих предшественников, опасалось противоречить «великому вождю всех времен и народов» и не предпринимало всех необходимых мер для обороны страны. При сталинском подозрительном характере, его полной уверенности в своей непогрешимости и боязливом молчании приближенных, хорошо помнящих Великий террор 1937—38 гг., все это отбрасывалось, не давало воспринять трезвую оценку о неумолимо надвигающейся войне.

Органы советской разведки и контрразведки были поставлены в такой обстановке в очень тяжелое и трудное положение. Однако в 1940-м и в первом квартале 1941 г. сотрудники органов НКВД-НКГБ, продолжавшие стоять на страже интересов государства, в западных районах Советского Союза сумели выявить 66 фашистских резидентур и обезвредить более 1300 их агентов. Наряду с этим, наши пограничники только за 11 предвоенных месяцев задержали около 5 тыс. лазутчиков. Чекистами были добыты важная информация о военно-политических планах империалистических держав, точные сведения о подготовке нацистской Германией войны с СССР. Борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок и враждебных элементов была бы в предвоенные годы намного эффективней, если бы работа органов государственной безопасности не была во многом парализована нарушениями законности, репрессиями в отношении большого числа их сотрудников [18].

В этих конкретных условиях и определилась окончательная идея операции «Родина», заключавшаяся в создании в будущем возможности переиграть, перехитрить разведку противника, дезинформировать его командование в случае агрессии Германии против СССР, с целью создания наиболее благоприятных условий для обороны, а затем контрнаступления Красной Армии. Знал ли Нарком НКВД-НКГБ и высшее руководство Разведуправления Красной Армии об этой операции? С. А. Ваупшасов и А. К. Спрогис были уверены, что знали и устно дали «добро» на ее проведение, хотя никаких документов об этом они не видели. В чем дело? Ведь Сталину Берия и Голиков докладывали и убеждали совсем в другом. Здесь надо учитывать одно обстоятельство: да, Берия был политическим авантюристом, садистом и абсолютно беспринципным человеком. Но в тоже время он был умным, расчетливым, хитрым и хорошо понимал коварство и беспощадность Сталина, его манеру находить всегда «козлов отпущения» за свои промахи и ошибки. Перед глазами Берии были судьбы его предшественников — Ягоды, Ежова и их приближенных, которых не спасли ни фанатическая преданность вождю, ни реки пролитой по его приказам крови невинных. А Голиков, сменивший в июле 1940 г. на посту начальника Главного разведывательного управления честного и прямолинейного И. И. Проскурова, открыто перечившего Сталину, знал о судьбе последнего — тот был арестован и позже расстрелян по приказу Берии осенью 1941 г. Поэтому он и давал только ту информацию руководству, которую там хотели слышать — в угоду вождю, от страха, для своей безопасности, для своей карьеры. Но, с другой стороны, он, как профессиональный военный, добровольно вступивший в Красную Армию еще в 1918 г.,

успешно закончивший в 1933 г. Военную академию им. Фрунзе, не мог не понимать, хотя бы про себя, реального положения вещей. Значит, им обоим нужна была «страховка» в случае начала войны, возможность отвести от себя смертельно опасный гнев Сталина. Именно поэтому группе контрразведчиков-чекистов при содействии некоторых военных разведчиков было разрешено в условиях абсолютной секретности начать операцию. Если удастся, то Берия и Голиков смогут быстро представить впечатляющие результаты своей работы. Если же в самый последний момент по тем или иным причинам нацистское руководство Германии отложит на некоторое время агрессию против СССР, никто и ничто не помешает им, в обстановке культа личности и массовых нарушений законности, без лишнего шума уничтожить всех исполнителей и организаторов этой операции.

На первом этапе операции (кодовое название «Заря»), с зимы 1941 г. перехватывая передаваемые Абвером и СД задания фашистской агентуре, громились не все выявленные к весне 1941 г. вражеские резидентуры и не арестовывался ряд агентов, особенно располагавших радиопередатчиками. Их деятельность лишь по возможности ограничивалась и тщательно фиксировалась. Хотя такие действия и несли определенный ущерб для нас, но все же это было меньшее зло, необходимое для будущей победы.

Встает вопрос, а были ли технические возможности, подготовленные кадры, опыт деятельности для планировавшейся широкомасштабной радиоигры советской контрразведки и военной разведки с гитлеровскими спецслужбами? Да, такие возможности, кадры и опыт были. Вот некоторые факты. Еще в 1939 г., по свидетельству П. А. Судоплатова, наша радиоконтрразведка, наряду с агентурой, контролировали переписку между посольством Японии в Москве и японским МИДом. В составе радиоконтрразведки было дешифровальное подразделение, которым успешно руководили Шевелев и Блиндерман [19]. Радиодивизионы особого назначения (ОСНАЗ) существовали еще до войны. Например, в октябре 1939 г. в составе Украинского фронта (развернут в связи с подготовкой и осуществлением освобождения Красной Армией Западной Украины и Западной Белоруссии) имелось 4 дивизиона ОСНАЗ (386-й, 370-й, 372-й, 529-й), которые были развернуты в приграничной полосе от Люблина до Карпат и занимались радиоперехватом на территории Южной Польши.

В советском гарнизоне в г. Приенай (Литва) в ноябре 1939 г. был развернут разведпункт 363-го радиодивизиона ОСНАЗ, входящего в состав Белорусского фронта и осуществлявшего радиоразведку на территории Восточной Пруссии и северо-восточнее Варшавы. Такие же радио-

дивизионы имелись и в других пограничных округах. К началу Великой Отечественной войны существовало 16 дивизионов ОСНАЗ.

Кроме того, имелась радиобригада Главного командования в составе 6 радиодивизионов и радиополка, которая вела радиоразведку в более чем 1000-км полосе. Они занимались радиоперехватом, пеленгацией штабов войск противника, прослушиванием телефонных разговоров и постановкой радиопомех в приграничной полосе; их деятельностью руководило Разведуправление через разведотделы военных округов [20].

Кроме того, в начале 1941 г. в одной из южно-европейских стран резиденту германской разведки был подброшен одним из наших разведчиков хорошо сработанный липовый «компрометирующий» материал на ответственного работника советского посольства. После проверки данного материала, убедившись в его «подлинности», фашисты смогли «завербовать» нашего дипломата. Он начал давать некоторые второстепенные экономические и политические, но поддающиеся перепроверке, сведения. Постепенно доверие к нему и его информации у разведки противника росло. Вряд ли надо разъяснять, что это был сотрудник органов, который войдя в доверие к гитлеровцам, многие месяцы успешно выполнял задания руководства, ведя смертельно опасную двойную игру. Со слов С. А. Ваупшасова мне известен только его псевдоним — «Николай Орловский». Так чекисты сумели к лету 1941 г. создать дипломатический канал для дезинформации врага. С началом войны «Николай Орловский», будучи «выдвинутым» заниматься военными делами в многосложной работе посольства в дружественной Германии, но оставшейся нейтральной стране, смог начать передавать своим «хозяевам» различную оборонную информацию, данные которой тщательно подготавливались в советской контрразведке и имели правдоподобный характер. Проводилась очень кропотливая и смелая работа по подготовке условий для сообщения гитлеровцам необходимой ложной информации большого значения, которую они должны были воспринять как правдивую и в связи с ней в определенной мере скорректировать свои военные планы. В целях достоверности «Орловский» не знал всей или даже большей части замысла дезинформации, а только ряд ее важных моментов, но по ним можно было, при тщательном анализе и сопоставлении с другими разведывательными данными, во многом установить планы замыслов советской стороны и якобы данных в связи с ним, поручений.

Весной 1941 г. советское руководство через органы государственной безопасности и военной разведки делало все, чтобы заставить Гитле-

ра и его военно-политическое окружение отложить нападение на СССР. Москва использовала для дезинформации противника устаревшие военные планы. Германии наметнули, что ее военные приготовления в Восточной Европе укрепляют в советском руководстве антигерманские настроения, тогда как Сталин якобы является гарантом прогерманского курса. До сведения Берлина была доведена версия о расколе между политическим и военным руководством СССР по вопросу об отношении к Германии. Военные якобы настаивали на ужесточении советской политики, и под их нажимом Сталин вынужден был проводить некоторые военные мероприятия. В апреле 1941 г. германской военной делегации для демонстрации силы были показаны некоторые советские авиапредприятия. В ход шли любые средства. В мае—июне 1941 г. были инициированы слухи о возможном применении химического и бактериологического оружия советской стороной в случае нападения Германии [21]. Часть этих данных передавалась и через подконтрольную фашистскую агентуру в Абвер и СД и на первом этапе операции «Родина».

Фашистская военная разведка, (абвер) возглавляемая адмиралом Канарисом, смогла собрать обширные данные о Советском Союзе и его вооруженных силах. В результате в начале 1941 г. Абвером был подготовлен и издан секретный бюллетень германского генерального штаба «Вооруженные Силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 г.», в котором давалась оценка материальных и людских возможностей нашей страны, а также боевых и моральных качеств личного состава Красной Армии [22].

Так что передаваемые весной 1941 г. частью выявленной, но не задержанной агентурой сведения не носили принципиально нового характера, а лишь подтверждали или уточняли уже ранее известное. Гитлеровцы не сумели узнать ничего существенного ни о создании советскими конструкторами ракетных минометов «Катюш», ни о боевых характеристиках танков Т-34 и КВ, новых типов самолетов — истребителей ЯК-1, ЛАГГ-3, МИГ-3, штурмовике ИЛ-2, пикирующем бомбардировщике ПЕ-2, ни о радиолокационных станциях РУС-1 и РУС-2.

Немецкий генштабист Кинцель, обобщая собранные разведкой данные, докладывал перед войной о сильных и слабых сторонах советских войск: «Сила Красной Армии в большом количестве вооружения, неприязнательности, закалке и храбрости солдата. Слабость заключена в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме и повсеместно ощущимом недостатке организованности» [23].

Органы немецкой военной разведки к началу войны имели (как от контролируемых, так и от еще не разоблаченных резидентур — авт.) ряд

сведений о дислокации, организации и вооружении соединений и объединений Красной Армии, находящихся вблизи западных границ. В основном было правильно определено количество и отмобилизованность советских дивизий — из 170 дивизий, располагавшихся в западных округах, выявили 164 [24].

Но уже на первом этапе операции «Родина» советские контрразведчики, умело снабжая нужными им фактами ничего не подозревающие резидентуры врага, сумели ввести руководство вермахта в заблуждение насчет реальных сил Красной Армии по ряду важных позиций. Так, командование ВВС Германии определяло численность нашей авиации по ряду важнейших позиций в 8 тыс. самолетов, в то же время, как на 1 июня 1941 г. в ней насчитывалось 15 тыс. 990 боевых самолетов. Это позволило, несмотря на колоссальные потери в первые месяцы войны, сохранить хотя и понизившуюся боеспособность советских ВВС. И уже 1 июля 1941 г. начальник генерального штаба Гальдер вынужден был отметить крайне неприятную новость: «Наше командование ВВС серьезно недооценило силы авиации противника в отношении численности. Русские, очевидно, имели в своем распоряжении значительно больше... самолетов». Гитлеровское командование было введено в заблуждение контрразведчиками и о количественном составе наших танковых войск. Так, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии, полагаясь на данные своей разведки, считал в начале июля 1941 г., что Красная Армия располагает, предположительно, 15 тыс. танков, в то время как в реальности можно было оценить их количество в 10—11 тысяч. Из них с января 1939 г. по 22 июня 1941 г. в советские войска поступило более 7 тыс. танков. На самом деле более 60 % всех танков находилось к началу войны в войсках западных пограничных округов — это примерно 6000—7000 машин, а не 15000, как считали в Генеральном штабе гитлеровских войск. К сожалению, из имеющихся танков только 1861 от общего количества составляли лучшие танки Т-34 и КВ, изготовленные в 1940 г. — начале 1941 г. Остальные были устаревших образцов со слабым вооружением и тонкой броней. Именно поэтому соотношение советских и германских потерь в танках с 22 июня по 30 ноября 1941 г. составляло 4:1. В целом противник допустил просчет в 2—2,5 раза в количестве нашей броневой техники. И 4—5 тысяч несуществующих наших танков очень беспокоили фашистских генералов — где и когда они появятся? Чекисты не только ввели в заблуждение вражеское командование (выпуск в основном устарелой продукции не их вина), они сумели заставить гитлеровцев поверить в угрозу для реальных дивизий вермахта от мифических советских танковых диви-

зий и допустить соответственно ряд неправильных или колеблющихся решений, помочь нашим войскам в очень тяжелой и трудной обстановке обороны и отступления под натиском маневренных и хорошо обученных сил вермахта [22].

Чекисты отлично понимали всю меру своей ответственности за каждую информацию, попавшую от агентуры в штабы противника. Им было вдвойне тяжело, так как развитие событий на фронте уже в самые первые дни войны было совсем иным, чем ожидалось. Стало ясно, что мы переоценили свои вооруженные силы и недооценили силы врага. Приходилось учитывать, что участники операции «Родина» могли быть в любой момент обвинены руководством НКВД—НКГБ* или в прямом пособничестве противнику, или в преступной халатности, что позволяли свободно действовать шпионам, или в неумении квалифицированно и точно бороться с вражеской агентурой. Спасли могло одно — успех, оправдать перед совестью пролитую кровь, сгоревшие танки и разбитые самолеты — только полный успех задуманного. Но без начального этапа операции невозможно было обойтись. Жесткая логика борьбы беспощадно требовала идти до конца. Необходимо, чтобы если не все, то многие сведения о войсках, переданные по рациям в Абвер или СД в Берлин, Кенигсберг и Варшаву, получили подтверждение в своей правильности по захваченным документам, по допросам пленных, по аэрофотосъемкам и данным радиоперехватов.

Ведь, чтобы можно было давать большую и целенаправленную дезинформацию, надо было сначала добиться доверия передаваемым данным. Когда эта часть задания была выполнена, ни на один лишний час шпионов и диверсантов не оставили на свободе. В ночь на 1 июля в охваченной войной Белоруссии, Украине, в еще спокойных Ленинграде и Москве, в других подвергающихся бомбежкам городах и железнодорожных станциях были арестованы все наблюдаемые, перехвачены все выявленные разведывательные связи, проведены тщательные обыски и захвачены различные предметы шпионского снаряжения. Особое внимание было обращено на радистов и рации.

После быстрых и психологически точно просчитанных допросов, где резидентам и радистам были предъявлены все выявленные улики, все материалы слежки за несколько месяцев, все их переданные и расшифрованные радиোগраммы, многие из них, спасая жизнь, надеясь на снисхожде-

* Введены в июле 1941 г.

ние военного трибунала за реальную помощь контрразведке в обороне Родины, дали согласие работать под контролем чекистов и регулярно передавать точно сформулированные и внешне правдоподобные данные своим хозяевам. Сколько резидентов, радистов и по скольким радиостанциям шла эта радиоигра? По словам С. А. Ваупшасова — несколько десятков человек и более двух десятков раций, а по воспоминаниям А. К. Спрогиса — более полусотни с тремя десятками раций. Во всяком случае, радиоигра по дезинформации командования агрессора шла большого размаха и с течением времени, в связи с захватом новых групп агентов с рациями, принимала все более масштабный характер. Усилению достоверности передаваемых сведений помогало то, что радисты под контролем чекистов работали из разных мест, удаленных на десятки и сотни километров друг от друга, в разное время и по различным шифрам, никак не связанные друг с другом. Что такое было вполне реальным свидетельствует факт — с конца 1941 г. по май 1943 г. для передачи врагу ложных данных использовались 80 радиостанций немецкой агентуры, захваченных органами госбезопасности в нашем тылу [26].

В чем был основной смысл проводимой дезинформации? Для точного ответа на этот вопрос надо хотя бы вкратце рассмотреть складывающуюся с начала войны обстановку на фронте. Уже в первые недели войны определилось главное направление удара немецко-фашистских войск — на Московском направлении, а не на Украине, где, по расчетам нашего командования, он предполагался и где было сосредоточено больше сил Красной Армии. Здесь на Минск, Смоленск и далее на Москву, как важнейший политико-административный центр СССР, крупнейший транспортный и промышленный центр, наступала фашистская группа армий «Центр» на фронте шириной в 500 км. В ней насчитывалось 50 дивизий, в том числе 9 танковых и 6 моторизованных. Ее поддерживал 2-й воздушный флот — самый сильный в нацистской армии, насчитывающий 1670 боевых самолетов. Группе армий «Центр» было передано около половины отдельных артиллерийских, зенитных и противотанковых дивизионов и батарей резерва сухопутных сил Германии. Взятию Москвы гитлеровцы придавали исключительное значение.

Гитлер предусмотрел в плане «Барбаросса» — плане войны, разгрома и захвата СССР: «на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в военном отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла». Взятие Москвы несло победу гитлеровским агрессорам. И не только потому, что она была столицей СССР. Москва — это

узел всех железных дорог европейской части СССР; это важнейший, производящий оружие, боеприпасы, средства войны промышленный центр СССР; это, наконец, исконно русская часть населения СССР. Взятие Москвы делило СССР на куски, связь между которыми была бы чрезвычайно затруднена [27].

В основной директиве плана «Барбаросса» подчеркивалось: «Захват этого города означает как с политической, так и с экономической стороны решающий успех». Захвата Москвы с нетерпением ждали милитаристские круги Японии и Турции как сигнала для нападения на дальневосточные и закавказские районы СССР.

Падение Москвы должно было продемонстрировать всему миру триумф стратегии «молниеносной войны», послужить решающим доказательством «неотразимости» немецкого оружия, сорвать складывающуюся антифашистскую коалицию СССР, Великобритании и США. Не надо забывать и о страшном психологическом ударе по надеждам всех народов СССР и боеспособности Красной Армии в случае захвата Москвы. Поэтому гитлеровцы связывали судьбу войны против СССР летом—осенью 1941 г. с наступлением вермахта на Москву [28].

Начало войны для Красной Армии сложилось крайне неблагоприятно. Хотя нужно отметить, что силы пяти западных советских пограничных округов были немалыми, они все же почти вдвое уступали противнику в людях, имели несколько меньшее количество артиллерии и превосходили врага в танках и самолетах, правда, большей частью устаревших образцов. Так, в общем парке боевых самолетов 82,7 % составляли старые типы. Главный их недостаток заключался в слабом вооружении и низкой «живучести». На 1 июня 1941 г., к примеру, только 9,8 % общего числа истребителей имели пушечное вооружение [29].

Уже в первый день военных действий воздушным налетом подверглись 26 аэродромов Западного, 23 — Киевского, 11 — Прибалтийского особых военных округов и 6 аэродромов Одесского военного округа. В результате мы потеряли около 1200 самолетов, в том числе Западный округ — 738. Враг сумел уже в первые дни захватить господство в воздухе. По оснащению новыми образцами танков и самолетов превосходство было на стороне немецко-фашистской армии. Дивизии врага были полностью укомплектованы личным составом, вооружением и боевой техникой, транспортными средствами. Они обладали более высокой подвижностью и маневренностью. На ряде ударных направлений гитлеровцы превосходили советские войска в 3—4 раза. Сыграла свою роль и оперативная внезапность удара вермахта по нашим не приведенным в боевую

готовность войскам, к тому же далеко не всегда находившихся в наилучших по размещению группировках [30].

Несмотря на мужественное сопротивление многих частей наших войск, противнику удалось за три недели войны полностью разгромить 28 советских дивизий. Кроме того, более 72 наших дивизий понесли потери в людях и боевой технике до 50 % и выше. Общие наши потери только в дивизиях, без учета частей усиления и боевого обеспечения, за это время составили более 800 тыс. человек, 11783 танков, не менее 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. противотанковых орудий, около 12 тыс. минометов, а также еще 4013 самолетов. Следует учитывать, что враг смог продвинуться за три недели боев от 450 до 600 км на решающем западном направлении. Более высокая моторизация и преимущество в подвижности нередко позволяли противнику перехватывать пути отходящих войск, и им приходилось вести тяжелые бои в окружении и при прорыве из него. В результате очень больших потерь в военной технике вооружение советских войск резко снизилось. Нарастали трудности с материально-техническим и вещевым снабжением — около 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением остались на захваченной врагом территории. У нас же был острый недостаток даже в винтовках и патронах. Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая эти реальности, 15 июля 1941 г. направило директивное письмо командующим стратегических направлений, фронтами, армиями и военными округами о вынужденном переходе к формированию частей и соединений с сокращенным количеством вооружения, почти без механизированных средств передвижения, что резко снизило их боевую мощь и маневренность. Поспешно организуемая оборона при нехватке противотанковых и противовоздушных средств оказалась непрочной [31].

Руководители фашистской Германии в целом были удовлетворены результатами первых дней войны и победы в приграничных сражениях. Гитлер 4 июля заявил: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически войну он уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их восстановить». Гитлеровцы рассчитывали, что, овладев Смоленском в середине июля, они смогут занять Москву в августе [32].

Надо было любой ценой, не останавливаясь ни перед какими жертвами и потерями, остановить врага, устремленного на Москву. С 10 июля по 10 сентября, в течение 2 месяцев, в районе Смоленска и прилегающих областей развернулось ожесточенное сражение второго стратегического

эшелона наших войск с прорвавшимися далеко на восток силами группы армий «Центр». Однако из 48 советских дивизий успели занять позицию к началу сражения только 37, но и они не успели создать прочной обороны, к тому же им приходилось действовать на широком фронте от Идрицы до Речицы — в среднем на каждую дивизию приходилась полоса шириной 25–30 км. Противник превосходил войска Западного фронта в людях, артиллерии и самолетах в 2 раза, а в танках — в 4 раза. Сложилась непосредственная опасность для Москвы [33].

Но были и факторы, помогавшие нашим войскам. 11 окруженных дивизий под Минском сумели приковать к себе на определенное время 25 дивизий врага; мужественно оборонялись защитники Гомеля и Могилева, оттягивая на себя значительные силы фашистов. На Бобруйском направлении 21-я армия перешла в наступление и силами 63-го стрелкового корпуса освободила города Рогачев и Жлобин, сковав на длительное время главные силы 2-й армии противника. В июле враг был остановлен под Киевом и на Лужском оборонительном рубеже на дальних подступах к Ленинграду. К середине июля гитлеровские войска понесли значительные потери. Они потеряли около 100 тыс. солдат и офицеров, более 1700 танков и штурмовых орудий, 1284 самолета. Спротивление советских войск нарастало с каждым днем. Уже к 23 июля 1942 г. танковые и моторизованные соединения группы армий «Центр» потеряли около 50 %, а пехотные — около 20 % своего состава. Пришлось использовать для пополнения войск значительную часть резерва. Перед высшим фашистским руководством вставал вопрос: как быть дальше. К середине июля 1941 г. противник имел на советско-германском фронте 182 дивизии, а в резерве главного командования германских сухопутных войск было лишь 14 дивизий (перед началом войны — 24) [34]. Наступать одновременно, успешно решать все поставленные перед вермахтом задачи по плану «Барбаросса» явно не удавалось. Назрел первый большой кризис всей планируемой до 22 июня фашистской военной стратегии. В этих условиях при принятии решений крайне важную роль для гитлеровского военно-политического руководства играли данные разведки о силах, планах, вооружении и сосредоточении войск Красной Армии.

Следует учитывать и очень непростую для Красной Армии обстановку с группировкой войск под Москвой. В середине июля 1941 г. были образованы фронт резервных армий из 6 армий и фронт Можайской линии обороны из 3 армий для эшелонированной обороны на участке протяженностью 750 км. Однако в условиях развернувшегося Смоленского сражения для подкрепления наших войск и с целью нанесения кон-

трудара из их состава 4 армии 20 июля были введены в бой. Нужно отметить, что оставшиеся в резерве войска, объединенные с 30 июля в Резервный фронт, были недостаточно вооружены, почти не было танков, совсем — авиации, мало тяжелой артиллерии, пулеметов, автоматического оружия, автотранспорта, личный состав был слабо обучен [35].

Крайне необходимо было выиграть время как для довооружения и обучения войск Резервного фронта, так и создания достаточно прочного в инженерном отношении комплекса оборонительных сооружений. Требовалось задержать врага и для более полной эвакуации на Восток важных промышленных предприятий, их персонала, дать возможность уйти или вывезти с попадающих под оккупацию районов страны миллионы людей. Каждый выигранный день имел жизненно важное значение — увеличивал экономическую мощь страны и уменьшал наши потери. А они были колоссальными. С июня по ноябрь 1941 г. объем валовой продукции промышленности СССР сократился в 2,1 раза. Всего за вторую половину 1941 г. из западных областей СССР было перебазировано на Восток 2593 промышленных предприятий, в том числе 1523 крупных. В тыловые районы страны по железным дорогам было эвакуировано 10,4 млн. человек. В результате уже в 4-м квартале 1941 г. удалось преодолеть спад в выпуске танков и артиллерийских орудий. А в марте 1942 г. выпуск военной продукции только в восточных районах страны достиг уровня СССР к началу войны [36].

Каковы же были в этих тяжелейших условиях лета 1941 г. задачи, ставившиеся в операции «Родина»? Во-первых, помешать противнику правильно оценивать действия советского военного командования — ложные цели выдавать за подлинные, а подлинные — за ложные. Во-вторых, внести растерянность и разногласия в решения штабов фашистских войск из-за поступающей противоречивой информации, увеличить возможность принятия ошибочных решений на основе во многом ложной информации. В-третьих, максимально оттянуть ударные группировки вермахта с центрального участка фронта на другие и помешать проведению немедленного штурма Москвы. В-четвертых, заставить ожидать ударов там, где их и не собирались наносить и в связи с этим израсходовать резервы на второстепенных направлениях. Главное — любой ценой выиграть время для создания более подходящих условий в неминуемой решающей битве за Москву. С этой целью передавались: дезинформация о численности, вооружении, районах сосредоточения группировок советских войск; о сознательном заманивании группы армий «Центр» для нанесения внезапных и мощных ударов на ее флангах с

севера и юга с целью ее последующего разгрома; о развертывании большого числа хорошо вооруженных и обученных дивизий, значительного количества танков и авиации восточнее Москвы и в Подмоскowie для перемалывания в ходе контрнаступления основных сил армий «Центр», если они все же решатся с ходу наступать на Москву; о переброске основных резервов советских войск под Киев, Одессу, Харьков, Ленинград с целью разгрома групп армий противника «Юг» и «Север», а бои в районе Смоленска, якобы отвлекающие, лишь бы сдержать врага на необходимое для наших войск время подготовки к контрнаступлению на южных и северных участках фронта. В ряде случаев мы сознательно преуменьшали наши силы для возможности нанести сильный удар по неподготовленному противнику.

Характерно, что почти не было полностью ложных сообщений — некоторая часть правды хорошо перемешивалась со многими частями ложной информации и предлагаемая дезинформация выглядела вполне правдоподобно. Часто переброску одной дивизии выдавали за переброску нескольких, сосредоточение в том или ином районе 50 танков выдавалось за 200–300, на аэродромах вместе с эскадрилей боевых самолетов расставляли полк деревянных макетов. Если похищались или фотографировались военные документы, то они были подлинными, но тут же приходил приказ их или не исполнять, или переменить форму, или изменить содержание.

Контрразведчики блестяще использовали приблизительность общих знаний фашистской разведки в целом о наших Вооруженных Силах. Они всячески старались ввести врага в заблуждение. Вот как менялись оценки начальника генерального штаба вермахта генерал-полковника Ф. Гальдера под влиянием реального соотношения сил на фронте, в отличие от того, на что рассчитывали гитлеровские генералы, опираясь на данные своей разведки. 8 июля 1941 г. он указывал, что из 164 выявленных гитлеровцами стрелковых дивизий советских войск 89 полностью или частично уничтожены, на фронте осталось лишь 46 боеспособных дивизий, а наши резервы оценивал только в 11 дивизий. Перед началом Смоленского сражения немецко-фашистское командование считало, что наш Западный фронт сможет противопоставить группе армий «Центр» не более 11 боеспособных дивизий. Ф. Гальдер 11 июля в своем дневнике самодовольно записал, что фронт противника, «в тылу которого уже нет никаких резервов, не может больше держаться». Но уже спустя всего 20 дней, 1 августа он же вынужденно подсчитывает, что против группы армий «Центр» сражается 26,5 стрелковых, 7 танковых и 1 кавалерий-

ская дивизия. Через неделю, 8 августа, с тревогой сообщает, что противостоит группе армий «Центр» уже 70 соединений, в том числе 8,5 моторизованных. 9 августа Гальдер констатирует, что если к началу войны фашисты имели против себя около 200 дивизий, то теперь насчитывают уже 360, и делает печальный вывод, что колосс Россия был нацистским военным командованием недооценен [37]. Надо отметить, что здесь он был весьма умело введен в заблуждение, так как к 1 августа 1941 г. в действующей армии было всего 290 дивизий. Но наши дивизии были малочисленнее немецких (у нас 6—7 тыс. человек в пехотной дивизии, а у гитлеровцев — 14—16 тыс.) [38]. Так что 70 мифических дивизий, или иначе 20% от всех пехотных частей Красной Армии, могли оказывать реальное давление на решения фашистского военного командования, что заставляло распылять силы, действовать с оглядкой.

Также далеко не случаен и серьезный просчет, преувеличение Ф. Гальдера по полученной от разведки информации танкового потенциала Красной Армии. 2 июля 1941 г. он отмечает, что количество танков, имеющих у противника, соответствует 35 танковым дивизиям, из них на фронте обнаружено 22, на Дальнем Востоке — 5 танковых дивизий, отсутствуют 8 дивизий, и делает предположение, что 3 из них сосредоточены на севере, а 5 советское командование может использовать в качестве оперативного резерва в центре и на юге. Через 6 дней, 8 июля, он самодовольно записывает в своем дневнике, что из 29 выявленных ими танковых дивизий 20 целиком или большей частью уничтожены, и только 9 дивизий еще полностью боеспособны. Реально противнику удалось разгромить только 10 наших танковых дивизий. Холодный душ крупного просчета в боеспособности и численности советских танковых частей пролился действительностью довольно скоро. Уже в конце июля, давая общую оценку Вооруженным Силам Красной Армии, Гальдер с горечью отмечает: «Численность танковых войск у противника оказалась больше, чем предполагалось. Особенно отмечается упорство сопротивления противника» [39]. Большие колебания в оценке наших танковых сил не могли не тревожить военное командование Германии, заставляли с доверием относиться к сообщениям агентуры о неизвестных ему резервах русских, об их якобы значительном сосредоточении под Москвой или в других районах для контрударов. Примечательно высказывание Гитлера по оценке и влиянию танкового потенциала Красной Армии после посещения им штаба группы армий «Центр» в Борисове от 4 сентября 1941 г.: «Если бы я

знал, что у них столько танков, я бы дважды подумал, прежде чем начать вторжение» [40].

Такая широкомасштабная дезинформация о наших силах летом 1941 г. вполне реальна, так как в последующем этот метод успешно применялся органами госбезопасности, действовавшими в тесном контакте с Генеральным штабом Красной Армии, и использовались различные оперативные возможности для систематического введения противника в заблуждение относительно планов советского командования, передвижения войск, обстановки в тылу. Так, в период с 1 мая по 1 августа 1942 г. фашистской разведке были переданы ложные сведения о сосредоточении на разных направлениях 255 стрелковых дивизий, 3 танковых армий, 6 танковых корпусов, 53 танковых бригад, 80 арtpолков, 6 кавалерийских дивизий и 3 армейских штабов. В январе 1943 г. гитлеровская разведка получила дезинформационные сведения о формировании в г. Горьком резервной армии, а также о выгрузке в северных портах 1300 самолетов и 2 тыс. танков [41]. Вряд ли надо подробно говорить о значении этих ложных сведений для обмана командования врага в тяжелейший период нового отступления наших войск на юге страны или в период Сталинградского сражения.

Конечно, дезинформация, проводимая летом 1941 г., не была такой масштабной, но следует учесть, что она, во-первых, сыграла свою роль, а во-вторых, чекисты только обучались этому очень сложному и трудному методу борьбы с противником. Когда было необходимо, врагу передавались и явно заниженные сведения о реальном сосредоточении наших сил.

Фашисты понимали, что советское командование силами резервов будет восстанавливать прорванный во многих местах стратегический фронт на Западном направлении. Весь вопрос был — какими силами? На самом деле, вместо 3 отведенных с фронта дивизий, понесших потери, 1 дивизия переброшенной из Москвы, 3 — из Поволжья и Урала, 4 — из Сибири и даже одной — из Крыма (?) — всего 12, как считало военное руководство вермахта, против группы армий «Центр» на рубеж рек Западная Двина и Днепр в это время выдвигались 48 дивизий, не участвующих в боевых действиях [42].

Просчет в 3–4 раза в противостоящих силах Красной Армии во многом спутал расчеты на быстрый разгром небольшого количества уцелевших советских дивизий и успешный захват Москвы. Характерно и преувеличение врагом численности наших перебрасываемых из резерва танковых сил. В ходе Смоленского сражения противник превосходил нас в танках в 4 раза. Гальдер по данным отдела иностранных армий «Вос-

ток» (разведка генерального штаба вермахта, которую возглавлял опытный разведчик Р. Гелен) рассчитывал на появление на фронте групп армий «Север» и «Центр» 6 свежих советских танковых дивизий, а также что еще 5 танковых дивизий имеется в оперативном резерве нашего командования. Это обстоятельство — ожидание появления многочисленных танковых частей у советских войск — привело, наряду с другими факторами, к отказу от заключения, что войска Западного фронта уже не в состоянии оказать серьезного сопротивления и что группа армий «Центр» способна провести дальнейшее наступление на Москву одними пехотными дивизиями. 19 июля 1941 г. главное командование вермахта издало директиву № 33 о дальнейшем ведении войны на Востоке, а 23 июля — дополнение к ней, в которой задача разгрома советских войск между Смоленском и Москвой и овладения столицей СССР возлагалась на 9-ю и 2-ю полевые армии, 2-я и 3-я танковые группы должны были разойтись после окончания боев в районе Смоленска, чтобы оказать поддержку войскам групп армий «Юг» и «Север». Но вывести танковые группы из грандиозного Смоленского двухмесячного сражения не удалось. Их ударная мощь в ходе ожесточенных боев была значительно подорвана [43].

Тем самым Западный фронт, сам, находясь в тяжелом положении, дал возможность укрепить оборону у Киева и Лужской оборонительной линии и остановить там врага. Одной из слагаемых успеха была успешная радиоигра чекистов, введших в заблуждение через многочисленную контролируемую агентуру командование врага о реальных и возможных силах, противостоящих самой сильной группировке фашистов.

Советским контрразведчикам, осуществляя операцию «Родина», приходилось учитывать и мощь вражеской разведки, ее довольно многочисленную агентуру, которую далеко не всю в условиях лета 1941 г. могли выловить, а также достаточно квалифицированный уровень кадровых сотрудников спецслужб противника. На Московском направлении, например, действовало 3 абверкоманды, 19 абвергрупп, разведывательный отдел 1-Ц штаба группы армий «Центр», около 10 особых и оперативных команд и других подразделений секретных гитлеровских служб [44].

Чекисты приложили большие и разнообразные усилия для надежного прикрытия железнодорожных узлов от вражеской агентуры — частые проверки документов, изменения в оформлении удостоверений, более тщательный контроль за работой железнодорожников, широкая разъяснительная работа по повышению бдительности, как среди воинов Красной Армии, находившихся в дороге, так и среди эвакуируемого и местного населения. Люди с подозрительным поведением или с излишним

любопытством немедленно задерживались для выяснения всех обстоятельств. И все это происходит в сумятице отступления, в условиях глубоких прорывов вражеских войск, при частых бомбежках станций, депо и вокзалов. В результате четкой деятельности контрразведчиков фашистское командование уже на 26-й день войны (17 июля) вынуждено было констатировать, что о работе русских железных дорог ясной картины нет. Гитлеровцы объясняли это тем, что постоянное и длительное наблюдение с их стороны за железнодорожным движением невозможно [45]. Так был во многом перекрыт важный канал получения необходимой информации для противника.

Фашистский генеральный штаб мало знал, что делается перед фронтом войск вермахта. Скажем, для Ф. Гальдера становится неясной линия поведения советского командования. На основании данных о переброске советских войск в тыл можно было полагать, что советское командование пытается сосредоточить свои подвижные соединения в глубине обороны и выиграть время. Сколько-нибудь существенных сведений от пленных получить не удавалось. А точно знать было необходимо. С этой целью проводилась систематическая воздушная разведка и даже было увеличено производство самолетов «фоке-вульф», оборудованных специальной оптической аппаратурой. Авиационная разведка производилась на значительную глубину, включая районы Ленинграда, Москвы, Воронежа, Киева, Сталинграда и другие. Она фиксировала интенсивное перемещение войск, гражданского населения, движение железнодорожных эшелонов в обе стороны — к западу и востоку [46].

Воздушная разведка гитлеровцев могла дать, хотя бы частично, довольно объективную картину происходящих в реальности переброски войск и эвакуации промышленности и населения. С ней велась беспощадная борьба, и для этого из крайне ограниченного состава нашей уцелевшей боевой авиации выделялись специальные подразделения, укомплектованные опытными летчиками и новейшей авиационной техникой. Результаты были достаточно эффективны, как это видно из признаний самого гитлеровского высшего командования.

21 июля 1941 г. генерал Богач, докладывая Гальдеру о воздушной обстановке, указал, что численность разведывательных авиачастей временами сильно сокращается, есть трудности в пополнении материальной части из-за потерь. И указывает, что «воздушная разведка не дала никаких существенных результатов», за небольшим исключением о переброске советских войск из района Балагое к Ленинграду, Старой Руссе и Великим Лукам. Да и в этом случае закономерен вопрос — то ли у нас

не хватило сил ПВО, чтобы надежно прикрыть все большие переброски войск, то ли нацистам умышленно дали возможность, в рамках операции «Родина», увидеть то, что подтверждало дезинформацию о накапливании больших сил для контрудара на фланге группы армий «Центр» и против группы армий «Север», используя для этого обычную перегруппировку наших войск. 30 июля — новый доклад генерала Богача о резком снижении численности самолетов в разведывательных эскадрильях. Он вынужден констатировать, что из 10 эскадрилий, по меньшей мере, 6 придется в полном составе отправить на восстановление. Аналогичное положение, отмечает Гальдер, наблюдается и в ночных разведывательных эскадрильях. Резко сокращалась возможность быстрой и объективной информации для командования ударных сил вермахта из-за нехватки материальной части и трудностей в пополнении личным составом авиаразведки. Указывалось, что из-за всего перечисленного необходимо отобрать войсковые разведывательные эскадрильи у моторизированных корпусов, что если даже собрать все имеющиеся самолеты типа «Хенкель» и пополнить подразделения, имеющие на вооружении данный тип самолетов, то и этих машин хватит лишь до 1 сентября [47]. Так советские летчики не дали возможности вражеской авиаразведке вести систематическую и длительную работу и во многом помогли успешному проведению в жизнь операции «Родина».

Следует учитывать и то обстоятельство, что любая разведка, особенно в период войны, допускает возможность перехвата противником определенного числа своих агентов и ведения с их помощью радиоигр. Перед советской контрразведкой стояла сложная задача убедить фашистские разведорганы в правдивости передаваемой информации, исключить мысль о ведении радиоигры, добиться доверия к получаемой во вражеских штабах информации из советского тыла и прифронтовой полосы. Трудность заключалась и в том, что кредит доверия к сведениям агентов к середине июля 1941 г. был уже почти исчерпан, так как те части и соединения, о которых они передавали данные весной 1941 г., были уже разбиты или со значительными потерями вырывались из окружения и с тяжелыми боями отступали на восток. А передаваемая с начала июля дезинформация о перебросках большого количества наших войск и военной техники могла возбудить подозрения из-за довольно быстрого продвижения группы армий «Центр» и отсутствия реального противодействия хотя бы части перебросенных, по ложным сведениям, сил на фронте. Можно по-разному относиться к примененным чекистами формам и методам убеждения врага в правильности передаваемой дезинформации. Видимо, не все

и не всегда отвечало принципам гуманизма, но главное было — выиграть время, перехитрить врага, спасти Москву. В этом случае считались справедливыми любые жертвы.

С целью усиления доверия гитлеровцев к получаемым их разведкой сведениям был проведен в июле второй этап операции «Родина» (кодовое название «Стрела»). Для этого, по словам С. А. Ваупшасова, в одной из спецмашин в разбомбленной автоколонне штаба дивизии был специально подброшен совершенно секретный действующий шифр для радиопереговоров ряда штабов нашего командования. По воспоминаниям же А. К. Спрогиса, был инсценирован переход к гитлеровцам офицера-шифровальщика с кодовыми таблицами, который якобы убедился в непобедимости немецкой армии и был немцем по матери. Вполне вероятно, что были применены оба этих варианта. Сознательно рассекреченный шифр нами не отменялся на протяжении около двух недель. Но все же полученные немецкой разведкой шифры были действительны только для некоторых частей и соединений, но не для большинства. Цельной картины происходящего гитлеровцы так и не смогли составить. Однако захваченные различные военные документы, сведения, полученные от некоторых пленных, данные о советских частях на фронте, подтвержденные информацией подразделений войсковой разведки — все это убеждало нацистов в полной достоверности расшифрованных указаний наших штабов. И через несколько дней в эту подлинную, хотя и частичную, информацию стали добавлять и искажающие и неточные данные о силах Красной Армии, о замыслах нашего командования, отражающие задачи и цели операции «Родина».

Советская контрразведка широко использовала для дезинформации противника, введение в заблуждение его штабов и обман вражеской радиоразведки, умышленно допуская «утечку» секретных данных о количестве и направлениях передвижения наших войск. Это облегчалось тем обстоятельством, что радиосвязь в Красной Армии к лету 1941 г. была развита недостаточно, в основном полагались на проводную.

Так на 22 июня 1941 г. войска Белорусского (Западного) особого военного округа были обеспечены по штату радиостанциями (армейскими и аэродромными) только на 26—27 %, корпусными — на 58 %, ротными — на 70 %. По штату в нашей дивизии должны были быть 22 рации (а в немецкой — 70 раций) [48]. Этот крупный недостаток однако помог чекистам взять под неослабный контроль всю работу немногочисленных штабных радиостанций и за действительные нарушения правил и секретности связи расплата была быстрой и беспощадной. Наряду с этим, кон-

трразведчики оперативно наладили в рамках операции «Родина» снабжение фашистов ложными или явно преувеличенными данными, давая достаточно большую пищу для служб радиоперехвата врага.

Немецкая пехотная дивизия имела в обязательном порядке радиороту, а в ней — взвод радиоразведки из 3-х радиоотделений и отделение наблюдателей. Этот взвод прослушивал все разговоры радиостанций частей Красной Армии, пеленговал их и вызывал на них артиллерийский огонь или бомбардировочную авиацию [49].

Например, 4 июля 1941 г. гитлеровское высшее командование знало о перехвате накануне передававшегося по радио русского приказа о том, что на Западной Двине надо располагать лишь отдельные группы на переправах. И начальник генерального штаба вермахта делает вывод, что следует считать, что противник больше не располагает достаточными силами для серьезной обороны своего нового рубежа по Западной Двине и Днепру. Эта ловко подброшенная информация позволила во многом скрыть развертывание с конца июня 1941 г. на рубеже среднего течения Западной Двины и Днепра 2-го стратегического эшелона войск из 5 армий (20-я, 19-я, 20-я, 16-я, 21-я), являвшихся основной силой, прикрывающей Московское направление. А гитлеровцы пока делали на основе недостоверных данных оптимистические для себя выводы: «В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы». Через 6 дней, к 10 июля, подвижные соединения группы армий «Центр» вышли на Днепр и Западную Двину. И здесь началось их мучительное и кровавое протрезвление — вместо остатков разбитых войск и отдельных очагов сопротивления вермахт встретил кадровые и довольно хорошо оснащенные военной техникой свежие советские дивизии и армии, втянувшие главные силы врага в тяжелое двухмесячное сражение и остановившие его в районе Смоленска [50].

Отвлекали силы и внимание противника от московского направления и радиосообщения о крупных сосредоточениях наших войск на стыке групп армий «Центр» и «Юг». Так, 7 июля начальник генерального штаба вермахта писал, что, по данным радиоразведки, в районе Пинских болот, перед левым крылом армии Рейхенау находятся 4 корпуса противника, но где они дислоцируются — точно неизвестно, так как гитлеровские войска не вошли с ними до настоящего времени в соприкосновение. Однако через 6 дней опытное фашистское командование начинает сомневаться в их существовании, подозревая возможность выдачи значительно меньших сил за большие. Гальдер отмечает: «Коростенская группа (силой до 4 диви-

зий) состоит из соединений, располагавшихся ранее в районе Пинских болот. Сведения о том, что эта группа состоит из 4 корпусов, я считаю сомнительными. Эти сведения основываются на данных радиоразведки (возможно, сознательное введение нас противником в заблуждение)» [51].

Для придания большей достоверности передаваемой дезинформации, для того, чтобы в зародыше подавить у опытного врага любые сомнения в правильности получаемых данных (а с каждым днем расхождение ложного и подлинного в переговорах и приказах штабов увеличивалось и отнюдь не в пользу истины) была проведена новая фаза второго этапа операции.

Для окончательного убеждения гитлеровского командования было использовано даже предание суду военного трибунала группы генералов Западного фронта во главе с командующим и нескольких генералов и офицеров Северо-Западного и Южного фронтов. Сталину, чтобы не подорвать свой авторитет, нужно было найти виновников происшедшего в Белоруссии поражения наших войск в приграничных сражениях. Уже 30 июня с Западного фронта был отозван командующий генерал армии Д. Г. Павлов, а на его место назначен маршал С. К. Тимошенко. Вместе с ним членом Военного Совета Сталин направил Л. З. Мехлиса. В течение четырех дней тот «установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение» и сообщил 6 июля 1941 г., что Военный Совет фронта решил арестовать и предать суду прежний руководящий состав Западного фронта. На эту телеграмму Сталин ответил в тот же день: «Тимошенко, Мехлису, Пономаренко. Государственный комитет обороны одобряет ваши мероприятия по аресту... и приветствует эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта» [52].

Судьба должностных лиц из прежнего руководства Западным фронтом была заранее предрешена как «козлов отпущения» за стратегические промахи самого Сталина и его ближайшего военного и политического окружения в связи с неудачным для нас началом войны, неприятием ими всех необходимых мер по обеспечению обороны страны от угрозы надвигающейся фашистской агрессии. В этих условиях контрразведка, зная о неминуемости их расстрела, вставила в один из пунктов обвинения слова о допущенном захвате гитлеровцами секретных переговорных шифров и не принятии своевременных мер по их замене. Информация об осуждении офицеров и генералов была опубликована в газетах и нашла подробное изложение в постановлении ГКО от 16 июля 1941 г., которое доводилось в действующей армии вплоть до командиров рот. Очень скоро сведения об этом документе получили в Берлине.

Тщательное изучение в конце 50-х гг. обстоятельств обвинения группы офицеров и генералов показало его необоснованность. Все осужденные были посмертно реабилитированы. Это были храбрые и преданные народу люди. Д. Г. Павлов добровольцем-танкистом проявил храбрость еще в освободительной борьбе испанского народа против фашизма, за что был в 1939 г. удостоен звания Героя Советского Союза. С 1940 г. командовал войсками Белорусского особого военного округа (Западного). Г. К. Жуков говорил о нем: «Конечно, серьезные ошибки в управлении войсками он допустил, а у кого из нас их не было в той сложной обстановке, когда из-за отсутствия необходимых данных из войск мы не знали, где и в каком состоянии они находятся, а следовательно, и не могли принимать правильные решения» [53].

Принимаемые меры для дезинформации противника в области радиопереговоров в эти крайне опасные июльские дни, когда счет шел даже не на сутки, а на часы, когда нужно было успеть занять стратегический оборонительный рубеж, подтянуть и развернуть хотя бы основную массу наших войск, выиграть хотя бы несколько дней для создания сплошной и достаточно прочной линии фронта, дали нужные результаты. 12 июля 1941 г. в самом начале Смоленского сражения противник удовлетворенно констатировал: «Результаты анализа данных радиоразведки — ничего нового», а 18 июля, когда сражение развернулось на многих направлениях с участием значительного количества войск с обеих сторон, нацисты по-прежнему доверяли полученным сведениям радиоперехвата: «Данные службы радиопрослушивания соответствуют сведениям, полученным из трофейных документов и показаний пленных» [54]. Впереди им грезились скорое взятие Москвы и успешное окончание «молниеносной» войны после разгрома отчаянно сопротивляющихся якобы последних советских частей и соединений.

Гитлер также был уверен, что к концу августа «он как-нибудь справится с СССР». В эйфории от первоначальных успехов Восточного похода он 14 июля 1941 г. отдал приказ о подготовке к реорганизации вермахта в предвидении переноса основных усилий на борьбу с Англией и США, которая должна была выйти на первый план ввиду разгрома СССР. Однако прошло чуть более недели и оказалось, что, вопреки предвоенным предположениям, большие успехи вермахта не привели к прекращению сопротивления Красной Армии, и германское высшее командование столкнулось с проблемой нехватки сил для одновременного наступления на всех трех стратегических направлениях.

Если группа армий «Центр» смогла прорваться в середине июля 1941 г. в р-н Смоленска, то наступление группы «Север» завязло на Лужском

рубеже, группа армий «Юг» оказалась втянута в затяжные бои между Киевом и Винницей [55]. Вставал кардинальный вопрос — что делать дальше? В этой ситуации особенно важно было получение немецкой разведкой данных о силах и планах Красной Армии.

Внезапно были сменены все шифры в советских штабах, и гитлеровские войска и их командование оказались не готовыми к наступательным действиям советских войск из не предполагаемых ими районов сосредоточения и по неизвестным им планам нашего командования. План «блицкрига», расписанный до мелочей и по дням, затрещал до основания и потребовал внесения серьезных корректив. С 21 июля по 7 августа советское командование предприняло попытку организовать и провести контрнаступление на главном стратегическом направлении с целью сорвать замыслы врага активными действиями наших войск. Бои носили встречных характер и отличались ожесточенностью. Наступало с нашей стороны 5 оперативных групп, включавшие 10 стрелковых, 2 танковых и 5 кавалерийских дивизий. Однако наступающие оперативные группы оказались недостаточно мощными, и взаимодействие между ними организовать не удалось. И хотя в ходе контрнаступления смоленскую группировку противника разгромить не удалось, но фашистские войска лишились свободы маневра, немецкие дивизии оказались скованными на всех участках фронта, а 16-я и 20-я советские армии смогли прорвать кольцо окружения.

Нужно отметить, что дезинформация разведки врага о силах наступающих советских войск продолжалась и в эти дни. 28 июля фашисты отмечали, что их разведка обнаружила 5 стрелковых и 3 танковых дивизии на направлении действия одной из оперативных групп, которая вела сильные атаки. Однако на самом деле в составе оперативной группы под командованием В. Я. Котелова были лишь 2 стрелковые и 1 танковая дивизия. Преувеличение наших сил вносило нервозность в войска агрессора и искажало его командованию действительную картину боев. Темп наступления гитлеровцев в начале августа снизился по сравнению с первыми днями войны в среднем с 30 до 6–7 км в сутки. Войска Западного фронта, поддерживаемые резервами Ставки, заставили врага рассредоточить свои силы на огромном фронте от Великих Лук до Мозыря. Были сорваны планы германского генерального штаба на беспрепятственное продвижение к Москве после захвата Смоленска [56].

В этой ситуации германское военно-политическое руководство все более склонялось к тому, чтобы за счет группы армией «Центр» усилить фланговые группировки Восточного фронта. Впервые эта идея была оформлена в директиве № 33 от 19 июля, а уже 23 июля в дополнении к этой

директиве Гитлер утвердил, по его мнению, «идеальный план» — пехотные дивизии группы армий «Центр» должны были самостоятельно наступать на Москву, а танковые соединения разворачиваются на расходящиеся направления (север и юг) [57].

Но группа армий «Центр» понесла большие потери, ее ударная мощь была подорвана. 30 июля 1941 г. была отдана высшим фашистским руководством директива № 34, в которой группе армий «Центр» приказывалось прекратить наступление на Москву и перейти к обороне. Это вынужденное решение, так как потерпела провал попытка фашистов захватить Москву сходу. На главном направлении, где были сосредоточены основные силы вермахта, острое «блицкрига» было надломлено. В таком исходе, наряду с героическим сопротивлением советских войск, умелыми действиями нашего командования, сыграла немалую роль деятельность советской контрразведки, которая сумела переиграть нацистскую разведку и во многом дезинформировать высшее командование гитлеровцев.

В этих конкретных условиях Гитлер и большинство генералов генерального штаба, командование вермахта, командующие группами армий «Юг» и «Север» и их штабы решили переориентировать главные усилия войск на захват Ленинграда и Украины, а позже вернуться к проблеме взятия Москвы. Делая хорошую мину при плохой игре, Гитлер заявил, что вообще он особенно и не стремится в Москву, что «для него Москва не более чем название места», в то время как «захват Ленинграда — символа большевизма с 1917 г. — может привести к полному краху уже сильно ослабленного советского режима».

На главное место выходили военно-политические приоритеты. 3 августа 1941 г. фюрер объявил первой целью захват Ленинграда, т. к. это отрежет русских от Балтики и обеспечит бесперебойное поступление шведской железной руды. Гитлер дал понять, что Украина — его приоритет. Ее полное завоевание, по его мнению даст нацистскому рейху огромные ресурсы — зерно, мясо, уголь, металл, обрабатывающую промышленность. Еще в плане «Барбаросса» указывалось: «на юге — своевременно занять важный в экономическом и военном отношении Донецкий бассейн» [58]. 28 июля Гитлер объявил, что для Германии «промышленный район вокруг Харькова важнее, чем Москва» [59].

Но не все германские генералы поддерживали эту точку зрения Гитлера и руководства вермахта. В генеральном штабе в конце июля рассматривался вопрос о 10-дневном отдыхе для пополнения соединений перед началом нового наступления (на фронте группы армий «Центр»). Гальдер сказал, что если такой отдых будет представлен, то они смогут довести

боевой состав танковых соединений до 60—70 % штатного состава. Предусматривалось также выделение нескольких танковых дивизий для пополнения остальных дивизий. Начальник генерального штаба поддерживал идею скорого возобновления наступления на Москву любой ценой [60].

29 июля 1941 г. по настоянию Генерального штаба командование дивизий вермахта начало готовить новое наступление на Москву. Командующий группой армий «Центр» фон Бок и оба его танковых заместителя — Гудериан и Гот (командующие танковыми группами) — единодушно высказались за наступление на Москву. Определяющим стал фактор времени, необходимого для подготовки к новому наступлению. Гудериан утверждал, что он будет готов к 15 августа, Гот — к 20 августа, фон Бок заявил, что силы группы армий «Центр» достаточны для этой задачи [61].

Но одно дело желание, а совсем другое — возможности. По докладам ярых сторонников скорейшего наступления на Москву генералов Гудериана и Гота, их танковые группы, основательно потрепанные нашими войсками, не могли продолжать наступление и нуждались в пополнении. Кроме того, фланги группы армий «Центр» оказались открытыми с севера и юга для возможных ударов советских войск. Это вынудило фашистское командование повернуть часть сил с московского направления на север и юго-восток [62].

Другой вопрос, насколько реальными были наши возможности для мощных и действенных ударов по флангам врага. Но о создании необходимой информации о таких возможностях и доведении ее до командования врага позаботилась советская контрразведка. Она сумела дать такие сведения через агентов противника, заброшенных и контролируемых ею радистов и резидентов; через своих сотрудников, внедренных в разведсеть врага по легендам из-за алчности, обиды на советскую власть или обещаний хорошей жизни — открытия торговли дела или служба в полиции после оккупации, направлении преданных людей под видом военнопленных, которые должны были дать нужные нам сведения при допросе, передать ложные или преувеличенные данные в штаб противника.

Отражением этой информации были записи начальника фашистского генерального штаба Ф. Галдера: 31 июля — «Имеются сведения о переброске противником войск из глубины в двух направлениях — против центра и против южного фланга группы армий; кроме того, наблюдается движение походных колонн противника от Москвы к центральному участку фронта группы армий»; 1 августа — «Показания военнопленных о переброске дивизий по железной дороге и пешим маршем к фронту груп-

пы армий «Центр». Возможно, погрузка будет производиться в районе Брянска и Орла. Откуда прибывают эти войска, установить невозможно»; 2 августа — «Радиоразведкой установлено, что в тылу противника кроме уже известных нам 29 дивизий имеется еще 13 дивизий, которые находятся на формировании. Кроме того, установлен штаб новой 31-й армии; 5 августа — «Группа армий «Центр» вынуждена в неудовлетворительных условиях наводить порядок на своих обоих флангах»; 7 августа — «В тылу у противника, в районе западнее Вязьмы, установлено сосредоточение новой группировки в составе 5 дивизий» [63].

С учетом такой «достоверности» информации принимались гитлеровским военно-политическим руководством важнейшие решения. В дополнении к директиве № 34 от 12 августа прямо говорилось: «Лишь после полной ликвидации угрожающего положения на флангах и пополнения танковых групп будут созданы условия для наступления на широком фронте глубоко эшелонированными фланговыми группировками против крупных сил противника, сосредоточенных для обороны Москвы» [64].

Советское командование, определенно имея представление о планах противника, как от своей военной разведки, так и анализируя направленность, многочисленность и регулярность заданий фашистских спецслужб на получение информации о советских войсках для подконтрольных органов госбезопасности вражеской агентуре, принимало действенные контрмеры. 16 августа армии Западного и Резервного фронтов начали наступление, и в боях под Ельней гитлеровцам было нанесено серьезное поражение. Во второй половине августа командованию группы армий «Центр» пришлось вывести из-под Ельни сильно потрепанные две танковые и моторизованную дивизии и моторизованную бригаду и заменить их пятью пехотными дивизиями. Передышки, на которую рассчитывали в генштабе вермахта, не получилось. Основные силы 3-й танковой группы, которую намечалось после захвата Смоленска бросить в наступление на Ленинград, были скованы на заданном направлении. Это облегчало положение Красной Армии в августе—сентябре 1941 г. под Ленинградом [65].

Так, общими усилиями контратакующих советских войск и действиями советских контрразведчиков был выигран у врага целый месяц — август. 19 августа Г. К. Жуков, член Ставки и командующий войсками Резервного фронта доносил: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на путях к Москве... временно отказался от удара на Москву». И отмечал поворот части сил группы армий «Центр» в южном направлении. Г. К. Жуков предупреждал Сталина о вероятнос-

ти окружения Киевской группировки, но Сталин не прислушался. В результате в конце лета — начале осени 1941 г., в значительной мере по вине Сталина, советские войска постигла новая катастрофа, на сей раз на левобережье Днепра. Только в плен было взято 665 тысяч солдат и офицеров. В той же телеграмме в Ставку от 19 августа Жуков указывал: «после чего главный удар на Москву в обход Брянских лесов и на Донбасс» [66].

Снова резко усилилась опасность нового броска на столицу группы армий «Центр», командование которой хотело использовать удачную обстановку на юге. Главнокомандующий сухопутными войсками В. Браухич еще 18 августа изложил свои соображения Гитлеру, «доказывая, что Москвой и Московским промышленным районом можно овладеть в течение двух месяцев — сентября и октября, но при условии, если 2-я и 3-я танковые группы не будут отвлекаться на другие направления. Он также полагал, что группы армий «Юг» и «Север» смогут без помощи группы армий «Центр» выполнить поставленные перед ними задачи на Украине под Ленинградом. Его идеи разделял Ф. Гальдер, который считал возможным захват Москвы и Украины и подчеркивал, что необходимо все силы группы армий Бока («Центр») направить на захват Москвы [67].

Противоречия в нацистско-военной верхушке Германии по вопросу стратегии дальнейшего ведения войны резко обострились и вылились в организацию антигитлеровского заговора группой офицеров штаба группы армий «Центр». Штаб группы армий «Центр» ощущал себя элитой германского офицерства. Группа офицеров во главе с генерал-майором Х. фон Тресковым, узнав намерения Гитлера посетить штаб фельдмаршала фон Бока, решила арестовать «ефрейтора», затем судить его военным судом и восстановить традицию, когда армия является арбитром в государственных делах Германии, высшим аналитическим советом и средоточием власти в рейхе.

Тресков с другими офицерами решили остановить автомобиль с Гитлером и взять вождя нацистов под охрану. О дальнейшем офицеры не задумывались. Как крайний вариант, если остановить автомобиль не удастся, предполагался снайперский выстрел в фюрера. В определенном смысле это была подготовка к выступлению 20 июля 1944 г.

Возможно, если бы заговорщики преуспели, фельдмаршал Бок согласился бы их возглавить. Но в текущей ситуации он не хотел рисковать, т. к. перед ним маячила манящая перспектива стать национальным героем — покорителем Москвы. И Бок не принял активного участия в заговоре, хотя и знал о нем.

Планы заговорщиков были перечеркнуты очень сильной охраной Гитлера. Войска СС прикрывали его на всем пути продвижения. На протяжении всего визита в штаб группы армий «Центр» группе молодых германских офицеров не удалось ни разу даже приблизиться к фюреру, не говоря уже о том, чтобы произвести выстрел [68].

Анализируя возрастающую день ото дня активность врага на московском направлении, учитывая складывающееся тяжелое для нас положение на юге и возможное в результате этого высвобождение значительных сил противника (2-й армии и танковой группы), пополнение материальной частью и личным составом танковых соединений врага, советские контрразведчики провели последний этап операции «Родина» (кодовое название «Москва»), направленный на максимальное затягивание времени вражеской атаки на столицу. А этого добиться было возможно только одним путем — не дать возможности гитлеровцам собрать в ближайшее время достаточно мощный ударный кулак в группе армий «Центр». Прежние методы уже не годились — фашистские войска прорвали Лужскую линию обороны и теснили наши войска к Ленинграду, А под Киевом обстановка осложнялась с каждым днем; ряд переданных сообщений от агентуры, как убедилось на своем горьком опыте вражеское командование, были ложными; радиоигра с шифрами была уже исчерпана; воздушная разведка и часть неразоблаченной агентуры передавали объективную информацию. Нужен был точный, достоверный для гитлеровского руководства и нетривиальный подход. И он был найден.

Начался третий этап операции «Родина». Был составлен группой офицеров Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии под руководством генерал-майора А. М. Василевского, заместителя начальника Генерального штаба, будущего Маршала Советского Союза и дважды Героя Советского Союза, ложный план стратегических действий советских войск под кодовым названием «Бородино». По нему намечалось осуществление двух взаимосвязанных операций. Во-первых, если группа армий «Центр» начинает наступление на Москву в ближайшее время, то на центральном участке фронта войска Западного фронта быстро отступят, избегая окружения, до Можайска, заманивая ударные части танков и мотопехоты врага, одновременно удерживая фланги, и здесь быстро их разгромят, введя в бой значительные резервы. Затем, перейдя в общее контрнаступление, будут бить соединения группы армий «Центр» по частям с участием войск северного фланга. Во-вторых, перекинув мощные моторизованные силы советских войск на южный участок советско-германского фронта и сохраняя стабильность обороны по Днепру,

нанести внезапный фланговый удар в тыл группы армий «Центр» с задачей окружения ее основных сил, втянутых в это время в бои под Москвой. Все документы были детально разработаны и выполнены на подлинных бланках с предварительным утверждением данного плана начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым. На документах имелись и соответствующие одобрительные резолюции ряда членов Ставки и Государственного комитета Обороны, а также указания согласовать сроки и силы намечаемой стратегической операции с командованием фронтов.

Советская контрразведка сделала основную ставку на плохую осведомленность фашистского командования о наших реальных силах, о количестве новых типов танков и самолетов, на незнание действительных районов сосредоточения наших резервов, их вооруженности и обученности. Учитывался и психологический момент: явная недооценка Советских Вооруженных Сил до войны и переоценка собственных возможностей и резкое протрезвление под нарастающим сопротивлением Красной Армии, срыв плана в самом начале войны разгромить наши основные части и соединения и с ходу взять Москву. Контрудары оперативных групп армий, тяжелые бои в районе Ельни и Духовщины, колоссальные потери в военной технике и в войсках — все это вынуждало вражеское командование учитывать возможность более крупных и успешных операций советских войск.

Наметки этого плана, дающие представление о его составляющих, были упакованы в специальные металлические контейнеры для перевозки особо важных и секретных документов и с соответствующей охраной на транспортных самолетах в середине августа 1941 г. направлены в штабы фронтов. Один из них взлетел с прифронтового аэродрома и не имея истребительного прикрытия, ночью попытался проскочить над недавно занятым врагом районом, но загорелся и взорвался. Члены экипажа и охрана успели выпрыгнуть с парашютами. Часть из них погибли в бою с подоспевшим к месту катастрофы подразделением фельджандармерии (ГФП) и у них были обнаружены документы, подтверждающие перевозку особо секретного груза и удостоверения сотрудников НКГБ, сопровождающих его. Двоим, используя отвлечение врага огнем товарищей, удалось вырваться из кольца, и уже через сутки, успешно перейдя линию фронта доложить об успешном выполнении специального задания. Из-под обломков самолета гитлеровцы извлекли уцелевшие контейнеры, и после ознакомления с якобы «совершенно секретными» документами немедленно передали их в Берлин, в генеральный штаб и ставку фюрера.

О захвате самолета-курьера под Витебском, с очень ценными материалами, который совершил вынужденную посадку, свидетельствует и обоб-

щенная сводка событий из СССР № 31 переданная полицией безопасности и СД в Берлин. В ней также отмечается: «4-й армией захвачен в плен сын Сталина от первого брака. Он является старшим лейтенантом танковых войск [здесь фашисты ошибались — он был артиллеристом — авт.]. О военных делах до сих пор показаний он не дал, а только о политических и хозяйственно-политических вопросах, а также сообщил некоторые интересные подробности из жизни его отца» [69].

Наряду с подбрасыванием карт и документов посредством самолета, советская контрразведка, по всей вероятности, провела и параллельную подброску врагу карт Генерального штаба в разгромленном штабе части. В оперативной сводке из СССР полиции безопасности и СД № 73, как о крупном успехе сообщается, что айнзацкомандой девять (особое подразделение СС) вблизи Новых Светлян (Смоленская обл.), наряду с личными делами офицеров русского артиллерийского полка и учебниками по тактике, найдено около 2000 карт русского генерального штаба. Сообщение СД продолжает: «Так как на картах были сделаны различные пометки, представляющие в первую очередь военный интерес, они были направлены командованию вермахта» [70].

Был задействован по передаче противнику стратегической дезинформации и «Николай Орловский» — «дипломатический канал». По словам С. А. Ваупшасова, переданные им вражеской разведке данные не дублировали материалов «спецавиарейса», но дополняли и уточняли ряд их положений. О степени важности и доверия к полученной информации свидетельствует высокая оценка гитлеровцами «услуг» «Орловского» — ему было присвоено офицерское звание, «Железный крест» и особым распоряжением предоставлено немецкое гражданство, как чистопородному арийцу.

На фоне явной пробуксовки плана «Барбаросса» возникли и усиливались споры и разногласия в среде фашистской военно-политической верхушки о дальнейших операциях вермахта, об их направленности. Конечно, определяющими составляющими принципиального решения по предложениям Браухича и Гальдера, поддержанным Йодлем — главным военным советником фюрера, были интересы германских монополий, алчущие взорвавшихся на богатства Украины, Крыма, Кавказа, а также военно-стратегические расчеты по захвату или блокаде Ленинграда, уничтожению Балтийского флота и ликвидации северного участка советско-германского фронта с будущим использованием его сил для штурма Москвы. Кроме того, Гитлер и ряд поддерживающих его точку зрения генералов считали, что, лишив Советский Союз продовольственной базы юга страны, стали, чугуна, проката, угля Донбасса, Запорожья, Харькова, Росто-

ва; перекрыв поступления майкопской, грозненской и бакинской нефти, нанесут нам полное поражение, так как будет в решающей степени подорвана экономическая база ведения войны. Они не верили в возможность эвакуации значительной части промышленности на Восток СССР и быстрого налаживания выпуска военной продукции в Сибири и в Средней Азии. История зло посмеялась над их явной недооценкой мощи экономики СССР и трудового героизма людей. Но для эвакуации сотен крупных предприятий и миллионов людей, для развертывания их работы нужно было время и еще раз время. «За» и «против» были как у московского, так и у южного вариантов гитлеровского командования. Получение ряда документов советского Генштаба помогло дезинформировать высшее руководство нацистского рейха и направить усилия в благоприятное для нас русло, в сторону меньшего зла для нашей перестраивающейся на военный лад страны.

21 августа 1941 г. Гитлер издал директиву, имевшую, по словам начальника генерального штаба Гальдера, «решающее значение для всей Восточной кампании». Директива гласила: «Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов по реке Донец и блокирование путей подвоза русской нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками... Войсками группы «Юг» будет обеспечена возможность... продолжать наступление в направлении Ростов, Харьков» [71].

Гитлер приказал 2-й танковой группе и 2-й армии продолжать наступление на юг, чтобы выйти в тыл киевской группировке советских войск. Также было принято решение о дополнительном усилении группы армий «Север» за счет левого крыла группы армий «Центр». После такого ослабления группы армий «Центр» перед ней в директиве от 21 августа ставилась задача «отражать атаки противника на центральном направлении на таком рубеже, оборона которого потребовала бы минимального расхода сил» [72]. Операция «Родина» и на третьем этапе сработала. В Берлине поверили в угрозу с юга, и в предполагаемые наши контратаки на центральном участке, и в опасность на северном фланге.

В результате распыления войск, перехода, пусть временного, к обороне на решающем, московском направлении, переориентации ударов главных сил на север и юг советско-германского фронта 27 августа 1941 г. высшее командование вермахта (ОКВ) сделало печальный для себя вывод, что т. к. СССР, видимо, не будет полностью разгромлен в течение 1941 г., на первом месте стоит продолжение Восточной кампании в 1942 г. на

южном крыле Восточного фронта, что будет иметь большие политические и экономические последствия.

Всего через 2 месяца после начала войны высшее фашистское командование, видя невозможность взять Москву, где оно сосредоточило основные силы вермахта, вынуждено было констатировать провал главной идеи плана «Барбаросса» — идеи «молниеносной войны». Начиналась затяжная война, соревнование военных экономик и технологий, где шансы на победу у Германии были минимальны. И это положение не смогло изменить даже отчаянное и мощное октябрьско-ноябрьское наступление вермахта на Москву — операция «Тайфун». Было потеряно главное — время. Гитлер был вынужден заявить военному командованию группы армий «Центр» еще в августе 1941 г., по поводу их сообщений о все возрастающих силах Красной Армии и все более увеличивающихся потерях немецких войск: «Если бы я знал, что те цифры, которые вы приводили в своих докладах, верные, я бы, думаю, вообще не начал эту войну» [73].

Но главное заключалось в том, что и в сентябре гитлеровцы не смогли начать новое наступление на Москву. Был выигран еще целый месяц для усиления обороны страны, для мобилизации всех резервов на нужды фронта, для перевода всей экономики на военные рельсы. Наступление фашистских войск на Москву смогло начаться только 30 сентября — 2 октября 1941 г. в результате крупного поражения наших войск на Украине и блокирования Ленинграда. Так началась беспрецедентная московская битва, в ходе которой был окончательно похоронен план «Барбаросса» и стратегия «молниеносной войны». Это наступление гитлеровцев, задействованные в нем силы и приблизительные сроки начала не были тайной для советских чекистов и их добровольных помощников в тылу врага — партизан. Как отмечает П. А. Судоплатов, бывший в это время начальником Особой группы при наркоме внутренних дел СССР, о возможном скором наступлении немцев на Москву разведка предупредила уже в 20-х числах сентября 1941 г. (сразу же после захвата Киева гитлеровцами). Оставалось десять дней до начала немецкого «решительного броска». В сентябре 1941 г. были доложены органами госбезопасности СССР Государственному Комитету Обороны и командованию Красной Армии данные о сосредоточении крупных сил немецких войск в районе Ярцево, Сафоново и Духовщины, когда немцы готовили крупное наступление на Москву. На временно оккупированной территории Белоруссии в 1941 г. были собраны и переданы командованию Красной Армии данные о 35 аэродромах и посадочных площадках противника, о 21 базе

и артиллерийском складе в районах Барановичей, Минска, Борисова, Орши, Пинска, Бобруйска и в других пунктах, о 12 штабах немецких частей. В сентябре 1941 г. партизанские разведчики Витебской области передали через своего связного за линию фронта сведения о сосредоточении крупных танковых и авиационных сил для наступления на Москву и об ориентировочных сроках его начала [74].

Советское командование в результате операции контрразведки «Родина» смогло получить 2,5 месяца для устойчивой обороны Москвы и с помощью разведки органов госбезопасности выяснить силы и время наступления врага. То, что не все и не всегда предоставленные возможности отсрочки наступления противника были нами достаточно использованы — это правда.

Но полной правдой является то, что и в Смоленском сражении, и в Московской битве советские войска выстояли и во многом повернули ход истории.

Высокую эффективность советской разведки и контрразведки вынуждены были признать даже наши враги. Начальник оперативного управления генерального штаба сухопутных войск Германии нацистский генерал Г. Блюментрит жаловался: «Нам было очень трудно составить ясное представление об оснащении Красной Армии. Русские принимали тщательные и эффективные меры безопасности. У нас мало было сведений относительно русских танков. О боевой мощи русской армии мы тоже не имели точных данных» [75].

Гитлер неудачи своих войск на советско-германском фронте приписывал во многом превосходству советской разведывательной службы. Он заявлял своим приближенным: «Если мы не знаем, что делать с танковыми дивизиями русских, это потому, что Советы полностью превосходят нас в одной области — в разведке». Воздавая должное высокой результативности советской разведки и контрразведки, он выражал глубокое сожаление, что его собственные соответствующие службы работают намного хуже [76].

Провал фашистской разведки и ее агентуры, успехи наших контрразведчиков были глубоко закономерны и обусловлены силой советского государства, единством и патриотизмом всех народов в СССР, справедливыми целями и характером самой Великой Отечественной войны.

Одним из самых ярких моментов, посвященных в рассказе А. К. Спрогиса операции «Родина», было его воспоминание о том, как летчики и охрана специального транспортного самолета, не зная, конечно, о целях и задачах своего полета, но догадываясь, что для многих из них он без возвращения, в

последние минуты перед вылетом, сидя у костра на окраине аэродрома, тихо пели песню, ставшую гимном Великой Отечественной — «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой». И слова одного из чекистов-офицеров, захлопывающего дверь взлетающего самолета: «Не забудьте нас, ребята».

Прошло более 60 лет, и мы знаем, что песню, запетую на ночном прифронтовом аэродроме в августе 1941 г., допели наши солдаты и офицеры в мае 1945 г. в Берлине. Минуло немало лет с того страшного и героического времени и пора, давно пора вспомнить подвиг чекистов-контрразведчиков при осуществлении сложнейшей операции в первые, тяжелейшие месяцы войны. Среди них были люди разных национальностей — русские и белорусы, украинцы и латыши, но все они были одной веры — веры в конечную Победу над врагом.

Операция «Родина» сыграла важную, хотя и подчиненную роль в деле защиты Москвы в 1941 г. Советские люди шли на все, даже на смерть, ради победы над коричневой чумой, набросившейся на нашу землю, защищая свою Родину, народ, свои семьи и свой образ жизни. Возможно, читателю покажутся ненужными или скучными многочисленные отступления автора от непосредственной темы статьи, рассказ о стратегических ситуациях и планах, о результатах боев. Но без этого конкретного исторического фона вряд ли можно понять все значение операции «Родина», причины ее развития и предотвратить ее превращение в боевик местного значения. Чекисты-контрразведчики и военные разведчики, участники операции, с честью выполнили главный свой долг — помогли выиграть армии и стране два с половиной таких долгих из многих месяцев войны, приблизили для нас всех день Победы.

Литература и источники главы

1. Огонек. 1989. № 24; Волкогонов Д. И. Триумф и трагедия // Октябрь. — 1988. — № 12. — С. 154.
2. Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. — М., 1971. — С. 199, 200.
3. Знамя. 1989. № 3. — С. 147—148.
4. Семенов Ю. Ненаписанные романы // Нева. 1988. № 6; Знамя. 1989. № 2. — С. 221—222.
5. Юность. 1988. № 12. С. 81—82.
6. Аргументы и факты. 1988. № 26. — С. 5—6.
7. Коровин В. В., Шабалин В. И. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. — М., 1975. —

- С. 5—6.; *Органы государственной безопасности в годы Великой отечественной войны* // *Вопросы истории*. 1965. № 5. С. 30.
8. Долгополов Ю. Б. *Война без линии фронта*. — М., 1981. — С. 110, 125; Барков Л. В. *дебрях Абвера*. — Таллинн, 1971. — С. 64.
9. Долгополов Ю. Б. *Указ. соч.* — С. 5—6.
10. Судоплатов П. *Разные дни тайной войны и дипломатии 1941 год*. — М., 2001. — С. 136.
11. Гальдер Ф. *Военный дневник*. Т. 3. Кн. 1. — С. 5—6.
12. *Аргументы и факты*. 1989. № 4. — С. 7.; Мельтюхов М. И. *Упущенный шанс Сталина*. — М.: Вече, 2000. — С. 305.;
13. Мельтюхов М. И. *Там же*. — С. 298.
14. Саусворд Ф. О. *Слоны и пешки. Страницы борьбы германских и советских спецслужб*. — Мн.; М., 2000. — С. 544.
15. *История второй мировой войны 1939—1945*. — М., 1974. Т. 3. С. 440.; *История Великой Отечественной войны*. Т. 6. С. 135.; *Аргументы и факты*. № 4. 1989. — С. 7.
16. *Аргументы и факты*. 1989. № 24. — С. 3.
17. *Аргументы и факты*. 1989. № 4. — С. 7.
18. Чебриков В. М. *Перестройка и работа чекистов* // *Правда*. 1988. 2 сент. — С. 3.
19. Судоплатов П. *Указ. соч.* — С. 79, 99.
20. Мельтюхов М. *Упущенный шанс Сталина*. — М., 2000. — С. 296—297.
21. Мельтюхов М. *Указ. соч.* — С. 315—316.
22. Колвин И. *Двойная игра*. М., 1960. С. 25—26.
23. *Цит. по: Известия*, 22 июня 1989, С. 3.
24. Долгополов Ю. Б. *Указ. соч.* С. 113; *История второй мировой войны*. Т. 3. — М., 1974. С. 441.; Гальдер Ф. *Военный дневник*. Т. 3. Кн. 1. — М., 1971. — С. 71, 76; *Правда*. 1989. 22 июня.
25. Серогов Б. В. *К вопросу о потерях в Великой Отечественной войне* / *Сб. «Знание»*. 1988. — Серия «История и политика КПСС». С. 62; *История второй мировой войны*. — М., 1974. Т. 3. С. 384, 421.
26. *История Великой Отечественной войны*. — М., 1965. Т. 5. С. 139, 140.
27. *Война и мы*. Кн. 1. — М., 2000. — С. 204, 216—217.
28. *История второй мировой войны*. — М., 1975. — С. 92, 184, 187.
29. *Правда*. — 1989. — 22 июня.
30. *История второй мировой войны*. — Т. 4. — С. 27.; *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко — фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны*. — В трех томах. — Т. 1. — Минск, 1983. — С. 38.
31. *История второй мировой войны*. Т. 4. — С. 47, 58, 61.; *Литературная газета*. 1989. № 12. — С. 11.; В. Анфилов. *В самые тяжелые годы* // *Правда*. 1989. 22 июня.; Мельтюхов М. И. *Упущенный шанс Сталина*. — М., 2000. — С. 512.

32. История Второй мировой войны. Т. 4. — С. 44.
33. Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. — М., 1985. — С. 659.
34. Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. — М., 1985. — С. 659.; История Второй мировой войны. Т. 47. — С.21, 41, 62; Правда. 1989. 22 июня.
35. Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. — С. 606, 763.
36. Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. — С. 801, 803, 807.
37. Гальдер Ф. Военный дневник. — С. 99, 223, 225, 257, 264.
38. Там же. — С. 225, 267.
39. Там же. — С. 76, 100, 184.
40. Кларк А. План «Барбаросса» Крушение Третьего рейха 1941—1945. — М., 2002. — С. 390.
41. История Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 6. — С. 139.
42. Гальдер Ф. Военный дневник. — С. 75, 76, 77; Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. — С. 659.
43. История Второй мировой войны. Т. 4. — С. 73—74.
44. Коровин В.В., Шабалин В.И. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. — М., 1975. — С. 7.
45. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. Кн. 1. — С. 148.
46. Там же. — С. 11, 13.
47. Там же. — С. 167, 211.
48. Война и мы. Кн. 1. — М., 2000. — С. 122.
49. Там же. — С. 123.
50. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 84; Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. — С. 659.
51. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. Кн. 1. — С. 96, 128.
52. Литературная газета. 1989. № 12. — С. 11.
53. Литературная газета. 1988. № 12. — С. 11.
54. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 125, 153.
55. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. — М., 2000. — С. 513.
56. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. Кн. 1. — С. 206.; История Второй мировой войны. Т.4. — С. 74.; История Великой Отечественной войны. — М., 1961. — С. 76.
57. Мильтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. — С. 514.
58. Кларк А. «План Барбаросса». Крушение третьего рейха 1941—1945. — С. 390; Война и мы. Кн. 1. — С. 216—217.
59. История Великой Отечественной войны. 1941—1945. Т. 2. — С. 73.
60. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. — С. 173, 180.
62. Кларк. А. «План Барбаросса» Крушение третьего рейха. 1941—1945. — С. 109.

63. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 217, 221, 225, 242, 248.
64. История Второй мировой войны. Т. 4 — С. 76.
65. История Второй мировой войны. Т.4. — С. 76; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 2. — С. 76.
66. История Второй мировой войны. Т. 4. — С. 78; Литературная газета. 1989. № 12. — С. 11.
67. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 249, 250, 288.; История Второй мировой войны. Т. 4. — С. 77.
68. Уткин А. Россия над пропастью. — Смоленск, 2000. — С. 390—391.
69. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 4683. Опись 3, Л. 1—143. Дело 943 (см. с. 85 машиннописного перевода).
70. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 4683. Опись 3. Дело 943, Л. 1—143 (см. с. 182 машиннописного перевода).
71. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. Кн. 1. — С. 296.
72. История Второй мировой войны. Т. 4. — С. 77.; Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. Кн. 1. — С. 296.
73. Литературная газета. 1989. № 12. — С. 11.
74. Правда. 1989. 8 мая.; Коммунист Белоруссии. 1977. № 7. — С. 39.; Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. — С. 320.
75. Блюментрит Г. Московская битва // В кн.: Роковые решения. — М., 1958. — С. 73—74.
76. Цит. по: Барков Л. В дебрях Абвера. — Таллинн, 1971. — С. 64.

Глава 2. КОМАНДИР РАЗВЕДЧИКОВ

По зеленым, залитым солнцем улицам белорусского города Барановичи неторопливо шел невысокий пожилой человек с умными и добрыми глазами. Сегодня у него встреча с молодежью в одной из школ, где его попросили выступить и рассказать об огненных годах Великой Отечественной войны, о трудной и героической борьбе партизан. До условленного времени еще почти час. Перед мысленным взором встают лица друзей-партизан, живых и погибших, с кем делил последние патроны и краюху хлеба. Не о себе, а о них, как всегда, он будет рассказывать. По характеру Виктор Иванович сдержан, немногословен и, волнуясь, думает, как лучше донести юношам и девушкам яркую правду о мужестве их, сверстников начала 1940-х гг.

Но сегодня можно и нужно написать о нем, о его активном участии в партизанской борьбе на Минщине, об одном из сотен чекистов, героически боровшихся в тылу врага, тем более что ущерб, нанесенный партизанами фашистским оккупантам в результате его деятельности, значителен.

22 июня 1941 г. застало В. И. Гуриновича в рядах Красной Армии, где он занимал должность оперативного уполномоченного Особого отдела НКВД в 407-м полку 108-й стрелковой дивизии, расположенной в районе Вязьмы. Через несколько дней лейтенант Гуринович вместе с бойцами и командирами дивизии отражал яростный натиск врага под Минском. Упорно сражались советские воины. Они подбили десятки танков и уничтожили сотни гитлеровцев при неравных силах. Когда погибли или были ранены почти все командиры и многие бойцы, а полк окружен, Гуринович собрал оставшихся и повел их в штыковую атаку, на прорыв. Последнее, что ему запомнилось из того смертельного боя, — огненный взрыв перед ним и навалившаяся темнота.

Когда он очнулся, то увидел, что лежит на опушке леса в кустарнике. Вокруг — никого. В нескольких сотнях метров по шоссе мчались на восток гитлеровские танки, автомашины, мотоциклы. Длинными колоннами с песнями шла пехота. Как они уверены в победе! Им казалось, что еще три-четыре месяца войны — и СССР падет. Однако через четыре года на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками Геринг признал, что, несмотря на довольно точное знание командованием вермахта количества дивизий и заводов, танков и самолетов, фашистские руководители абсолютно не знали и не понимали души советского человека, его беспредельной готовности идти на тяжелейшие жертвы ради

защиты независимости Родины. «В этом, — заявил Геринг, — заключался наш роковой просчет».

Несколько суток подряд В. И. Гуринович, преодолевая боль от контузии, шел к удаляющейся линии фронта. Силы иссякали, начиналась болезнь. В таком состоянии он добрал до деревни Рабаки Слуцкого района Минской области, где проживали его родители. Через несколько недель здоровье пошло на поправку. Со всей остротой встал вопрос, что делать дальше, как жить. Советские войска после тяжелых боев оставили Киев и Харьков, упорные сражения шли на подступах к Москве и Ленинграду. На временно оккупированной территории гитлеровцы огнем и мечом насаждали «новый порядок» — беспощадно эксплуатировали и грабили, расстреливали и вешали. Двух мнений о дальнейшей жизни не было. У него было четверо братьев и сестра. Советская власть дала его родителям землю и их детям достойное образование. Надо воевать за эту власть!

Родился Виктор Иванович в 1911 г. в семье бедняка в деревне Сороги Минской губернии. В комсомол вступил еще учеником, окончил среднюю школу. С ноября 1933 по декабрь 1935 г. служил в рядах Красной Армии на Дальнем Востоке. В 1938—1939 гг. работал в Слуцком окружкоме и в Витебском обкоме комсомола. В связи с возрастанием военной угрозы послан обкомом комсомола в Красную Армию, где вначале проходил службу в качестве помощника оперативного уполномоченного Особого отдела НКВД в 27-й стрелковой дивизии в городе Родно, а позже переведен под Москву.

Осенью 1941 г. В. И. Гуринович устанавливает связь с офицерами И. В. Арестовичем и А. Д. Чесаковым, волею военной судьбы оказавшимися также в окружении. Ясно, что с врагом необходимо активно бороться. Находясь в подполье, под угрозой ежедневного ареста и расстрела, они начали собирать оружие на местах недавних боев — винтовки, автоматы, пулеметы, гранаты, патроны; ежедневно слушали московское радио и распространяли среди населения листовки с сообщениями Совинформбюро; широко пропагандировали среди местного населения выступление Верховного Главнокомандующего от 3 июля 1941 г. Трое офицеров начали группировать около себя патриотов, ставших впоследствии костяком партизанского отряда. Только в деревне Рабаки их насчитывалось 40 человек. Кроме того, Виктор Иванович, как уроженец здешних мест, имеющий широкие связи среди местного населения, искал контакты с другими партизанскими группами. С этой целью осенью 1941 — зимой 1942 г. он трижды ходил в Любанский и Слуцкий районы Минской области под видом крестьянина, меняющего хлеб на соль. Ему удалось устано-

вить связь с партизанскими отрядами А. И. Далидовича и Н. Н. Розова, которым была передана часть оружия и сведения о расположении вражеских гарнизонов.

В апреле 1942 г. В. И. Гуринович, в очередной раз отправившись на связь, остался рядовым бойцом в отряде А. И. Далидовича. 15 июня он встретился с группой партийных работников во главе с секретарем Минского подпольного обкома партии И. Д. Варвашеней, которых подробно информировал о положении в Слуцком районе. Вместе с этой группой, насчитывавшей 4 человека и посланной подпольным обкомом для развития партизанского движения, Виктор Иванович прибыл в родные места. Всего через пять дней, благодаря проведенной заранее подготовительной работе, группа выросла в отряд, насчитывавший 50 человек: командиров и бойцов Красной Армии, политработников, местных жителей. На общем собрании партизан отряду было присвоено имя непобедимого русского полководца Суворова. Как умелый организатор, человек, обладающий специальными знаниями, В. И. Гуринович назначен межрайонным комитетом партии Слуцкой зоны в августе 1942 г. помощником командира отряда по разведке и контрразведке.

Организационно партизанский отряд им. Суворова входил в бригаду им. Ворошилова Минского областного соединения. В бригаде Особый отдел возглавлял чекист В. М. Яковлев. Под его руководством и вместе с ним В. И. Гуринович проходил уроки партизанской разведки и контрразведки.

Очень скоро гитлеровцы почувствовали ощутимые удары нового партизанского формирования. Опираясь на точную и полную информацию о силах оккупантов и их прислужников, местах их расположения, отряд им. Суворова в августе—сентябре 1942 г. уничтожил 14 мостов на шоссе Варшава—Москва, Осиповичи—Бобовня и через реки Случь и Вилия; подорвал железнодорожный мост на участке Слуцк—Уречье, сжег мельницу и лесопилку, работавшие на нужды вермахта, в деревне Кучин; разгромил полицейский гарнизон в деревне Омговичи, уничтожил десятки гитлеровцев; захватил в качестве трофеев 2 автомата, 23 винтовки, несколько тысяч патронов.

В сентябре 1942 г. от отряда им. Суворова отделилась организационная группа в 19 человек во главе с И. В. Арестовичем. Ее послали в Гресский район для дальнейшего развития партизанского движения. К 20 октября группа выросла в отряд, насчитывавший 64 человека. Общее руководство контрразведывательной работой здесь осуществлял офицер В. И. Гуринович, которого в декабре 1942 г. назначили заместителем командира партизанской бригады им. Суворова по разведке.

Гитлеровцы не могли примириться с создавшимся положением. По всей области свирепствовали карательные отряды. Не в силах найти и разгромить партизан, они вымещали злобу на гражданском населении: сжигали деревни, убивали женщин, детей, стариков, угоняли на каторжные работы в Германию юношей и девушек. Партизанские формирования, несмотря на недостаток оружия и боеприпасов, мужественно защищали местное население. Они, как правило, не могли выдержать в этот период длительного боя с хорошо обученными, снабженными в изобилии оружием и боеприпасами частями оккупантов. Поэтому и применяли мощные и короткие удары из засад, и в этой связи возрастала роль разведки. Заранее узнать маршрут движения карателей, их силы и расположение, выбрать наиболее удачное место для засады значило обеспечить успех операции, сберечь жизни десятков партизан и многих сотен местных жителей. На эту сторону деятельности разведки В. И. Гуринович обращал особое внимание, детально анализировал поступающие данные, по возможности перепроверял их. Партизанское командование знало, что если данные докладывает Гуринович, то они абсолютно правильны и людей можно смело посылать навстречу врагу.

Так, 25 октября 1942 г. разведка отряда им. Фрунзе сообщила, что утром следующего дня в деревню Жилин Бор придет карательный отряд. В пять часов утра партизаны заняли позиции около деревни. Эсэсовский отряд из 75 человек на пяти автомашинах примерно через час подъехал к месту засады. Партизаны открыли внезапный огонь. Через несколько минут все кончилось. Фашисты потеряли 58 человек и 4 автомашины, а народным мстителям в качестве трофеев достались миномет, 4 пулемета, 28 винтовок. Лучшей наградой Виктору Ивановичу было сообщение командира отряда, что среди партизан потерь нет, а населенный пункт спасен от зверств и грабежей оккупантов.

13 декабря 1942 г. Гуринович сообщил командованию бригады, что, по данным разведчиков, работавших в оккупационных учреждениях в Слуцке, через два дня из Минска должна прибыть группа гитлеровских офицеров с важными документами в сопровождении небольшой охраны. Так оно и случилось. Среди бела дня, всего в двух километрах от райцентра Слуцка, ударная группа партизан уничтожила две легковые и одну грузовую автомашины с пятью офицерами и десятью солдатами. И самое главное — захватили карты и приказы на подготовлявшуюся фашистами карательную операцию, которую, разумеется, гитлеровцы отменили.

16 апреля 1943 г. В. И. Гуринович, обобщив имеющиеся данные, предупредил командование о возможности наступления карателей на близ-

лежащие деревни с целью захвата и вывоза трудоспособного населения. В итоге 150 гитлеровцев, несмотря на поддержку артиллерии и бронемашин, не смогли прорваться к деревням Щитковичи, Малиновка, Осовец и потеряли около половины своего состава.

Большое внимание уделял В. И. Гуринович вопросам подготовки и проведения различных диверсий на вражеских объектах и транспорте. Еще в декабре 1942 г. он лично при помощи связанных с ним патриотов организовал взрыв электростанции и почты в Слуцке. Вследствие отсутствия электроэнергии не работали мастерские, ремонтировавшие военную технику, а на почте сгорели списки нескольких тысяч человек, намеченных для угона в Германию. За эту операцию Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) объявил ему благодарность. Данная диверсия вошла как образец в итоговый отчет разведывательного отдела БШПД.

6 мая 1943 г. партизанский разведчик, работавший дорожным мастером, доложил В. И. Гуриновичу, что охранная команда дзота на шоссе Москва—Варшава в районе Ленъги, прикрывавшего удобный подход к этой важной магистрали, в дневное время недостаточно бдительна. За сообщением последовали дела. Через три дня группа партизан внезапным налетом перебила оккупантов и взорвала дзот.

Особо активизировалась партизанская разведка в период подготовки и проведения этапа «рельсовой войны» в августе 1943 г. Разведчики по заданию В. И. Гуриновича составили подробный план укреплений, добыли точные сведения о вооружении и численном составе охраны железнодорожных участков Слуцк—Тимковичи, Талька—Пуховичи, Вовкавичи—Фаниполь. В результате бригада почти без потерь взорвала на этих участках сотни метров рельсов и приостановила движение поездов на несколько суток.

5 августа партизаны получили информацию от разведчиков, проживающих в деревне Доктровичи Копыльского района, о расположенном так гарнизоне противника. Причем информация содержала сведения о количественном составе гитлеровцев, о месторасположении пулеметных дзотов и минометов, казарм, путей незаметного подхода к гарнизону. То есть местные разведчики информировали так, как учил их этому В. И. Гуринович. Конечно же, партизаны сумели разгромить оккупантов и этим самым открыть беспрепятственный проход диверсионных групп к железным и шоссейным дорогам.

Однако Виктор Иванович не только организовывал успешную работу партизанской разведки, не только суммировал и обобщал ее данные, но часто и сам принимал непосредственное участие в боевых действиях

народных мстителей, открыто, с оружием в руках встречался с врагом. Не один гитлеровец после его метких выстрелов навсегда перестал грабить и убивать. Его видели в первых цепях атакующих партизан при разгроме гарнизонов в деревнях Ясменицы и Доколье, в жарких схватках с фашистскими карателями в Лавском, Старицком и других боях. Командование бригады давало ему такую характеристику: «Предан делу партии Ленина и социалистической Родине. Дисциплинирован, смел и решителен в бою и проводимых операциях. Показал себя смелым и мужественным патриотом нашей Родины».

Будучи на посту начальника Особого отдела партизанской бригады, он организовал тесное взаимодействие со специальной разведывательной группой, заброшенной командованием Западного фронта. Н. К. Куприянов, руководитель данной группы, помог наладить постоянную связь по радиации со штабом фронта. И пошли сведения о размещении посадочных площадок фашистской авиации в районах Гресска и Слуцка, путем наблюдения за продвижением захватчиков по дорогам узнавались номера воинских частей, определялась их численность, калибр орудий и минометов, количество и марки автомашин и танков. И опять-таки большую роль сыграла широкая и разветвленная сеть разведчиков в Гресском, Слуцком, Стародорожском и Осиповичском районах, состоявшая, как правило, из местных жителей.

Из штаба фронта часто поступали радиограммы: «Принято к сведению. Благодарим». Все это поднимало моральный дух разведчиков.

В. И. Гуринович, несмотря на все свои способности, знания и опыт, никогда не смог бы добиться таких успехов, не опираясь он на местных жителей, на коллектив разведчиков и связных, на патриотизм широких масс населения. Своими помощниками в отрядах он выдвигал, а подпольный райком партии утверждал людей политически грамотных, зарекомендовавших себя в суровых схватках с оккупантами, инициативных, имевших определенный жизненный опыт. В подборе людей руководствовались директивой ЦК КП(б)Б и БШПД: «Работников разведки подбирайте на месте. С этой целью используйте лучших командиров, желательно бывших работников НКВД, командиров-пограничников, обязательно членов или кандидатов партии, лучших комсомольцев».

Под руководством В. И. Гуриновича работали уполномоченными Особого отдела в отрядах: им. Дзержинского — Фалимоненко*, им. Фрунзе

* В архивных документах нет их инициалов

— Каледа, им. Суворова — Нетребов, им. Буденного — Куницын, им. Кирова — Голубев, им. Рокоссовского — Ермаков, а позже — Волков, им. Матросова — Реут. В 1943—1944 гг. они возглавляли деятельность около 300 разведчиков на территории, непосредственно контролируемой врагом. Партизанские разведчики действовали всюду: на железнодорожных станциях и в оккупационных учреждениях, на промышленных предприятиях и в больницах, в воинских частях и в полиции. Много сведений о противнике собрали Т. Крот, А. Крот, А. Уласевич, К. Юхновский, К. Казак, И. Щебелева, Л. Лешевич и многие другие.

В сентябре 1943 г. партизанская бригада им. Суворова по приказу штаба Минского партизанского соединения разукрупнилась, и из ее состава выделилась бригада им. Фрунзе. Командиром новой бригады стал И. В. Арестович, начальником Особого отдела — В. И. Гуринович. Начался самый плодотворный период его деятельности, закономерно совпавший с началом освобождения Красной Армией Белоруссии и наибольшим размахом партизанского движения.

В партизанской бригаде разведывательная работа постоянно совершенствовалась. При штабе действовал разведзвод из 20 человек, половина из которых занималась войсковой разведкой, а другие — агентурной. В каждом отряде имелись специальные отделения, которые вели как войсковую, так и агентурную разведку. Они формировались из лучших партизан, многократно проявивших себя в боях с гитлеровцами и имевших на своем счету по несколько убитых захватчиков. Разведчики налаживали и укрепляли связь с местным населением, проживающим как в партизанской зоне, так и на контролируемой врагом территории. Они знали: эта связь — основа всех их успехов.

Высоким авторитетом пользовался среди разведчиков Виктор Иванович, его идейная убежденность, личная храбрость, спокойствие, умение подробно разобраться в запутанных обстоятельствах, высокая принципиальность и требовательность, большая работоспособность являлись примером для товарищей. Особенно нравилось то, что в любой обстановке он предъявлял повышенные требования в первую очередь к себе. 11 октября 1943 г. В. И. Гуринович писал в штаб соединения: «Чекисты должны иметь желание и прилежность к оперативной работе, а у нас, коммунистов, это желание должно быть вдвойне. Мы должны понимать, что в условиях вражеского тыла от нас требуется больше напряженности, бдительности и настойчивости».

Ни один сильный удар партизан по врагу не проходил без использования подробных данных разведки. Взлетали в воздух мосты, летели под откос эшелоны, горели взорвавшиеся на минах или уничтоженные из засад

автомашины, танки и броневики. Так, в сентябре 1943 г. подрывники бригады уничтожили 8 мостов, а всего за период с сентября по июнь 1944 г. — 95. В ноябре 1943 года только на шоссе Варшава—Минск путем минирования взорваны 30 автомашин, а всего — 244. В январе 1944 г. в результате 18 засад подбиты 41 автомашина, 1 автоцистерна с авиационным бензином, броневик, а всего — 51 автомашина, 3 танка и 4 броневика.

Партизаны одного из отрядов, выяснив через разведчиков, работавших у гитлеровцев на железной дороге Барановичи—Слуцк—Осиповичи, систему охраны, за период с января по июнь 1944 г. подорвали 10 эшелонов с живой силой и техникой. Народные мстители потерь не имели. А всего бригада вывела из строя на железнодорожных магистралях 28 паровозов и 245 вагонов. В итоге третьего этапа «рельсовой войны» в ночь на 20 июня 1944 г. партизаны бригады парализовали движение на железнодорожном участке Барановичи—Столбцы.

К тому времени партизаны успешно громили и гарнизоны оккупантов. В начале апреля 1944 г. командование отряда решило уничтожить гарнизон в деревне Кобыльники, где располагался штаб 315-го батальона 9-го полка. По данным разведки, в его состав входили 50 гитлеровцев и 150 полицейских. Разведчик И. И. Залетил установил связь с одним из полицейских, латышом по национальности, который сообщил сведения о вооружении, расположении постов, передал пароль на день операции. 22 апреля партизаны внезапным ударом овладели гарнизоном, захватили важные штабные документы и значительное количество оружия и боеприпасов, уничтожили до 70 оккупантов и полицейских.

Народные мстители освободили 40 арестованных патриотов. В целом бригада им. Фрунзе разгромила 21 вражеский гарнизон, сожгла и взорвала 24 различных военных склада и 3 промышленных предприятия, работавших на нужды захватчиков.

Несколько раз фашисты организовывали карательные экспедиции против партизан данной бригады. В ноябре 1943 г., в феврале—апреле 1944 г. в них участвовали тысячи солдат и офицеров, десятки танков, сотни орудий и минометов. Однако не только разгромить бригаду, но даже заставить ее покинуть район базирования и тем самым хотя бы частично ослабить удары по транспортным коммуникациям и гарнизонам карателям не удалось.

Не помогло врагу в борьбе с партизанами и применение бомбардировочной авиации. В начале мая 1944 г. В. И. Гуринович получил сведения от разведчика, работавшего на аэродроме, о намечаемых гитлеровцами бомбежках партизанских лагерей. По его предложению отряды передис-

лоцировались ночью на запасные базы. 9 мая авиация противника нанесла сильный бомбовый удар: больше десятка самолетов бомбили и обстреливали с утра до вечера места прежних партизанских стоянок. В итоге — один убитый и один раненый партизан. А через несколько дней «уничтоженные» партизаны подорвали 2 эшелона с боеприпасами и 25 автомашин с живой силой.

Виктор Иванович, естественно, не мог лично участвовать во всех боях. Но по тем результатам, которых добились партизаны, используя данные руководимой им разведки, с полным основанием можно считать Гуриновича активнейшим участником всех этих операций. Вместе с бойцами и командирами бригады им. Фрунзе он внес посильный вклад в уничтожение нескольких тысяч врагов.

Большую и особую заслугу принесло В. И. Гуриновичу и возглавляемым им разведчикам то, что они вели настойчивый поиск антифашистов в среде оккупантов. Вот несколько примеров.

Рудольф Муцак, 1923 г. рождения, до войны работал радиотехником в конструкторском бюро на одном из заводов Германии. С ноября 1941 по март 1942 г. он служил в оккупационном аппарате — сначала в Слуцке, а затем в Минске, где завязал первые контакты с патриотами. В апреле 1942 г. его призвали в ряды вермахта и направили во Францию, а с 20 ноября 1942 по 30 января 1943 г. он воевал на советско-германском фронте в районе реки Дон, где несколько раз слышал радиопередачи с разъяснением преступности ведущейся фашистами войны. Эти передачи вели немецкие антифашисты.

Беспартийный, ранее почти не интересовавшийся политикой Муцак начал задумываться и о фашизме, и о своей ответственности. С февраля по октябрь 1943 г. он служил в особо засекреченном испытательном центре Пенемюнде в 155-м зенитном полку, который осваивал секретное оружие нацистов — самолеты-снаряды (ФАУ-1) и ракеты (ФАУ-2).

В начале ноября 1943 г. Муцак оказался в служебной командировке в Минске, откуда он выехал в Слуцк, где, установив через подпольщика и разведчика А. Д. Фомина контакт с В. И. Гуриновичем, 24 ноября добровольно перешел к партизанам. Он сообщил основные тактико-технические данные нового оружия: дальность полета, вес, сведения о двигателе и пусковых устройствах. Ценная информация немедленно поступила в Минский подпольный обком партии и 25 декабря пошла в Центр в разведсводке БШПД. Представляло интерес сообщение Муцака о страшной разрушительной силе боеголовки ракеты, с которой, как он слышал, продолжались опыты. Ее действие основывалось, по предположению, на «расщеплении атомов».

Следует отметить, что эта стратегическая информация поступила от белорусских партизан за 7 месяцев до запуска первого самолета-снаряда по Лондону и за 10 месяцев — до запуска первой ракеты.

Осенью 1943 г. В. И. Гуринович через А. Д. Фомина, при помощи разведчиков В. Олейника и А. Анохина, установил связь с зондерфюрером Б. Клименсом, являвшимся одним из руководителей оккупационного аппарата в Слуцком гебитскомиссариате. Отмечалось его лояльное отношение к местным жителям, несколько раз он вел политические дискуссии с В. Олейником о будущем Германии, принял на работу шофером А. Анохина, зная, что он партизан. И в конечном счете пошел на переговоры с А. Д. Фоминым.

8 декабря 1943 г. Клименс прибыл к партизанам на грузовике, привезя с собою 4 автомата, 4 винтовки, около 30 гранат, более 4 тысяч патронов, радиоприемник. Он передал В. И. Гуриновичу информацию о переброске крупных сил гитлеровцев — несколько свежих дивизий — из Италии в районы Бобруйска, Осиповичи, Марьиной Горки. Он дал некоторые сведения о ракетном оружии нацистов и подготовлявшемся гитлеровской разведкой террористическом акте против руководителей антифашистской коалиции в Тегеране.

23 декабря 1943 г. в партизанский отряд им. Дзержинского добровольно перешел в результате разъяснительной работы разведчиков Франц Шмидт, служивший в 537-м отдельном полку связи, обслуживавшем 9-ю фашистскую армию. В задачи полка входило поддержание связи, а при необходимости и исправление специального кабеля Берлин — фронт, проложенного вдоль шоссе Варшава—Минск. Эти данные были немедленно переданы за линию фронта.

Важное место в работе особого отдела занимала контрразведывательная. Высокая степень бдительности, товарищеский взаимный контроль, добровольный порядок вступления в партизаны, оценка человека по его делам — все это облегчало, помогало контрразведчикам в активной борьбе с фашистской разведкой, выявлении и поимке вражеских агентов.

Так сосновская жандармерия инсценировала побег в партизанскую бригаду им. Суворова Минской области двух полицейских. Предварительно те установили связь с партизанами, передали им ложные сведения о гарнизоне и боеприпасах. Однако и повышенный интерес к местам дислокации отрядов, попытки сбора сведений о численном составе и вооружении партизан, расспросы о предстоящих операциях быстро привели к разоблачению.

Всего было обезврежено 7 шпионов. При их допросах получены сведения еще на 80 агентов, закончивших разведшколу фашистской контрразведки в Слуцке.

По данным разведчика, внедренного по заданию В. И. Гуриновича в Бобруйскую школу разведки зондерштаба-Р, стали известны фамилии и приметы 28 изменников, посланных в партизанские отряды Минской и Могилевской областей. Информацию от них оккупанты не получили. За оказание существенной помощи в контрразведывательной работе были награждены медалью «Партизан Отечественной войны» II степени связанные М. В. Довнар, С. Л. Брановицкий, А. З. Березовский, И. Е. Картель.

29 июня 1944 года партизаны соединились с наступающими частями советских войск. Родина отметила заслуги В. И. Гуриновича орденами боевого Красного Знамени и Отечественной войны I степени, медалью «Партизан Отечественной войны» I степени.

**Глава написана на материалах
Национального Архива Республики Беларусь (НА РБ):**

Фонд 4051. Описание 1. Д. 24, Л. 24, 42, 43—44, 49—50.

Фонд 4062. Описание 1. Д. 1, Л. 2, 43; Д. 3. Л. 24; Д. 21. Л. 71, 79; Д. 18. Л. 41—42; Д. 24. Л. 42—43; Л. 3. Л. 24.

Фонд 3500. Описание 4. Д. 184. Л. 1, 3, 4, 5—6, 14—18, 45, 49, 51, 61—62, 70, 73, 79, 81; Д. 183. Л. 7.

Военный контрразведки. Особым отделам ВЧК—КГБ 60 лет. — М., 1978. — С. 310—322.

Глава 3. «АЛЬТЕРНАТИВА — 43»

О некоторых неизвестных моментах возможности нового Брестского мира летом 1943 г.

В изложенных ниже событиях и по сей день больше вопросов, чем ответов. Недоступны материалы архивов Сталина, Молотова, Главного разведывательного управления Генерального штаба периода войны, Наркомата государственной безопасности. Нет доступа белорусским исследователям ко многим архивам Абвера и «заговора 20-го июля 1944 г.», хранящимся на Западе, но чудом сохранившиеся некоторые документы, отдельные детали, прорвавшиеся на страницы нашей прессы, дают некоторые возможности реконструировать одну из секретных страниц тайной дипломатии военных и разведки на этапе завершения коренного перелома в ходе Великой Отечественной и всей второй мировой войны — накануне Курской битвы в мае—июне 1943 г.¹

Перелистываю последнюю страницу этого внешне ничем не примечательного архивного дела. В читальном зале архива тихо и солнечно — слышен только шелест переворачиваемых страниц и быстрые записи исследователей в толстые и пронумерованные тетради, когда они находят интересные их факты. А перед моими глазами все видятся несколько последних строчек текста, где кратко отмечено, что партизанский разведчик «Лавров», проживающий в Осиповичах, погиб при невыясненных обстоятельствах осенью 1943 г. Никто из связанных с ним патриотов не был арестован гитлеровскими спецслужбами, никто из ходивших к нему партизанских связных также не пострадал. Да и не был он сам расстрелян во рву, не повешен на виселице, не задушен в разъезжающей каждую ночь «душегубке», в которую фашистские захватчики регулярно отправляли всех заподозренных в сопротивлении «новому порядку». Так как он не имел родственников, то был похоронен на кладбище за счет городской управы.

¹ Все материалы статьи базируются как на документах Национального Архива Республики Беларусь (НА РБ), так и на некоторых отдельных изданиях, появившихся в печати. Конкретно: НА РБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 60. Л. 36—40, 41—43, 545; Ф. 4. Оп. 33а. Д. 185. Л. 101—106; Ф. 4. Оп. 33а. Д. 505, Л. 101—103, 104—106.

Кто и за что убил «Лаврова»? То ли немецкая армейская контрразведка Абвер-3, узнав о его связях с партизанами, ведь ее агенты засылались в ряды народных мстителей? Возможно, и злоеущая гитлеровская «служба безопасности и порядка» СД, что-то пронюхав о сути ведшихся с ним разговоров в штабе корпуса вермахта, решила его тихо ликвидировать, так и не получив от «Лаврова» сведений об его партнерах? Не исключено, что к его гибели причастны и бойцы одной из примерно 20 спецгрупп советской разведки, действовавших на территории Могилевской области и получивших шифрованный приказ из Центра о возмездии над «фашистским пособником» и случайно уцелевшим «врагом народа»?

В любом случае, к этому времени было ясно, что предполагаемый ход событий не реализовался, и человек, который знал многое о планировавшемся, был опасен, и в его тихой «нейтрализации» были заинтересованы мощные силы. Главное, чтобы он ничего никому не мог, если бы даже захотел, хоть что-то сказать. И эта завеса молчания продержалась более полувека, пока не зашуршали страницы из его донесений партизанскому командованию, пока не были изучены ряд документов Белорусского штаба партизанского движения, пока не были найдены отдельные данные советской разведки о нем и, основное, добытые крупницы сведений не были сведены вместе и сопоставлены с другими публикациями. Кто же таков человек, имевший псевдоним «Лавров» в партизанской разведке? Ему было около сорока лет, звали В. Ждановичем, работал до 1939 г. начальником топливного отдела в Совете народных комиссаров БССР, член партии. Имел высшее образование и отлично владел немецким языком. В ходе кровавых сталинских чисток, в результате которых численность Коммунистической партии Белоруссии уменьшилась более чем наполовину [1], был арестован и В. Жданович. Предъявленных обвинений он не признавал, молчал, несмотря на все меры «воздействия» и реальную угрозу бессудного расстрела, ведь часто людей из камер уводили ночью, и больше они не возвращались. Но ему повезло. Сначала были дела и важнее его, позже сменился нарком НКВД, и теперь он уже не видел следователей, ведущих поначалу его «дело». Но действовала установка, что органы никогда не ошибаются, и раз его арестовали, то он в чем-то должен быть виноват. Раз не получилось с обвинением, что он «скрытый вредитель», то уж уголовник — точно. В конце 1939 г. В. Ждановичу было предъявлено обвинение в афере с выпиской и получением леса, якобы проведенной им в Могилеве. В результате он «получил» 10—15 тыс. рублей. Как человек житейски опытный и трезвый, В. Жданович хорошо понимал, что если он с этим не согласится, то не миновать ему

расстрела как «тайному троцкисту или шпиону иностранной разведки». Берия был ничем не лучше Ежова, но более умный и коварный. В. Жданович дал нужные следствию показания и был осужден на многие годы без всякой вины. Но В. Жданович оставался патриотом Родины.

В условиях смертельной опасности для страны и народа от вторгшихся фашистских войск, крупных поражений Красной Армии, в первую очередь вызванных грубейшими просчетами Сталина и его окружения, которые ошиблись и в сроках начала войны, и в ходе борьбы за упрочение своей власти репрессировали перед войной более 40 тыс. командиров и политработников, Президиум Верховного Совета СССР принял решение о досрочном освобождении лиц, чьи преступления «не представляли большой общественной опасности», направив их в действующую армию. До конца 1941 г. в строй встало 420 тыс. бывших заключенных. В последующем, за три года, были и другие постановления о «спецконтингенте», и в армию было направлено около миллиона ранее осужденных. Многие из них, проявив храбрость и героизм в боях с захватчиками, были награждены орденами и медалями [2].

Одним из них являлся и В. Жданович. Он, по его заявлению командиру действовавшей в Могилевской области партизанской бригады «Чекист» Герою Советского Союза Н. Ф. Королеву, был послан в тыл противника командованием Западного фронта с разведывательными задачами.

Говоря о единстве и подвиге народа в годы войны, президент СССР М. С. Горбачев 9 мая 1990 г. в речи «Уроки войны и Победы» отмечал: «Если и были оскорбленные и недовольные — а их было более чем достаточно, то все эти обиды, может быть, даже и ненависть, были отставлены в сторону. Потому что превыше всего для каждого нормального человека — защитить свою страну, свой отчий дом, свою мать и дитя. В один ряд встали те, кто преклонялся перед Сталиным как перед спасителем, и те, кто проклинал его как тирана» и далее продолжал: «...того раскола, на какой рассчитывали Гитлер и его сообщники, не получилось» [3].

Главное разведывательное управление, отвечая на запрос Белорусского штаба партизанского движения 9 июля 1943 г. отмечало, что А. Н. Жданович, 1924 г. рождения, забрасывался в тыл противника, в июне 1942 г. в интересующий штаб район и благополучно вернулся в марте 1943 г. Кем был восемнадцатилетний советский военный разведчик А. Я. Жданович, работавший 10 месяцев там же, где действовал и В. Жданович — однофамильцем, родственником? Что они были знакомы и дела у них были общие, можно судить по тому, что В. Жданович знал о нем и назвал его партизанскому командованию летом 1943 г., когда

очень нужно было, чтобы его сообщению поверили в партизанском штабе в Москве. По всей вероятности после ухода А. Я. Ждановича на Большую Землю, что-то произошло, и В. Жданович¹ оказался без связи, а важную информацию он продолжал собирать. Именно поэтому он в феврале 1943 г. устанавливает надежные контакты с разведкой бригад 1-й Бобруйской и «Чекист» Могилевского партизанского соединения и номер 161 им. Котовского Пинского соединения.

Он передал народным мстителям в марте—июне 1943 г. целый ряд нужных сведений. В первую очередь партизан интересовали данные о планах, сроках и силах намечаемых оккупантами карательных экспедиций — нужно было вовремя выйти из-под атаки, нанести встречный внезапный удар, защитить местное гражданское население от грабежей, насильственного угона в Германию на принудительные работы, физического уничтожения. Так, «Лавров» сообщил план карательной экспедиции, намеченной против ряда партизанских бригад Могилевской области с 22 по 28 июня 1943 г. силами 6—8 батальонов, включая и два батальона изменников. Известил и об особом указании гитлеровского командования уничтожить во чтобы то ни стало 12-ю кавалерийскую партизанскую бригаду им. И. В. Сталина под командованием Героя Советского Союза В. А. Тихомирова, действовавший с марта по сентябрь 1943 г. в Бобруйском районе Могилевской области, а также в Пуховичском, Краснослободском и Старобинском районах Минской области и нанесшей оккупантам очень чувствительные удары. Подробно доложил о дислокации войск, борющихся против партизан в Кличевском, Бобруйском, Стародорожском, Осиповичском районах. С учетом переданных «Лавровым» данных становится понятным, почему каратели били по пустым местам, а партизаны успешно громили гарнизоны противника.

Докладывал «Лавров» и о системе укреплений: дзотах, минных полей, количестве войск на охране железнодорожного участка Осиповичи—Могилев, по которому шла интенсивная переброска живой силы, военной техники, боеприпасов и горючего на фронт. Он сумел раздобыть и передать партизанам приказ штаба охранной дивизии о системе обороны данного железнодорожного участка от 6 апреля 1943 г. Взрывались и горели десятки эшелонов противника, а диверсионные группы партизан беспрепятственно проникали через всю систему обороны железной дороги.

¹ В дальнейшем будет фигурировать в статье под псевдонимом «Лавров».

Вел «Лавров» и разведку в интересах Красной Армии, передавая собранные сведения командованию партизанских бригад, а оттуда по радио сообщали их, после перепроверки через других связных и подпольщиков, в штабы советских войск. Он дал информацию о прибытии на переформирование и отдых отведенного с фронта корпуса СС, а также еще двух воинских частей с указанием их номеров — 45413 и 43728. Это было важно, так как позволяло нашему командованию знать и учитывать в планируемых операциях резервы врага. «Лавров» просил у партизан и получил крупномасштабные карты г. Осиповичи и Осиповичского и прилегающих районов, для перенесения на них данных с аналогичной секретной военной немецкой карты, к которой он имел доступ, с подробным указанием плана города и 3-километровой оборонительной полосы с уже готовыми и намеченными фортификационными сооружениями. Данные сведения помогали советской бомбардировочной авиации наносить прицельные удары по штабам и складам войск противника, а также в дальнейшем сберечь тысячи жизней наших воинов при прорыве сильно укрепленных вражеских позиций.

Информировал разведчик и о фактах тайной подготовки фашистов к внезапному развязыванию химической войны как против советских войск, так и против партизан — о переброске отравляющих веществ и средств химзащиты по железной дороге, о регулярных тренировках на большой территории немецких войск действиям в условиях химической войны, о намерениях штабов оккупантов задушить газами народных мстителей. Вряд ли можно переоценить значение и важность этих сигналов. «Лавров» сообщал 8 июня 1943 г., что 4 дня назад на перегоне железной дороги Бобруйск—Красный Берег произошло крушение в результате диверсии, строго охраняемого воинского эшелона. По рассказу ему одного из свидетелей в вагонах оказались баллоны с отравляющим газом. Его действие — выжигает глаза и внутренние органы человека. «Лавров», понимая большое значение этих сведений, послал верного человека для перепроверки. Он также сообщал, что уже зимой 1942—1943 гг. гитлеровцы проводили занятия в противогазах по 6—8 часов на территории от Бреста до Могилева.

Кроме того, штаб группы армий «Центр» уже два раза просил разрешения главного командования вермахта на применение химического оружия против партизан и, главное, хотя пока получал отказы, но эта возможность была не исключена — нацистское руководство боялось ответных мер и, главное, не хотело раскрывать свои возможности, рассчитывало на химический «блицкриг» на фронте, против основных сил советских войск. Подтверждением готовности оккупантов применить самые бесче-

ловечные средства, включая и оружие массового уничтожения, лишь бы подавить вооруженную борьбу народа в своем тылу, служат приводимые «Лавровым» слова немецкого полковника из штаба охранных войск, сказанные ему в беседе: «Если бандиты [так захватчики называли партизан — авт.] не бросят оружия, то потравим их, как крыс, газом». Все это, анализировал «Лавров», показывает, что раньше или позже, но фашисты могут применить химическое оружие¹.

Занимался наш разведчик и контрразведывательной работой по выяснению агентуры спецслужб врага. Он обещал узнать псевдонимы фашистских агентов через оберлейтенанта немецкой разведки, жившего до 1924 г. в СССР, который вел занятия с ними в шпионской школе и участвовал в поддержании связи с агентами во время выполнения заданий. Этот оберлейтенант мог точно указать, где агенты действуют и кто они по документам. Вполне возможно (хотя прямых ссылок в архивных документах нет), что им являлся работник немецкой разведки Шинкоренко Д. З. (псевдоним «верный») из разведывательного отдела одной из немецких армий Восточного фронта и служивший в шпионской школе Абвера в Борисове. Он был выведен 15 июля 1943 г. партизанской разведкой в расположение бригады «Разгром» Минского соединения и имел с собой планы подготовки летнего наступления вермахта на Курской дуге, а также документы на 500 подготовленных и засланных в советский тыл шпионов к террористов. Шинкоренко был срочно вывезен самолетом в Москву с партизанского аэродрома. Это была одна из крупнейших и удачных операций советской разведки по раскрытию планов фашистского наступления летом 1943 г. и разоблачению сотен вражеских агентов.

Почему гитлеровцы так доверяли «Лаврову»? Во-первых, в их глазах он был политически верным человеком, сильно пострадавшим на деле от Советской власти и желающим мстить ей. Во-вторых, наш разведчик хорошо симулировал жадность и корысть, готовность сделать все, что угодно ради денег. Надо учитывать, что еще Адольф Гитлер говорил о том, что ему нужны крепкие парни с кулаками, чтобы разбить головы коммунистам, а если они при этом сопрут часы, то это его не волнует. В-третьих, «Лавров» сотрудничал с различными антисоветскими националистическими организациями, работал в издаваемых захватчиками газетах, с охотой был переводчиком в оккупационных органах. Кроме того, он

¹ Более подробно см.: Киселев В.К. *Участие партизан и подпольщиков Белоруссии в срыве гитлеровских планов химической войны* // *Вопросы истории*. М., 1978. № 5

был обаятельным человеком в личном общении, хлебосольным хозяином, помогал некоторым офицерам в реализации награбленного добра.

Теперь о главном. 21 мая 1943 г. «Лаврова» вызвали в штаб охран-ных войск к генералу, командиру корпуса. В беседе принимали участие еще полковник Шмидт, являвшийся командующим округа с центром в Осиповичах и одновременно — офицером Абвера, лейтенант Нордбрук из военной контрразведки, подполковник-адъютант генерала и немец-переводчик, который был для подстраховки в правильности понимания сказанного особой важности предмета беседы. Генерал (в документах нет его фамилии) знал «Лаврова» еще с января 1943 г., когда руководил операцией против партизан в Осиповичском районе и отметил его точность, преданность рейху и наличие своего взгляда на политическое положение на оккупированной советской земле, на невозможность только военными средствами подавить нарастающую народную борьбу, особенно после гибели армии Паулюса под Сталинградом. Сразу «Лаврова» предупредили, что за разглашение содержания разговора его ждет неминуемая смертная казнь, а также, что обсуждаемые вопросы являются заданием верховного командования вермахта, которое собирает сведения о возможных политических перспективах ведущейся уже два года войны с СССР. «Лаврову» в начале беседы приказали подробно рассказать о своей биографии, затем задавали вопросы о причинах роста партизанского движения и о его связи с положением на фронте, выясняли отношение к генералу-изменнику Власову и верит ли местное население в его программу «Новой России без коммунистов и в союзе с Третьим рейхом». Его официально заверили о необходимости и полезности для всех прямых и честных ответов и, чтобы он не сказал, о личной безопасности за высказанное мнение.

Получив удовлетворяющие собравшихся ответы, хотя «Лавров» и сказал об отрицательном отношении к Власову и что население считает его программу обычной ложью и политическим обманом, немецкие офицеры перешли к главной теме беседы. Поднимались вопросы о возможностях «замены» И. В. Сталина на посту единоличного руководителя страны и армии, т. к. он будет до конца вести политику бескомпромиссной войны с Германией фюрера, и о том, кто из его окружения, мог бы изменить ведущуюся политику. Из разговора было ясно, что Сталина постараются убрать любым способом, не пожалев ни сил, ни средств, включая и физическое уничтожение. Было дано понять, что вопрос о покушении детально прорабатывается германской разведкой. Волновало другое — что может произойти, если эта «акция» рано или поздно удастся, что выиграет или потеряет Германия, ее армия на Восточном фронте?

Во время беседы предлагалась на рассмотрение в качестве наиболее вероятного преемника Сталина фигура министра иностранных дел, до мая 1941 г. председателя Совнаркома СССР, бывшего с начала войны заместителем Сталина в правительстве и в Государственном Комитете Обороны В. М. Молотова. Его многие крупные немецкие военные, дипломаты, промышленники знали как подписавшего в ночь с 28 по 24 августа 1938 г. пакт с нацистским министром иностранных дел Риббентропом о ненападении сроком на 10 лет; как имевшего самое прямое отношение к заключенному 28 сентября 1939 г., после разгрома и оккупации гитлеровскими войсками Польши, договору о «дружбе и границах»; его (правильно или нет — другой вопрос) считали сторонником союза с нацистской Германией; не очень-то ратуящим за совместные действия с буржуазными демократиями Великобритании и США. Не забыло командование вермахта и о переговорах Молотова с Риббентропом и Гитлером во время его официального визита в Берлин в ноябре 1940 г., где, наряду с совершенно правильными вопросами об усилении немецкой военной активности в Польше у наших границ, ввода германских войск в Финляндию и Румынию, он вел разговор и о возможности, по предложению своих партнеров по переговорам, присоединения СССР к «тройственному пакту», что по сути означало бы отказ СССР от нейтралитета и переход на сторону фашистских агрессоров: «окончательное решение финского вопроса; включение Южной Буковины в состав СССР; создание советской военной базы в районе черноморских проливов Босфор и Дарданеллы; советские гарантии «помощи» Болгарии в случае угрозы ей». И хотя запрошенная цена показалась нацистской верхушке чрезмерной и сделка не состоялась, но лидеры нацистского тоталитаризма почувствовали родственную душу в одном из главнейших столпов сталинского казарменного, бюрократически-репрессивного тоталитарного «социализма». Еще тогда, в ноябре 1940 г., штаб руководства военно-морскими операциями (начальник — адмирал Дениц, ставший после самоубийства Гитлера в мае 1945 г. главой немецкого военного правительства, выступал за сговор с тогдашним советским руководством на условиях подчиненного положения России и страха ее перед мощью Германии [4].

Об этом, конечно, ничего не знал «Лавров», но очень возможно могли знать его немецкие собеседники, а уж высшие представители командования вермахта, по заданию которых проводилось это «политическое изучение», знали точно. Характерно для такого, на первый взгляд абсурдного предположения и то, что в докладе посла СССР о визите Молотова в Берлин было сказано: «Гитлеру очень понравился товарищ Молотов».

Однако в ходе обсуждения пришли к общему выводу: «убийство Сталина вызовет не окончание войны, а массовый небывалый подъем среди населения СССР. Молотов, надо признать, коммунист на 100 % и не изменит военной политики в силу своей идеологии».

Предлагался на рассмотрение германскими офицерами и другой вариант возможных действий — искусственно создать, даже за счет крупного поражения вермахта, успех на фронте одному из крупных военачальников Красной Армии (фамилии предусмотрительно пока не назывались, но Абвер догадывался, что не все были в восторге от тиранической диктатуры Сталина и не забыли избиения военных кадров в 1937—1938 гг.), который мог бы после смерти Сталина, опираясь на авторитет, захватить власть и заключить мир с Германией — по линии фронта. Здесь явно была видна надежда германской военщины, если уж не удалось в 1941—1942 гг. разгромить Советский Союз, то хотя бы попытаться навязать СССР мирный договор по формуле тяжелейшего и позорного Брестского мира в марте 1918 г. Сохранить за собой уже захваченное и награбленное — Прибалтику, Белоруссию, Украину, Крым, Молдавию. Однако и здесь, в конце концов, пришли к выводу, что нет никаких шансов на успех и этого варианта, т. к. идет борьба не на жизнь, а на смерть не личностей, даже не режимов, а коммунистической-интернациональной и расово-германской идей и определяемых ими обществ, а Красная Армия полностью, поддерживает Советскую власть и требование безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Заслуживает внимания, что «Лаврову» было дано понять, хотя прямо об этом и не говорилось, что возможна замена армией нынешнего руководителя не только в СССР, но и в Германии, если это будет необходимо для заключения мира, т. е. арест Гитлера и приход на его место менее скомпрометированной фигуры из военных.

Фактически это был один из первых сигналов руководству советской разведки о наличии организованной военной оппозиции гитлеровскому руководству среди довольно влиятельных офицеров вермахта и Абвера, впоследствии принявший форму «заговора 20 июля 1944 г.», и если ведущие с «Лавровым» «политические беседы» офицеры и не были прямо его участниками, то имели с заговорщиками прочные связи. Ведь и среди руководителей «заговора 20 июля» не было полного согласия о перспективах войны: если большая часть во главе с К. Герделером, установив тесный контакт с американской разведкой, хотели сепаратного мира только на Западе и продолжения войны «до победы» на советско-германском фронте, то меньшая, но наиболее активная и решительная часть, во главе с полковником К. Штауффенбергом, считала необходимой

заключить мир «на достаточно выгодных Германии условиях» со всеми странами антигитлеровской коалиции, включая и СССР. Военным диктатором намечали назначить Браухича, бывшего командующего сухопутными силами вермахта, снятого Гитлером в январе 1942 г. за поражение в Московской битве. Симптоматично, что активное участие в «заговоре 20 июля» принимали многие офицеры Абвера, которые, в силу своего служебного положения, лучше других представляли и возрастающую силу Красной Армии, и значительное ослабление вермахта после Сталинградской битвы, где немецкие войска за полгода потеряли 1,5 млн убитыми, ранеными и пленными, т. е. четверть всех сил на Восточном фронте.

Определенным подтверждением информации «Лаврова» является также справка старшего помощника начальника разведывательного отдела Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) А. В. Ливанова от 27 марта 1944 г. на уже упоминавшегося полковника Э. Шмидта. Он, как явствует из справки, в 1943 г. проводил среди доверенных русских, в числе которых был и наш агент («Лавров»-?), специальный опрос по поводу политических вопросов о войне, поставленных штабом главного германского командования. В справке отмечается, что копия записи его беседы по интересующим вопросам имеется в разведотделе БШПД. Сам факт дачи такой справки свидетельствует о немалом интересе советской разведки к Шмидту как одному из возможных представителей офицерской оппозиции и имевшим доступ к тайным операциям, в том числе и политическим, спецслужб Германии. Глава Абвера, сотрудником которого был этот полковник, адмирал Канарис, прекрасно знал и планы, и фамилии заговорщиков и был повешен самими фашистами весной 1945 г.

Насколько соответствовала действительности переданная «Лавровым» информация о поисках немецкой стороной мира с СССР в начале лета 1943 г., еще до Курской битвы? Не могло ли это быть крупномасштабной провокацией Абвера или иных спецслужб гитлеровцев с целью дискредитации крупных государственных и военных руководителей СССР, попытки внести хоть какой-то разлад в сплоченную борьбу советских людей, нашей Красной Армии, воспользоваться болезненной подозрительностью Сталина и, под видом готовящегося покушения на него, попытаться вызвать новый всплеск всеуничтожающих репрессий? Или фашисты стремились хоть как-то создать канал для попыток сепаратных переговоров с советской стороной, имея главной целью взорвать единство антигитлеровской коалиции?

Ведь мы в послевоенные годы много и правильно писали и говорили о коварстве правящих кругов США и Англии, которые в 1944—

1945 гг. вели активные и настойчивые переговоры сначала с военной оппозицией в вермахте, а после разгрома «заговора 20 июля», вообще с командованием СС и Гиммлером о возможности и условиях заключения сепаратного мира с Германией, чтобы она могла все силы кинуть против нас. Но ставшие известными в последнее время данные, опубликованные в нашей прессе, ясно показывают, что все эти опасения хотя и имеют под собой достаточные основания, но являются односторонними. Некоторая часть командования вермахта, давая задание на проведение «выяснения политических вопросов об окончании войны» командованию ряда корпусов и военной разведки (Абвера), хорошо знало, что оно делает и опиралось на попытки советского руководства в лице Сталина в 1941 г. и в 1942 г. заключить мир с Германией.

Еще 25 июля 1941 г., после остановки Красной Армией ударных сил вермахта в районе Смоленска, начальник Особой группы при наркоме внутренних дел П. А. Судоплатов получил приказ Берии установить связь с болгарским послом Стаменовым с целью зондажа возможного мирного завершения советско-германской войны на основе территориальных уступок. Берия действовал с одобрения первого заместителя Сталина по правительству и министра иностранных дел СССР Молотова. Сталин был в курсе этого предложения, и сам указал, кому из руководящих работников НКВД встречаться с послом. Имелось в виду, что Стаменов доведет эту информацию до царя Болгарии Бориса, который был союзником Гитлера. Но Стаменов не передал полученную от П. А. Судоплатова информацию в Софию, так как был уверен в конечной победе СССР [6].

По воспоминаниям маршала Советского Союза К.С. Москаленко в 1942 г. состоялась секретная встреча Сталина, Молотова и Берии со Стаменовым. Молотов обратился к болгарскому послу с просьбой связаться с Берлином. Советское правительство, говорил Молотов, не исключает возможности заключения второго Брестского мира. Мы, продолжал он, могли бы сделать такой шаг при условии прекращения Германией военных действий. В выступлении К. С. Москаленко 2 июля 1957 г. на собрании партийного актива Министерства обороны СССР было сообщено, что Сталин, Молотов и Берия договорились отдать Гитлеру Прибалтику, Молдавию и часть территории других республик [7].

В начале октября 1941 г. вермахт перешел в мощное наступление с целью захвата Москвы и смог окружить войска двух советских фронтов в районе Вязьмы. Дорога на Москву была в основном открыта, новая линия обороны была слабой. В этих условиях возобновились попытки высшего руководства СССР по заключению мира с Германией.

Так, 7 октября 1941 г. по воспоминаниям маршала Г. К. Жукова, который был срочно вызван в Москву из Ленинграда организации обороны столицы от начавшегося мощного немецкого наступления, И. В. Сталин в его присутствии поручил Берии, чтобы тот через свою агентуру провел зондаж (на критический случай) о возможных условиях заключения мира с Германией. Вот как далеко в те решающие дни зашло смятение Верховного Главнокомандующего. Берия выполнил это поручение. В роли посредника выступил болгарский царь Борис. Но, как пишет в своих мемуарах бывший германский дипломат Хессе, ссылаясь на Риббентропа, Гитлер отклонил предложение Сталина, потому что был убежден в скорой и окончательной победе над СССР [8].

Дело, конечно, было не только в смятении Сталина от катящейся на Москву, казалось, ничем не остановимой, бронированной лавина вермахта, но и в тех страшных, жутких, ничем не оправданных потерях Красной Армии, которые она понесла под его «мудрым, гениальным и дальновидным» руководством летом—осенью 1941 г. Наряду с этим, в немецком плену к январю 1942 г. очутилось 3,6 млн. советских солдат и офицеров из общей численности Красной Армии к июню 1941 г. в 5,4 млн. человек. Колоссальны были и потери в военной технике, имевшиеся к началу войны на вооружении наших войск: в танках — 91 %, в орудиях и минометах — 90 %, в боевых самолетах — 90 %, в стрелковом вооружении — 67 %. В этих условиях и появилась сталинская идея о мирных переговорах с фашистским агрессором [8].

Вторая, еще более серьезная попытка заключения мира с гитлеровцами была предпринята Сталиным в середине 1942 г. По воспоминаниям Н. С. Хрущева, которому об этом рассказали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны Маленков и Берия, был сделан сугубо секретный шаг Сталиным. Он искал контакта с Гитлером, чтобы на основе уступки немцам территорий Украины, Белоруссии и западных районов Российской Федерации, оккупированных нацистами, договориться о прекращении военных действий. Это ясно иллюстрирует, в каком отчаянии и неверии в нашу победу пребывал Сталин в результате нового большого наступления вермахта летом 1942 г. на юге СССР в направлении Кавказа и Сталинграда [9].

В ходе этого наступления фашистские войска продвинулись от 600 до 1000 км вглубь нашей страны, на захваченной земле проживало более 80 млн. человек. Страна лишилась крупнейших промышленных и сельскохозяйственных областей, производивших свыше 70 % чугуна, 58 % стали, 63 % угля, 42 % электроэнергии, располагавших 47 % всех посевных

площадей. Это означало, что Советское государство могло использовать в войне с нацистской Германией и ее союзниками фактически лишь половину своего экономического потенциала. В 1942 г. Красная Армия понесла около трети от общего числа безвозвратных потерь за войну, в плен в результате поражения под Харьковом попало 240 тыс. человек, а в итоге провала Керченской операции — еще 149 тыс.

Причинами нашего поражения летом 1942 г. были не только отсутствие второго фронта, что позволило фашистам восполнить потери вермахта от поражения в битве за Москву и дополнительно перебросить на Восточный фронт 70 свежих дивизий, но и стратегический просчет самого Сталина, который отказался от предлагаемого Генеральным штабом Красной Армии идеи стратегической обороны, чтобы накопить необходимые резервы и военную технику, а потребовал активных наступательных действий под Ленинградом, на Украине и в Крыму. Но имевшиеся резервы войск были израсходованы в ходе контрнаступления под Москвой, а промышленность смогла восполнить понесенные потери нашей армии в танках только на 27 %, в орудиях и минометах — на 58 %, в боевых самолетах — на 55 %, в стрелковом вооружении лишь на 30 %. Но в условиях культа личности главенствовал не здравый смысл, а вера в гениальность вождя, по-прежнему желаемое выдавалось за действительность [10].

В итоге, когда во многом по вине Сталина сложилась критическая обстановка, один из наших людей был послан в Болгарию с поручением проинформировать там немцев, что Советский Союз согласен пойти на некоторые территориальные уступки. У Берии также была какая-то связь с одним банкиром в этой стране, который являлся агентом гитлеровской Германии. По личному указанию Сталина был направлен наш агент в Болгарию, и ему было поручено нащупать контакты с немцами, начать переговоры и заявить им, что уступки со стороны СССР такие-то. Но ответа от Гитлера не было получено. Видимо, Гитлер настолько был убежден в своей победе, считал, что дни существования Советского Союза сочтены, и ему незачем вступать в контакт и начинать переговоры. Вот в этом-то он очень сильно просчитался, явно недооценив мужество и стойкость советских войск, решимость народов СССР выстоять и разгромить агрессора.

Н. С. Хрущев так оценивал эту военно-политическую акцию секретной дипломатии Сталина. Он пишет, что, конечно, можно считать, что Сталин хотел выиграть время за счет таких колоссальных уступок. Но, добавляет он, я не знаю, какие потребовались время и усилия, чтобы потом наверстать это. Потерять Украину, потерять Белоруссию и западные районы Российской Федерации — это очень существенно с точки зрения

возможности потом собраться с силами, и вернуть все утерянное [11]. Да и, добавим уже от себя, это неизбежно означало бы распад по нашей вине антигитлеровской коалиции. А что потом? Разгромив оставшуюся в одиночестве Англию; принудив вместе с Японией США к миру на условиях агрессоров; всего через несколько лет, опираясь на ресурсы захваченных Азии, Африки, Латинской Америки, фашисты снова неизбежно напали бы на ослабевший Советский Союз как последнюю преграду перед их мировым господством. Мы могли оказаться в еще более трагическом положении, чем осенью 1942 г., в результате сталинской секретной дипломатии. Но у нацистского фюрера алчность, переоценка собственной мощи, идеологические догмы взяли верх над возможными перспективами.

На какое-то время (осень 1942 — зима 1943 г.) попытки завязывания контактов были отложены, и все решало прямое столкновение военных сил. Но после Сталинградской битвы, где вермахт потерпел крупнейшее поражение во всей войне, и новой неудачи Красной Армии в сражении за Харьков, Сталин снова начал зондировать почву для мирных переговоров. Начальник Абвера Канарис был убежден, что это серьезное предложение, и уговорил министра иностранных дел Германии Риббентропа (в 1946 г. как военный преступник повешен по приговору Нюрнбергского международного трибунала) доложить о нем Гитлеру. Тот, однако, с ходу отверг эту мысль, заявив, что не будет никаких переговоров «пока вермахт не обретет снова инициативу, и что мы, в конце концов, победим». Тем не менее, с санкции Риббентропа, который опирался на поддержку Канариса и ряда крупных военачальников, его помощник Кляйст в Стокгольме начал попытки установления контакта с советским посольством. Его посредником был бизнесмен Эдгар Клаус, родом из Восточной Пруссии, который хорошо говорил по-русски, был женат на шведке русского происхождения и имел связи с советскими дипломатами. Он сообщил Кляйсту, что «Советы преисполнены решимости ни одного дня, ни одной минуты не драться за английские и американские интересы», что они не доверяют своим союзникам, так как те не заняли определенных позиций в отношении целей войны и территориальных границ и не обещали ничего определенного об открытии второго фронта. По словам Клауса, Сталин не придавал большого значения обещаниям Рузвельта и Черчилля, а с другой стороны, громадные советские территории, еще занимаемые немецкими войсками, могут быть объектом переговоров, и конкретная сделка может быть заключена без промедления. Сталин хочет только двух вещей: гарантии сохранения мира и экономической помощи.

Получив эти сведения, Кляйст немедленно вылетел в Берлин, где по прибытии был арестован. Его допрашивал сам глава службы безопасно-

сти Кальтенбруннер, которому он все рассказал и через 2 недели был освобожден. Риббентроп внимательно выслушал его рассказ об итогах переговоров в Стокгольме. Затем Риббентроп, который пришел к выводу о неизбежности поражения Германии, доложил об этом контакте Гитлеру. Фюрер в очередной раз сказал, что не может быть и речи о переговорах с Москвой, что война будет вестись до победного конца. Однако Гитлер разрешил Кляйсту поддерживать контакт с Клаусом и дал указание держать его в курсе дела [12].

В своих попытках начать мирные переговоры с руководством СССР военное командование, военная разведка Абвер и министр иностранных дел Германии Риббентроп были далеко не одиноки и пользовались поддержкой ряда могущественных нацистских руководителей.

Шелленберг, начальник политической разведки Главного управления имперской безопасности (РСХА) и ближайший помощник Гиммлера писал после войны в своих мемуарах: «Предвидя возможность компромиссного мира, я неофициально связался с русскими через Швейцарию и Швецию, и мне показалось, что они искренне заинтересованы в переговорах, которые могли положить конец военным действиям. Конечно, желание русских вести переговоры могло быть только маневром, рассчитанным на то, чтобы заставить союзников открыть второй фронт. И все-таки, каковы бы ни были мотивы, которыми они руководствовались, наше положение не давало нам оснований отклонить такие переговоры [13].

Шеф гестапо Мюллер, по воспоминанию Шелленберга, весной 1943 г. уже не верил больше в победу Германии и считал единственно возможным выходом из положения «заключения мира с Россией» [14].

Представляет интерес запись в дневнике Геббельса, ближайшего сподвижника Гитлера, от 23 сентября 1943 года. Беседуя с фюрером о положении Германии Геббельс сказал ему, что надо идти на соглашение с одной из сторон — война на два фронта приведет к катастрофе. Гитлер ответил, что он предпочел бы переговоры со Сталиным, учитывая сотрудничество с ним в 1939–1941 гг., но сомневается в их успехе [15].

Сам Риббентроп, уже сидя в тюрьме в Нюрнберге в ожидании суда, писал в книге «Тайная дипломатия Третьего рейха»: «В это время — до Сталинградской катастрофы — мы имели несравненно более благоприятную позицию для переговоров с Москвой, чем вскоре после этого» и в своих очередных докладах доказывал Гитлеру необходимость мирных переговоров, однако он (Гитлер) отвечал мне: «Сначала он должен добиться решающего военного успеха, а уж тогда посмотрим, что нам делать дальше. Его точка зрения и тогда, и позже была такова: наш

зондаж в поисках мира является признаком слабости». Но, несмотря на отрицательное мнение фюрера, Риббентроп делает определенные шаги: «Но я все же установил через своего связного Кляйста косвенный контакт с мадам Коллонтай в Стокгольме [советский посол Швеции после войны — авт.]. Однако без его (Гитлера) одобрения я ничего решительного сделать не мог» [16].

В такой негибкой и недальновидной позиции, занятой Гитлером по отношению к возможным мирным переговорам (а его решение было решающим в условиях нацистской диктатуры), лежат многие корни нарастающего недовольства им среди германских военных и ряда фашистских чинов. Они стремились «убрать» не только Сталина, но и своего фюрера. Они хотели привести к власти и в СССР, и в Германии тех политических или военных деятелей, которые, по их мнению, могли заключить выгодный и почетный для Германии мир на Востоке.

Вот на таком фоне акций тайной дипломатии и было дано задание руководством вермахта провести сбор сведений о возможных политических перспективах войны, о котором информировал «Лавров» партизанское командование, а то, в свою очередь, Центр советской разведки в Москве. Характерно, что предложение установить новую границу по линии фронта на начало лета 1943 г., когда немецкие войска стояли еще под Ленинградом, Смоленском, Курском и Новороссийском, очень уж явно совпадало с согласием Сталина летом 1942 г. как плату за мир, уступить Прибалтику, Белоруссию, Украину и ряд западных районов РСФСР.¹

Это явно свидетельствует, что руководящие немецкие генералы хорошо знали о масштабах возможных уступок с советской стороны и их надеждах на повторение Брестского мира, заключенного Германией с Советской Россией в марте 1918 г.

Можно предположить, с достаточной степенью вероятности, что эти сведения получил и отреагировал адресат — Молотов. В его обязанности входило и поддержка связей с НКГБ по вопросам разведки. Нам даже сегодня далеко не все известно в подлинной истории Великой Отечественной войны. Однако интересно, что в изданной на Западе книге Вильяма Стивенсона «Человек, которого звали неустрашимый» (о работе западных разведок в годы войны) утверждается, что в 1943 г. Молотов

¹Справка для читателя. — СССР не был приглашен к обсуждению и принятию подписанной Черчиллем и Рузвельтом Атлантической хартии, США и Англия также до ноября 1943 г. не давали согласия на признание западных границ СССР на 21 июня 1941 г.

ездил за 300 км от линии фронта, чтобы вести с германским руководством переговоры о сепаратном мире [17].

Понятно, что советское высшее военно-политическое руководство весьма опасалось немецкого наступления летом 1943 г., ведь летом 1941 г. Красная Армия потерпела почти катастрофу, летом 1942 г. гитлеровские войска прорвались далеко вглубь страны — до Кавказа и Сталинграда. Советский Союз воевал на пределе сил, понеся колоссальные материальные и многомиллионные людские потери к этому времени. К июлю 1943 г. в районе Курска—Орла вермахт сосредоточил 50 лучших своих дивизий общей численностью в 900 тыс. солдат и офицеров, 70 % танковых и 65 % авиационных сил. Они имели на вооружении многие сотни новейших танков «Тигр» и «Пантера», самоходных орудий «Фердинанд», истребителей «Фокке-Вульф-190 А» и штурмовиков «Хенкель-129». Перед ними стояла задача окружить и уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов, а затем нанести удар в тыл Юго-Западному фронту с целью его разгрома. В последующем предусматривалось в случае успеха развивать наступление в северо-восточном направлении — на Москву. Рассматривалась гитлеровским командованием и возможность широкомасштабного применения против советских войск, партизан и промышленных центров советского тыла новых отравляющих веществ типа «зарин», «зоман», «табун».

Однако в ходе ожесточенной Курской битвы с 6 июля по 23 августа 1943 г. советские войска, опиравшиеся на глубоко эшелонированную оборону, включавшую 8 оборонительных полос и рубежей глубиной до 300 км, сначала остановили и обескровили ударную группировку вермахта, а после нанесли сокрушительный контрудар. В итоге были разгромлены 30 отборных немецких дивизий, враг потерял свыше 500 тыс. солдат и офицеров, большое количество боевой техники. Так завершился коренной перелом в ходе всей войны. Еще раз подтвердилась истина, что в конечном счете решающее влияние на исход важнейших исторических событий оказывают народные массы, а не те или иные вожди.

После Курской битвы всем стало ясно, что Германия, пусть медленно, но неизбежно, проигрывает начатую ей агрессивную войну, а СССР, преодолевая большие трудности, наращивал военную и экономическую мощь. Красная Армия прочно захватила стратегическую инициативу. Проблемы мира любой ценой перестали быть актуальными для нашего руководства.

Но тайные контакты, по инициативе германской стороны, продолжались в августе—сентябре 1943 г. По данным немецких дипломатов, Москва могла направить в Стокгольм заместителя народного комиссара

иностранных дел, бывшего полпреда СССР в Германии Деконозова, являвшегося одновременно и ближайшим сотрудником Берии, и советская сторона потребовала в качестве серьезных намерений Берлина объявить об отставке Риббентропа и нацистского министра «по восточным территориям» Розенберга. Но в конце сентября 1943 г., якобы из-за несерьезного отношения немцев к переговорам, всякие контакты с Клаусом-Кляйстом наше посольство в Стокгольме прервало навсегда. Ясно, что в данном случае это была игра с нашей стороны с целью оказания давления на западных союзников в вопросе открытия второго фронта.

С другой стороны, ряд руководящих деятелей США и Англии, как видно из опубликованных после войны мемуаров и научных исследований, весьма опасались, как бы измотанный СССР не пошел на сепаратный мир с Германией, как это было в 1918 году. Сталин мог пойти на тайные контакты с немецкой стороной в 1943 г., решив сыграть на этих опасениях, рассчитывая, что спецслужбы союзников через свою агентуру в Германии зафиксируют их наличие и направленность на заключение мира на тех или иных условиях. Так, например, глава Абвера адмирал Канарис и ряд крупных военачальников вермахта, участвовавших в «заговоре 20 июля», поддерживали регулярные связи с разведслужбами Англии и США. Вопрос о втором фронте имел для нас первостепенное значение как в плане облегчения тяжести противоборства с вермахтом для Красной Армии, так и для ускорения сроков окончания войны, спасения жизней многих миллионов людей. В 1941 г. союзники вообще отказались от открытия второго фронта, мотивируя это «неготовностью» своих армий; в 1942 г. обещали открыть, но высадили войска в Северной Африке, в 1943 г. — в Сицилии и в южной Италии. Кроме того, ссылаясь на большие потери, в марте 1943 г. союзники прекратили отправку морских конвоев с военными материалами в северные порты СССР, и хотя летом гитлеровцы начали новое крупное наступление на советско-германском фронте, конвои до ноября не отправлялись.

Почему же тогда в конце сентября 1943 г. были прерваны все контакты с немцами? Видимо, сказался ряд причин — успешный выход наших войск к Днепру и его форсирование; согласие правительств Англии и США провести в конце октября 1943 г. в Москве конференцию министров иностранных дел по военным и дипломатическим вопросам; в конце ноября 1943 г. была запланирована встреча глав СССР, США, Англии для окончательного решения, где и когда точно открывать второй фронт; начавшийся развал фашистского блока, связанный со свержением Муссолини и выходом Италии из войны. На Московской конференции

три державы приняли решение «о поведении в случае получения пробных предложений мира от вражеской страны» и обязывались немедленно информировать друг друга о таких предложениях и проводить взаимные консультации для согласования действий. Это решение соблюдалось нами до конца войны.

Знали ли о советско-германских контактах руководство США и Великобритании? В первой половине 1943 г. английская и американская разведки стали докладывать своему руководству о неоднократных встречах немецких и советских официальных лиц. Назывался конкретный адрес — Стокгольм. Чтобы как-то успокоить союзников в период подготовки Тегеранской конференции Сталина, Рузвельта и Черчилля, Молотов официально уведомил английского и американского послов (Керра и А. Гарримана), что эти контакты были предприняты по инициативе Германии. Молотов упомянул и имена посредников — П. Кляйста и Э. Клауса. Обеспокоенность и подозрительность союзников, вероятно, сильно досаждали Сталину в условиях, когда Красная Армия успешно наступала [18].

Но оставались свидетели тайных попыток налаживания контактов с врагом во время войны, что по официальным приказам Гитлера и Сталина должно было рассматриваться как тягчайшее государственное преступление. В результате — таинственная смерть осенью 1943 г. «Лаврова»; брошены гестапо в концлагерь Клейн и Кляйст; арестованы и расстреляны как причастные к заговору «20 июля» в 1944 г. ряд немецких офицеров из группы армий «Центр» в Белоруссии.

Такова правда о нереализованной мирной альтернативе в 1943 г. и о честном человеке, не враге, а активном разведчике В. Ждановиче («Лаврове»), волею военной судьбы оказавшимся причастным к ней и заплатившем за это жизнью. Пора дать и аргументированный ответ на сообщение летом 1943 г., начальника БШПД второго секретаря ЦК КП(б)Б П. З. Калинина и начальника разведывательного отдела этого штаба полковника НКВД Н. К. Скрынника, которые в запросе в Главное разведывательное управление Красной Армии генерал-лейтенанту Ильичеву о том: «не является ли подставным лицом, установившим связь с партизанами от им. Ждановича, так как ряд моментов в его поведении вызывает серьезные подозрения». Надо отметить, что ни одно из предшествующих сообщений «Лаврова» партизанам не оказалось ложным, все были подлинными, но стоило ему честно и детально передать беседу с немцами в штабе корпуса, как его информация стала вызывать «серьезные подозрения». Такое было время — героизма и смертельных игр, самопожертвования и недоверия. Это всего одна из многих тысяч страниц Великой

войны самых разных сил прогресса против черных сил реакции, милитаризма и агрессии.

Прошло около 60-ти лет. и пора, давно пора открывать все страницы истории нашей общей Победы, ее цены, освещать неизвестные имена патриотов.

Справочный аппарат главы

1. Знамя. 1989. № 2. — С. 221.
2. Известия. 1990. 5 мая.
3. Правда. 1990. 9 мая.
4. Московские новости. 1990. № 46. — С. 14.
5. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль в 1930—1950 годы. — М., 2001. — С. 228—230.
6. Успенский Н. Генсек и фюрер: тайные контакты // Республика. — 12 августа 1995.
7. Литературная газета. 1989. № 12. — С.11; Детектив. Мн., 1990. № 5. — С. 3.
8. Правда. 1990. 25 ноября; Известия. 1990. 18 ноября; Моисеев М.А. Цена Победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. — С. 16.
9. Огонек. 1989. № 33. — С. 27—28; Известия. 1990. 26 сентября.
10. Павленко Н. На первом этапе войны // Коммунист. 1989. № 9. — С. 93.
11. Моисеев М.А. Указ. соч. — С.16; Историки спорят. — М., 1989. — С. 323—325.
12. Известия. 1990. 26 сентября; Огонек. 1989. № 33. — С. 27—28.
13. Тихонов О. За кулисами // Детектив. — Мн., 1990. № 5. — С.3.
14. Шелленберг Вальтер. Лабиринт // Родина. 1991. № 6—7. — С. 82.
15. Там же. — С. 80.
16. С. Кудряшов. Ответ читателю // Родина. 1991. № 6—7. — С. 75; Успенский Н. Генсек и фюрер: тайные контакты // Республика. 1995. 12 августа.
17. И. фон Риббентроп. Тайная дипломатия Третьего рейха. — Смоленск, 1999. — С. 264—265.
18. Юность. 1989 № 3. — С. 73, 75.
19. С. Кудряшов. Ответ читателю // Родина. 1991. № 6—7. — С. 75.

Глава 4. РАЗВЕДКА ПАРТИЗАН БЕЛОРУССИИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ КРАСНОЙ АРМИИ

(июнь 1941 — июль 1944 гг.)

Партизанская разведка сообщала в штабы советских войск с временно оккупированной фашистами территории Белоруссии не только текущие сведения о размещении и численности резервов войск врага, о расположении и укреплениях крупных гарнизонов, о ежедневных перебросках войск и боевой техники противника по железным и шоссейным дорогам как к фронту, так и на другие участки советско-германского фронта, о расположении аэродромов врага, численности и типах самолетов на них, о системе ПВО, но и о подготовке вермахтом крупных наступательных операций против советских войск. В этой своей деятельности партизаны, их командование, разведывательный отдел Белорусского штаба партизанского движения (далее — БШПД), оперативные разведывательно-чекистские группы при областных и зональных штабах соединений партизанских формирований опирались на созданную и постоянно увеличивающуюся и совершенствующуюся систему разведки народных мстителей.

Войсковая разведка проводилась созданными в составе партизанских отрядов, бригад и полков специальными отделениями, взводами, ротами, которые насчитывали в среднем в 1944 г. до 10 % всего личного состава партизанских формирований, а в ряде случаев — до 15 %. Численность войсковой разведки достигла почти 15 тыс. бойцов, которые регулярно добывали и передавали своему командованию ценные сведения о захватчиках [1].

Значительный вклад в получении информации о враге внесла и агентурная разведка партизан, действующая в контролируемых оккупантами городах, райцентрах, железнодорожных станциях, в селах около транспортных коммуникаций. Ее численность постоянно росла: в 1941 г., по подсчетам автора, до 2 тыс. чел, в 1942 г. — 5150, в конце 1943 г. — более 8 тыс., к июлю 1944 г. — 24 тыс.

Ей активно помогали подпольщики — до 70 тыс. участников за 3 года оккупации и 19 тыс. связных, которые вовремя доставляли необходимые сведения [2].

И хотя эта сеть партизанской разведки состояла в абсолютном большинстве из непрофессиональных разведчиков, но они постоянно набирались опыта в жестоких схватках с опытными фашистскими спецслужбами и карательными органами, были патриотами Родины, опирались на сочувствие и помощь местного населения, являлись интернационалистами, тесно сотрудничали в общей борьбе с зарубежными антифашистами, оказавшимися волей военной судьбы в Белоруссии. Все это и предопределило значительные успехи в получении стратегически важной информации о намерениях и перебросках вражеских войск.

В данной главе будут освещены в сжатой форме основные достижения партизанской разведки, т. к. для их полного освещения необходим значительно больший объем.

Уже в первые месяцы войны были добыты важные данные. В сентябре 1941 г. партизанские разведчики Витебской области передали через своего связного за линию фронта сведения о сосредоточении крупных танковых и авиационных сил для наступления на Москву и об ориентировочных сроках его начала. Эта информация была получена в результате удачной засады, в которую попала немецкая легковая автомашина со штабными документами. К сожалению, у партизан в 1941 г. не было радиостанций, и связной добирался до советских войск через линию фронта около двух недель. Ценнейшее время для принятия действенных контрмер против готовящегося наступления гитлеровцев на Москву было потеряно безвозвратно [3].

Через год, в июле—августе 1942 г., партизанская разведка отметила резкое увеличение прохождения количества воинских эшелонов с живой силой и военной техникой, которые шли с юга через Белоруссию в сторону Прибалтики. Была поставлена задача выяснить: что, куда и зачем фашисты перебрасывают войска с такой поспешностью и с усиленными мерами безопасности. С этой целью был подорван эшелон с танками и захвачен с него в плен немецкий офицер-танкист. Уже в августе 1942 г. народные мстители Могилевской области сообщили в штаб Западного фронта о переброске армии под командованием Манштейна (11-я армия) из-под захваченного гитлеровцами Севастополя в район Ленинграда. О масштабах переброски говорит следующее: в подчинении 11-й армии находились: мощная артиллерия, 13 дивизий, в том числе танковая и горнострелковая, а также бригада СС. 27 августа на ленинградский участок фронта прибыл штаб 11-й армии. Готовился решающий штурм Ленинграда, с целью его захвата и уничтожения советских войск и Балтийского флота — операция «Нордлихт». Но предупрежденное заранее совет-

ское военное командование приняло действенные контрмеры, и наступление фашистов было сорвано [4].

Осенью 1942 г. развернулись тяжелые бои на южном фланге советско-германского фронта. В это время активизировалась и разведка партизан Белоруссии в интересах Красной Армии. Характерно, что в одном случае сведения были сообщены антифашистски настроенным офицером оккупационных войск, а в другом — сотрудником органов военной контрразведки, который оказался в сложной ситуации на оккупированной фашистами территории Украины и Белоруссии, но с помощью подпольщиков и партизан сумел собрать и передать ценные сведения. Эти данные после проверки передавались в Москву.

Командир партизанского соединения Минской обл. В. И. Козлов 18 сентября 1942 г. сообщил в БШПД, что на состоявшихся 27 августа — 10 сентября переговорах с офицером высокого ранга вражеских войск установлен стратегический план действий германского военного командования на осень 1942 г. — окружение Москвы.

План предусматривал, что после захвата Сталинграда немецкими войсками будет нанесен удар вдоль Волги на северо-восток, где предполагалось сомкнуть кольцо окружения с ленинградской группировкой вермахта, которая должна была вести наступление юго-восточнее Ленинграда. Москву и окружающие ее области фашисты хотели взять измором, применив отравляющие вещества, т. е. развязав химическую войну первыми. В этом же сообщении В. И. Козлов указывал, что ставка высшего фашистского военно-политического командования находится в лесу около Житомира в ней бывают Гитлер и Геринг [5].

В октябре 1942 г. более подробные данные о ставке Гитлера на Востоке сообщил в БШПД Г. Т. Прокудин. В начале войны он был сотрудником особого отдела 6-й армии Юго-Западного фронта. 5 августа 1941 г. был ранен на Украине при выходе из окружения. В сентябре 1941 г., подлечившись и переодевшись, связался с подпольным центром в г. Винница. В июне 1942 г. ушел к линии фронта в качестве связника, но не сумел перейти и попал к партизанам партизанского соединения Минской и Полесской обл., где сражался с оккупантами до 27 января 1943 г. Данные о точном расположении штаб-квартиры Гитлера, ее охране он передал в сентябре 1942 г. сначала устно находящимся у партизан работникам разведки Красной Армии, а в октябре 1942 г. — письменным докладом в ГРУ Генерального штаба Красной армии [6].

Точные и ежедневные данные о перебросках войск по железным и шоссейным дорогам, о количестве и вооружении дислоцируемых войск,

тщательный анализ сообщений позволили разведке партизан Белоруссии сделать ряд выводов, имевших стратегическое значение. В первую очередь это касается раскрытия подготовки вермахтом решающего наступления летом 1943 г. в районе Орла и Курска.

В начале мая 1943 г. разведка партизанской бригады «Штурмовая» получила данные о значительном увеличении движения эшелонов с войсками, автотехникой, горючим, боеприпасами на южном направлении и значительно меньшем — в сторону центрального участка фронта. По сведениям партизан, по железной дороге через Минск на Гомель с 1 по 10 мая 1943 г. прошло: поездов с войсками — 39 (21 — по железной дороге через Минск на Смоленск), с боеприпасами — 21 (14), с автомашинами — 54 (38), с горючим — 9 (6), а всего — 242 поезда (160). Был сделан вывод и о районе сосредоточения. Отмечалось, что за последнее время усилилась переброска войск на Гомель по предположительному скоплению войск вермахта на участке фронта Орел—Курск. По агентурным данным разведке бригады стал известен и общий замысел операции: «немцы думают ударом с направления Орел—Брянск отрезать группировку советских войск, заманив их в “мешок”» [7]. Это было сообщено почти за два месяца до начала Орлово-Курской битвы.

Подтверждали сведения разведчиков Минского партизанского соединения и данные разведки Могилевского соединения, которые также отметили в апреле—мае 1943 г. резко возросшую активность врага в переброске большого количества боевой техники и боеприпасов на юг.

Они передали в БШПД, что с 27 апреля по 11 мая 1943 г. по железной дороге Бобруйск—Жлобин в сторону фронта проследовало вагонов и платформ: с танками — 350, с артиллерией — 800, с боеприпасами — 1189, с бензином — 1096 цистерн, с автомашинами — 2137 [8].

Такие масштабные переброски свидетельствовали о сосредоточении на южном фланге группы армий «Центр» очень больших сил, в первую очередь танковых. Гитлеровцы всячески пытались замаскировать это сосредоточение войск и техники.

Не помогла фашистскому командованию скрыть наращивание сил и хитрость с обманной переброской войск по железным дорогам якобы на центральный участок фронта. Партизаны быстро ее раскрыли. Разведка партизанского соединения Слуцкой зоны (Минская обл.) сообщила в Москву весной 1943 г., что противник перебрасывает силы якобы на Московское направление по железной дороге Барановичи—Минск—Смоленск, а затем поворачивает их по маршруту Брянск—Орел. Партизаны узнали о переброске по такому маршруту трех диви-

зий СС — «Адольф Гитлер», «Рейх», «Великая Германия» — и информировали Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) [9].

Эти сведения получили подтверждение в сообщении разведок других партизанских соединений, что позволяло сделать вывод об устойчивости перебросок войск вермахта на южный фланг советско-германского фронта и об их количестве. Руководитель специальной группы разведчиков партизан по г. Бобруйску Д. Х. Марков передавал в разведовательный отдел (РО) БШПД, что для апреля—начала мая 1943 г. была характерна большая переброска танков на Минск и Брест [10].

Так гитлеровцы снова пытались сбить разведку партизан со следа своих перебросок войск и боевой техники и выдавали ее якобы за переброску на запад. Но основную переброску массы войск и техники скрыть, несмотря на все хитрости, от разведки партизан было невозможно, ввиду ее массовости и широты охвата ею транспортных узлов.

Партизанская бригада им. А. К. Флегонтова (Минская обл.) информировала, что по сведениям агентуры по железной дороге Минск—Гомель с 23 мая по 18 июня перевезено 613 танков, из них 139 «Тигров», 214 бронемашин, 3950 автомашин, 553 артиллерийских орудия, 73 эшелона с боеприпасами (по 900 т в каждом) и до 12 батальонов пехоты.

Разведчики Гомельского партизанского соединения за период с 14 по 19 июня 1943 г. зафиксировали проход по железной дороге через Жлобин на Гомель 112 эшелонов с живой силой, 24 — с автомашинами, 11 — с танками, 15 — с боеприпасами, 10 — с бензином [11].

Особо усилились перевозки войск и техники в последние дни перед началом Орлово-Курской битвы и в первые ее дни сражения.

Разведка Могилевского соединения сообщила в БШПД, что за период с 1 по 9 июля 1943 г. через Минск на Гомель по железной дороге прошло 112 эшелонов с 3552 вагонами и платформами, в том числе 630 — с танками, 512 — с артиллерией, до 600 цистерн с бензином, 405 — с живой силой, 238 — с авиабомбами, 680 — с боеприпасами, 507 — с автомашинами [12].

Разведка партизан сумела не только заранее выявить конкретную масштабную переброску войск и техники врага в район южного фланга группы армий «Центр», не только определила за много недель район будущего решительного наступления вермахта, но и получила сведения о предполагаемом времени начала наступления и даже его планы.

24 мая 1943 г. агентурная разведка партизанской бригады им. А. К. Флегонтова сообщила, что немецкие офицеры в разговорах указывали, что на конец июня намечено наступление вермахта на правом флан-

ге Орловского фронта и в районе Курска. Также разведка этой бригады сообщила о том, что немецким командованием предусматривалось массовое использование новых тяжелых танков «Тигр». Эта информация была быстро передана по радию в БШПД и нашла отражение в разведывательной сводке БШПД № 69 от 30 июня 1943 г., еще за несколько дней до начала Орлово-Курской битвы [13].

И это не был единичный, хотя и важный, сигнал. В конце мая 1943 г. другой источник белорусских партизан сообщил в Москву, что наступление гитлеровских войск надо ожидать в конце июня 1943 г. [14].

Эти сообщения подтверждали друг друга и были получены еще за месяц до начала Орлово-Курской битвы, что, безусловно, помогло советскому командованию в определении района и сроков летнего наступления вермахта и принятии соответствующих контрмер по его срыву. Особо были ценны сведения о планах фашистских войск.

В середине лета 1943 г. разведка партизанской бригады «Разгром» (Минская обл.) установила связь и вывела к партизанам сотрудника разведывательного отдела Восточного фронта вермахта, располагавшегося в г. Борисов, Шинкаренко Д. З. с планами июльского наступления немцев [15].

Все эти сведения получили самую высокую оценку советского высшего военного командования. Величайшей заслугой партизанской разведки являлось то, что она, по свидетельству Маршала Советского Союза, члена Ставки Верховного Главнокомандования и заместителя И. В. Сталина в этой Ставке Г. К. Жукова, помогла «правильно оценить обстановку и замыслы вражеского командования на лето 1943 г.» [16].

Таким образом, есть все основания считать, что разведка белорусских партизан внесла весомый вклад в победу советских войск под Орлом и Курском, что обозначало окончательный переход стратегической инициативы к Красной Армии.

Осенью 1943 г. во время наступательных действий Красной Армии по освобождению части территории Белоруссии, партизанская разведка сумела получить сведения о готовящемся контрнаступлении фашистов против нескольких фронтов, выявить силы и планы врага.

26 октября 1943 г. командир Осиповичской военно-оперативной группы Н. Ф. Королев доложил в БШПД, что партизанскому разведчику удалось получить информацию от немца, командира полка, о сосредоточении в районе Жлобина крупной группировки вермахта в составе 7 дивизий СС, 4 пехотных и нескольких танковых дивизий, имевших на вооружении до тысячи танков. Они хотели нанести внезапный мощный удар

по советским войскам, переправившимся через Днепр у Жлобина и Рогачева, разгромить их и, продолжая контрнаступление, на р. Днепр и р. Сож охватить правый фланг Белорусского фронта [17].

Далее планами гитлеровцев предусматривалось взаимодействие с крупными силами Киевской группировки, которые должны были обойти с севера войска 1-го Украинского фронта. Вражеское командование стремилось окружить и уничтожить пять советских армий: две в Белоруссии и три в районе Киева путем ударов по флангам и обхода севернее Киева [18]. Эти данные были немедленно переданы И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. К. Жукову, а также в Генеральный штаб Красной Армии, в ГРУ (Генерального штаба Красной Армии (ГШКА) и в НКГБ СССР [19].

Своевременная информация позволила советскому командованию принять действенные контрмеры и сорвать план командования вермахта.

При подготовке операции «Багратион» весной — в начале лета 1944 г. крайне важно было для советского командования знать о направлении переброски вражеских войск и их количестве. Целью было знать — усиливается ли группа армий «Центр» или из ее состава забирают войска на другие участки советско-германского фронта. Это было тем более важно, что советское командование предпринимало меры, чтобы убедить командование вермахта, что главный удар летом 1944 г. будет нанесен на Украину.

К концу мая 1944 г. разведорганы партизанских формирований до 500 раз сообщали сведения о передислокации частей противника по транспортным коммуникациям. Так, 27 мая 1944 г. партизаны передали сведения о переброске двух танковых дивизий из района Могилева в Гродно и Ковель [20]. БШПД, обобщив поступившие данные по 14 важнейшим железнодорожным участкам за апрель—май 1944 г., с точным указанием прошедших эшелонов в обе стороны и их грузов, 8 июня сделал вывод, подтверждавший информацию других видов советской разведки о том, что фашисты ожидают наступления советских войск на Украине, и не только направляют туда основные резервы, но и снимают часть войск с центрального участка фронта. БШПД информировал Генеральный штаб Красной Армии о выводе на Украину вражеских войск общей численностью до 25 дивизий [21]. Полученные сведения показывали на определенное ослабление группы армий «Центр» к июню 1944 г., что было учтено при подготовке и проведении операции «Багратион».

Таким образом, можно сделать вывод, что партизанская разведка добывала и передавала командованию Красной Армии ценнейшие сведения стратегического характера на протяжении всех трех лет фашистской

оккупации. Эти данные в той или иной степени влияли на действия советских войск как в обороне, так и в наступлении.

Следует отметить, что партизанская разведка использовала различные способы добывания стратегической информации: нападения из засады на штабные автомобили и захват документов, подрыв эшелонов и взятие в плен немецких офицеров из них, ежедневное тщательное наблюдение за передвижением железнодорожного транспорта и обобщение полученных сведений, сотрудничество с антифашистски настроенными военнослужащими вермахта, опрос пришедших к партизанам советских офицеров-окруженцев, обобщение в БШПД всей поступающей разведывательной информации из разных бригад и отрядов. Значительна была роль радиосвязи в 1942—1944 гг. партизан с зафронтовыми органами в скорости передачи добытой информации, а ее отсутствие осенью 1941 г. фатально повлияло на своевременность получения крайне необходимых сведений.

Литература и источники главы

1. Киселев В. К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944. — Мн.: Изд. БГУ, 1980. — С. 58; Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941—1945. Энцыклапедыя. — Мн.: БелСЭ, 1990. — С. 456.
2. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941—1945. — С. 456; Киселев В.К. Указ. соч. — С. 58, 61.
3. Киселев В. К. Люди беспримерного мужества // Коммунист Белоруссии. — 1977. — № 7. — С.39; Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 77 / 1. Л. 22.
4. Киселев В. К. Люди беспримерного мужества // Коммунист Белоруссии. — 1977. — № 7. — С. 39; История Второй мировой войны 1939 -1945 в 12-ти томах. Том 5. — М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1975. — С. 238; РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 77 / 1. Л. 45.
5. Национальный архив Республики Беларусь (далее НА РБ). Ф. 4. Оп. 33а. Д. 192. Л. 111.
6. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 1305. Л. 112.
7. НА РБ. Ф. 4089. Оп. 1. Д. 11. Л. 26об — 28об.
8. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 21. Л. 2.
9. Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны, архив музея, инвентарный номер 38764.
10. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 108. Л. 257—269.
11. РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.
12. РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.
13. НА РБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 425. Л. 141.

14. Князьков А.С. Партизанская разведка в период разгрома немецко-фашистских войск под Курском и на Днепре // Сб. Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. — М.: Политиздат, 1975. — С. 306.

15. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 138. Л. 143об.

16. Партия во главе народной борьбы в тылу врага (1941–1944). — М.: «Мысль», 1976. — С. 256.

17. НА РБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 599. Л. 60.

18. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 21. Л. 404.

19. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 21. Л. 404.

20. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 20. Л. 99–100.

21. Кісялеў В.К. Разведвальная дзейнасць партызан Беларусі ў інтарэсах фронту (чэрвень 1941 — ліпень 1944)//Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя, філасофія, сацыялогія, эканоміка, права. — 1994.— № 1— С. 9.

Глава 5. РОЛЬ РАЗВЕДКИ ПАРТИЗАН БЕЛОРУССИИ В ПОЛУЧЕНИИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О ВРАГЕ (1943–1944 гг.)

Белорусские партизаны в 1943—1944 гг. уделяли значительное внимание получению военно-технической информации о новой боевой технике гитлеровских захватчиков. На это их постоянно ориентировали Разведывательные отделы Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, требуя немедленно сообщать такие данные по рациям и при возможности передавать полученные образцы, схемы, чертежи, описания, захваченных пленных или перешедших добровольно, кто обладал такой информацией, при помощи авиации с партизанских аэродромов.

И хотя специальных подразделений военно-технической разведки в разведорганах партизан не было, но при большой густоте агентурной сети, при постоянных действиях войсковой разведки по захвату пленных и документов, при тесных контактах с патриотическим подпольем, при участвовавших осенью 1943 — летом 1944 гг. добровольных переходах немцев и представителей других национальностей из вермахта на сторону партизан из-за осознания преступности и бессмысленности ведущейся нацистской Германией войны, партизаны сумели получить крайне важные и ценные сведения о многих последних разработках немецкой военно-технической мысли в самых разных областях вооружений. Надо учитывать, что добытая информация служила двум целям: во-первых, для знания путей развития научно-технических разработок в Германии, а они были на высоком уровне и опирались на мощный промышленный потенциал, и во-вторых, для предотвращения внезапного применения нового оружия на фронте, что могло серьезно затруднить действия советских войск.

Партизанская разведка опиралась на созданный к этому времени и развивающийся значительный потенциал получения необходимой информации о враге — в агентурной разведке насчитывалось до 24 тыс. человек; в войсковой разведке, составе разведвзводов при отрядах и разведротам при бригадах и полках — до 10 % численности партизан; сведения передовали около 19 тыс. связных [1, с. 17,25].

Разведка партизан получила ряд данных о новых видах артиллерийского вооружения — засекреченных снарядах. Характерен пример витебских партизан. Осенью 1943 г. руководитель группы разведчиков 1-ой Заслоновской партизанской бригады, бывший подпольщик с августа 1941 г. в г. Орше, белорус Д. Н. Бохан сообщил в подпольный обком партии: «К приходу связных у нас будут образцы нескольких видов секретного оружия. Особенно снаряд, достали по частям». [2, л. 65–66].

Непосредственным исполнителем этой операции был Ф. Е. Ковтун, до войны учитель, украинец, служивший по заданию партизан в роте охраны на железнодорожном узле в Орше. Он похитил и передал партизанам новый 75-мм реактивный снаряд [3, л. 70]. 16 февраля 1944 г. в бою с захватчиками Д. Н. Бохан погиб. Он посмертно награждён орденом Красной Звезды [4, л. 63]. Партизаны добыли и информацию о новых типах стрелкового вооружения, которые проходили апробацию в Белоруссии. Разведчики или захватывали образцы нового стрелкового оружия, или добывали сведения от своей агентуры в гарнизонах, или получили информацию от перешедших на их сторону военнослужащих вермахта.

В середине июля 1943 г. в д. Пустошка Минской обл. партизанская разведка, по данным ЦШПД, захватила автомат новой конструкции и переправила его в Москву самолётом [5, л. 33–34]. В мае 1943 г. от чеха, перешедшего в партизанский отряд им. Кирова (Полесская обл.), стало известно о новом автомате, поступившем на вооружение в немецкой армии [6, л. 122].

В период Великой Отечественной войны гитлеровцы, столкнувшись с техническим превосходством советских танков, особенно Т-34, усиленно работали над созданием новых видов своих тяжелых танков, о чем стало известно и разведке партизан. Партизаны выясняли сведения о конструкции и боевых данных новых типов танков.

18 мая 1943 г. БШПД направил по радио всем командирам партизанских соединений и некоторых партизанских бригад директивное указание о немедленном принятии мер сбора данных о новом немецком танке «Пантера» с использованием всех видов разведки и опроса пленных. Требовалось выяснить не только конструкцию, технические и тактические данные, но и дислокацию заводов, изготавливающих эти танки, их производственную мощность. При получении результатов необходимо было докладывать немедленно.

Это задание БШПД разведка партизан быстро выполнила. Уже 5 июня 1943 г. разведчики особого отдела партизанского соединения южной зоны Минской обл. сумели раздобыть основные технические данные танка

«Пантера»: вес — 63 т, высота с башней — 3 м, толщина брони — до 80 мм, скорость — до 40—45 км/час, на танке установлена 85-мм пушка и 4 пулемёта, экипаж — из 5 человек. Был установлен завод по их производству около ст. Мариенфельд с выпуском 4 «Пантер» и 3 «Тигров» в сутки и количеством рабочих — 2500 человек. Эти данные были получены от прибывшего в мае 1943 г. в Бобруйск из Берлина советского военнопленного В. И. Андросова, которого разведчики позже вывели в партизанскую зону [7, с. 150—151].

В 20-х числах июня 1943 г. БШПД снова даёт радиограмму командирам областных партизанских соединений с требованием усилить разведку новых типов тяжёлых танков, сообщить все добытые о них сведения [8, л. 34]. Новые данные не заставили себя ждать.

Помимо танков «Пантера» внимание разведки партизан привлекли проходящие на юг эшелоны с тяжёлыми танками типа «Тигр», а затем и сам этот танк.

Как сообщало БШПД командование Могилевского областного партизанского соединения по железной дороге Бобруйск—Жлобин за период с 13 по 28 июня 1943 г. проследовало 134 танка, из них половина типа «Тигр» [9, л. 65].

Во второй половине июля 1943 г., как указывает ЦШПД, разведка белорусских партизан установила технико-технические данные нового танка под названием «Тигр» — вес, вооружение, скорость, толщина брони, качество брони, мощность двигателя, расход бензина, некоторые места изготовления и объёмы производства [10, л. 33]. В ноябре 1943 г. разведчики партизанской бригады «За Советскую Белоруссию» (Минская обл.) получили от добровольно перешедшего на сторону партизан лейтенанта-сапёра вермахта В. А. Кузновича, сына эмигрантов, военного инженера, работавшего на строительстве ряда наземных и подземных заводов в Германии, Польше, Франции, сведения о новом тяжёлом танке. Было установлено, отдельные детали танка изготавливаются в Верхней Силезии в г. Ополе, отливка брони — в Данциге и Лейпциге, окончательная сборка в г. Козенице (южнее Варшавы). В. А. Кузнович дал сведения о составе брони [11, л. 352—355]. Он также информировал о названии нового танка — «Панцирь-6» с усовершенствованной бронёй, дал ее компоненты [12, л. 354—355]. В последующем модернизированный тип этого танка получил название «Королевский тигр» и применялся в 1944—1945 гг. на фронте.

Некоторые опытные образцы новых танков гитлеровцы испытывали на полигонах в Белоруссии.

В декабре 1943 г. разведка партизан Барановичского областного соединения сообщила в БШПД данные об опытных экземплярах нового танка «Иста», который проходил испытания на танкодроме [13, с. 106].

Захватывали партизаны в плен и танкистов с новых танков, которые давали о них подробные данные. 7 января 1944 г. командир Полесского областного партизанского соединения И. Д. Ветров сообщил зам. начальника БШПД И. П. Ганенко, что партизанским отрядом под командованием Н. Х. Семко захвачен немецкий лейтенант с танка «Иста» [14, л. 179].

Таким образом, ни массовое применение «Пантер» и «Тигров» в битве на Орлово-Курской дуге, ни последующее создание и использование новых типов танков не были внезапными для советских войск, а их тактико-технические данные учитывались при модернизации и создании советских танков и противотанковых орудий. Советская бомбардировочная авиация также наносила точные удары по разведанным военным заводам, выпускающих танки.

Но в прямом противоборстве разных типов советских и гитлеровских танков убедительный перевес оказался на стороне советских. Это ясно показали итоги боев лета—осени 1943 г. Именно поэтому фашистские военные специалисты начали уделять внимание разработке принципиально нового противотанкового средства как орудия успешной борьбы с наступающими советскими танковыми частями.

Первым таким типом оружия был фаустпатрон образца 1943 г., который являлся ручным, малогабаритным, и легко переносимым гранатомётом с кумулятивным зарядом, прожигающим броню танка. Впервые сведения об испытаниях секретного противотанкового (фаустпатрона) оружия, по воспоминаниям начальника областной оперативно-чекистской группы при Могилевском подпольном обкоме партии И. М. Стельмаха, дали летом 1943 г. 4 перебежчика к партизанам из в то время антисоветского вооруженного формирования под командованием Гиль-Родионова¹. Секретарь подпольного обкома Д. С. Мовчанский дал приказ И. М. Стельмаху на разведку данного оружия через партизанскую агентуру. Осенью 1943 г. узнали об испытаниях фаустпатрона на танковом полигоне в районе Бобруйска на Т-34 с водителями-военнопленными. Так гитлеровцы проводили обучение военнослужащих вермахта обращению и применению фаустпатрона [15, л. 5]. Более подробные и точные сведения о фаустпатроне были получены весной 1944 г. 11 марта 1944 г. разведчики Вилейского областного партизанского соединения захватили в плен ефрейтора особого батальона-550 Кюблера. Во время допросов он рассказал о противотанковом гранатомете «Фаустгранат 43»,

¹ Позже перешли с оружием в руках на сторону партизан

находящимся на вооружении с октября—ноября 1943 г. и способе обращения с ним. В ноябре 1943 г. он сам обучался на полигоне под Варшавой [16, л. 22]. От него также была получена схема гранатомета и гранаты, определена дальность — 30—50 м, бронепробиваемость — до 10 см, вес — 13,5 кг, конструкция спускового механизма. Было установлено, что специальная противотанковая рота имела на вооружении 20—30 таких гранатометов [17, л. 33—34].

Эти данные были срочно переданы в разведотдел Представительства БШПД при штабе 1-го Прибалтийского фронта. 27 марта 1944 г. сведения о фаустпатроне нашли отражение в разведывательной сводке БШПД № 142 от 27 марта 1944 г., которые посылались в ряд центральных руководящих военных органов — от Ставки Верховного Главнокомандования до Генерального штаба Красной Армии. (18, л. 10—11).

Другим типом разрабатываемого противотанкового оружия стали радиоуправляемые танкетки, начиненные взрывчаткой, предназначенные для уничтожения советских тяжелых танков типа «ИС» и разрушения фортификационных укреплений.

20 июня 1944 г. РО БШПД информировал командование 1-го Белорусского фронта об испытаниях фашистами в мае на полигоне под г. Борисовом радиоуправляемых танкеток. Управление производилось с помощью ручного пульта на расстоянии до 200 м. Отмечалось, что танкетки послушны в управлении. Сведения передал партизанам бежавший из плена советский военнослужащий, который видел данные испытания на полигоне [19, л. 144].

В результате полученной заблаговременно информации, в том числе и от белорусских партизан, массовое применение гитлеровскими войсками фаустпатронов и в ряде случаев радиоуправляемых танкеток в 1944 г. не застало врасплох наши наступающие танковые части, помогло избежать больших потерь и дало время для выработки тактики борьбы с ними.

Получила разведка партизан и некоторые данные о ведущихся в Германии работах над созданием реактивного истребителя — принципиально нового средства борьбы с бомбардировочной авиацией, на которое гитлеровцы возлагали большие надежды по захвату господства в воздухе.

Сведения о реактивном истребителе со скоростью 740 км/час и местах его производства — авиазаводы в г. Росток и г. Бранденбурге — были получены особым отделом 2-й Минской партизанской бригады 18 октября 1943 г. от добровольно перешедшего на сторону партизан военнослужащего вермахта австрийца Альфреда Лемкэ. Он передал также планы двух авиазаводов, завода по производству танков и двух авто-

заводов, что было важно для последующего нанесения по ним точных бомбовых ударов советской авиацией [20, л. 5, 8].

Следует, видимо, отметить, что впервые в боевых условиях фашисты могли применить реактивные истребители лишь в конце 1944 г., так что информация о реактивном истребителе поступила от партизан Белоруссии более чем за год до его появления во фронтовом небе, а это очень немалый срок в условиях войны.

От разведки партизан Белоруссии в конце 1943 г. была получена, по данным ЦШПД, информация о наличии на вооружении вермахта новых 10-ствольных минометов, опытных образцов 6-моторных тяжелых бомбардировщиков, 75-мм снарядах реактивного действия [21, л. 34].

Все эти данные ясно показывают, что партизанская разведка была в курсе многих военно-инженерных разработок вермахта, с честью выполнила указания ЦШПД и БШПД по развертыванию научно-технической разведки войск врага.

Список источников и литературы:

1. Киселев В. К. Партизанская разведка в Белоруссии // *Вопросы истории*. 1974. № 12.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НА РБ). Ф. 4855, Оп. 1. Д. 1.
3. НА РБ. Ф. 4855. Оп. 1. Д. 2.
4. НА РБ. Ф. 4855. Оп. 1. Д. 2.
5. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 791.
6. НА РБ. Ф. 4, Оп. 33 а. Д. 425.
7. Доморад К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941—1944 гг. — Мн., «Навука і тэхніка», 1995.
8. НА РБ. Ф. 4159. Оп. 1. Д. 4.
9. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 9.
10. РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 791.
11. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 15.
12. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 2.
13. Киселев В. К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943—1944. — Мн. Изд. «БГУ», 1980.
14. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 47.
15. Личный архив автора, инв. № 6.
16. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 11, Д. 942.
17. НА РБ, Ф. 3500. Оп. 2, Д. 100.
18. НА РБ, Ф. 3500. Оп. 3, Д. 23

19. НА РБ, Ф. 3500. Оп. 2, Д. 5.

20. НА РБ, Ф. 3500. Оп. 2. Д. 100.

21. РЦХИДНИ, Ф. 69. Оп.1. Д. 791.

Глава 6. ЩИТ И МЕЧ ПАРТИЗАН БЕЛОРУССИИ

(июнь 1941 — июль 1944 гг.)

В исторической литературе содержится еще мало сведений о незаметной, но очень важной работе сотрудников партизанской контрразведки. Об организации последней, эффективности ее деятельности есть некоторая информация в трехтомном¹ труде «Всенародная борьба в Белоруссии...»

В. К. Киселевым опубликована статья на данную тему в московском научном журнале.² В «Энциклапедыі...» имеется раздел «Партизанская контрразведка».³ Отдельные факты приведены в книге К. И. Домарада, но они мало систематизированы и во многом повторяют информацию, содержащуюся в трехтомнике.⁴

Партизанским формированиям, их командованию, руководящим органам уже в начале Великой Отечественной войны пришлось столкнуться с подрывной деятельностью фашистских спецслужб. Ее осуществляли группы, команды, различные подразделения военной разведки и контрразведки вермахта («Абвер»), штабной разведки армейских объединений и соединений («I-Ц»), тайной полевой полиции («ГФП»), полиции безопасности и СД, полевой жандармерии и местной полиции. В той или иной степени против партизан действовали специальные контрразведовательные органы врага — «Зондерштаб — Россия», «Цеппелин», отдел генерального штаба «Иностранные армии Востока».

Все они были укомплектованы довольно квалифицированными кадрами, которые имели определенный опыт подавления антифашистского

¹ *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. Т. 1.* — Мн., 1983–1985

² *Партизаны Беларусі против спецслужб врага // Вопросы истории.* М., 1984. № 3.

³ *Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945: Энциклапедыя./ В. К. Кісялёў.* — Мн., 1990. С. 454.

⁴ *Дамарад К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии.* Мн., 1995.

подполья, движения Сопротивления как в самой Германии, так и в оккупированных фашистами странах. Спецслужбы применяли самые изощренные методы в своей деятельности, осуществляли тесную координацию операций. Гитлеровцы располагали сетью агентуры, завербованной из среды предателей и изменников Родины, остатков белогвардейцев, буржуазных националистов и уголовных элементов.

Значительное число их прибыло вместе с оккупантами. Для сбора сведений о партизанах широко применялись войсковая разведка, радио и авиаразведка, создавались провокационные лжепартизанские группы.

Борьба партизанской контрразведки с фашистскими спецслужбами не затихала ни на один день и с каждым годом войны приобретала все более масштабный характер. Основными направлениями деятельности контрразведки были ограждение бригад и отрядов от проникновения вражеской агентуры, ее разоблачение в них, а также в партизанских зонах, выявление предателей и изменников в населенных пунктах, контролируемых противником.

Структура контрразведки складывалась постепенно, в основном в виде особых отделов. Форма организации зависела от местных условий, размаха партизанского движения, наличия опытных кадров и степени понимания стоящих перед контрразведкой задач со стороны командования партизанских формирований. В ряде случаев этой службой руководили заместители командиров по разведке и контрразведке партизанских бригад и отрядов.

В своей деятельности контрразведка партизан опиралась на широкую поддержку трудящихся Белоруссии, их веру в непобедимость Красной Армии, ясное понимание необходимости преодоления любых трудностей ради защиты независимости Родины от гитлеровских захватчиков.

В работе контрразведки широко использовались возможности патриотического подполья. Патриоты, боровшиеся с оккупантами в составе подпольных организаций на контролируемой врагом территории, оказали всемерную поддержку органам разведки и контрразведки партизан. Ряд из них, оставаясь подпольщиками и выполняя задания своего руководства, одновременно являлись связными или сотрудниками особых отделов.

Значительную помощь служба контрразведки народных мстителей получала в результате взаимодействия с более чем 200 спецгруппами советской разведки, в состав которых входили свыше 6 тыс. солдат и офицеров. Они устанавливали засекреченные места подготовки шпионов, диверсантов и террористов, уничтожали лжепартизанские отряды, разоблачали предателей. Спецгруппам оказывали посильное содействие почти

10 тыс. патриотов из числа партизан, подпольщиков и местных жителей. Только чекистскими группами в Белоруссии были выявлены 22 разведывательно-диверсионные школы Абвера, 36 резидентур, более 6 тыс. гитлеровских агентов, добыты и переданы на Большую землю сведения о сотнях шпионов, заброшенных противником в соединения и части Красной Армии, тыловые районы страны [1].

В начальный период войны пришлось столкнуться со значительными трудностями в развитии партизанского движения, в том числе и его контрразведывательного обеспечения.

24 и 29 июня, 18 июля 1941 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли ряд решений о мобилизации всех сил на борьбу с германским фашизмом, об организации борьбы в тылу вражеских войск. В них в той или иной степени выдвигались и задачи контрразведывательного характера [2].

Руководство республики, исходя из общих указаний Советского правительства, приняло ряд важных мер по этому вопросу. В условиях тяжелых боев Красной Армии с гитлеровцами и вражеской оккупации республики выдвигалась проблема правильного подбора, обучения кадров, создания централизованной системы данных органов, обеспечения их надежной связи с Большой землей и с патриотами в гарнизонах противника.

Для подготовки кадров организаторов партизанского движения, обучения их различным методам борьбы, включая и проведение активных контрразведывательных мероприятий, 10 июля 1941 г. была создана школа ЦК КП(б)Б (позже на ее базе был организован специальный Оперативно-учебный центр Западного фронта), в которую было зачислено 400 курсантов-добровольцев, в основном коммунисты и комсомольцы. Сначала срок обучения составлял всего несколько дней, позднее, когда позволила обстановка и практика борьбы потребовала более квалифицированных кадров — 2—3 месяца. Только в июле—августе 1941 г., до завершения полной оккупации фашистами республики, в школе было подготовлено почти полторы тысячи человек, получивших определенные знания для борьбы с фашистскими спецслужбами [3].

Одновременно с обучением кадров уделялось внимание разработке различных инструкций, в которых, наряду с приемами партизанской борьбы, рекомендовались методы ведения разведки, организации связи проведения контрразведывательных мероприятий. Летом 1941 г. 8-й отдел Политуправления Западного фронта по работе среди советских частей и партизанских отрядов, действовавших в тылу противника, вместе с разведотделом штаба фронта выпустил специальную инструкцию по ведению

разведки, в которой, в частности, отмечалась необходимость постоянной бдительности: «Не забывай, что враг хитер, злобен и коварен. При общении с местным населением будь осторожен, враг всегда может подослать шпиона» [4].

В результате целеустремленной и упорной работы в августе 1941 г. в Белоруссии насчитывался 61 партизанский отряд общей численностью несколько тысяч человек [5]. Под руководством КП(б)Б в единый поток сливалась борьба местных жителей, оказавшихся в окружении или бежавших из плена воинов Красной Армии, посланцев из-за фронта. Потерпели полный провал попытки фашистов, в том числе их спецслужб, задушить борьбу народных мстителей в самом начале. Первые партизанские отряды и группы во многом сумели дать им достойный отпор, усиливая охрану мест своего расположения, выявляя и ликвидируя шпионов и изменников, уничтожая даже отдельные подразделения спецслужб. Так, 27 июля 1941 г. в окрестностях лагеря партизанского отряда под командованием И. А. Яроша была обнаружена группа войсковой разведки противника из шести человек на мотоциклах. Поднятые по тревоге партизаны уничтожили их, а отряд перебазировался на новое место [6]. 15 сентября 1941 г. партизанский отряд под командованием М. Ф. Шмырева совершил нападение на г. Сураж, в котором размещались команды полиции безопасности и СД [7]. К середине января 1942 г., как указывалось в справке ЦК КП(б), партизанские отряды в результате проведения ряда контрразведывательных мероприятий сумели выявить и ликвидировать 316 агентов врага и предателей [8].

В результате поражения вермахта под Москвой и выхода наступающих советских войск к северо-восточным границам республики с весны 1942 г. начинается новый мощный подъем партизанского движения. Будучи ранее народным по своему характеру, социальному составу и целям, оно стало действительно народным благодаря своей массовости. К ноябрю 1942 г. было учтено 352 партизанских отряда, насчитывавших около 50 тыс. патриотов. Невооруженный резерв народных мстителей составлял до 30 тыс. человек [9].

Усилились соответственно и действия партизан, носившие характер контрразведывательных операций. Они были направлены против активных пособников гитлеровцев: старост, полицейских, доносчиков, добровольных проводников карательных отрядов, а также агентов фашистских спецслужб. В апреле 1942 г. на территории «Генерального комиссариата «Белоруссия»» партизанами были убиты в течение двух недель 24 старосты, которые активно помогали гитлеровцам выявлять и уничтожать ком-

мунистов и комсомольцев, а в районе Барановичей — 21 полицейский. Подразделение жандармерии, располагавшееся в Борисове, сообщало, что лица, доносившие на патриотов, уничтожаются партизанами, а их имущество сжигается. Партизаны из отряда им. Кутузова, действовавшего в Минской области, 12 мая 1942 г. расстреляли фашистского агента, который выдал партизан, а 22 мая — двух предателей, помогавших карателям в розыске народных мстителей. 13 августа отряд под командованием В. А. Захарченко в Витебской области разгромил карательное подразделение, уничтожив при этом 7 фашистских агентов-проводников [10].

Развитие партизанского движения настоятельно требовало создания специальных контрразведывательных органов, укомплектованных квалифицированными кадрами, обеспечения плановости и централизации в проведении мероприятий по противодействию спецслужбам врага. Кроме того, разведывательные, контрразведывательные и карательные службы гитлеровцев извлекли некоторые уроки из провала своих первоначальных мероприятий и начали использовать новые приемы. Они делали теперь основную ставку на массовую засылку агентуры из числа подготовленных в спецшколах шпионов, создавая разветвленную сеть хорошо законспирированных агентов. Применялись также террор, провокации и попытки разложения партизанских отрядов изнутри.

30 мая 1942 г. был организован Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), а 9 сентября — Белорусский штаб партизанского движения (БШПД). В их структуру входили разведывательные отделы, одной из функций которых было руководство контрразведкой. С ростом численности партизанских отрядов перед контрразведывательной службой, наряду с прежними задачами, остро встали и новые: тщательная проверка многих тысяч человек, вступающих в ряды народных мстителей, для того чтобы предотвратить проникновение вражеской агентуры; создание надежных резервов; защита от шпионажа населенных пунктов, находящихся в партизанских зонах; проведение контроля за перешедшими на сторону партизан участниками вооруженных антисоветских националистических формирований, среди которых могли оказаться и специально подосланные лица; внедрение патриотов в разведшколы спецслужб гитлеровцев для выявления обучавшегося там контингента и ставившихся перед ним конкретных задач; предотвращение актов террора и диверсий, направленных против командного и личного состава партизанских формирований. Основной упор делался на борьбу со шпионами, хорошо подготовленной и законспирированной вражеской агентурой.

Контрразведывательная служба партизан Белоруссии как единая система с четко определенными целями стала складываться с осени 1942 г. после приказа Наркома Оборона от 5 сентября этого же года «О задачах партизанского движения». Приказ явился логическим развитием предшествующих решений. В соединениях и бригадах создавались особые отделы, направлявшие в отряды своих уполномоченных. Вводилась регулярная отчетность, планирование работы, упорядочивались подбор и расстановка кадров. Характерной особенностью этого этапа являлось объединение в одном органе функций как агентурной разведки, так и контрразведки, что объяснялось тесным переплетением их задач и недостатком обученных кадров. Эта коренная перестройка и последующая деятельность особых отделов проходили под непосредственным контролем командно-политического руководства партизанских формирований (подпольных партийных комитетов: Витебского, Гомельского, Минского и Пинского обкомов и 56 межрайкомов и райкомов). 1 ноября 1942 г. Витебский подпольный обком партии обсудил доклад первого секретаря И. А. Стулова «Об усилении разведки и контрразведки», в результате чего были приняты действенные меры по усилению контрразведывательной службы в отрядах и бригадах. На 2 ноября 1942 г. в Минской области контрразведывательные службы были созданы в 13 отрядах и бригадах. К началу февраля 1943 г. уже в 72 партизанских формированиях пяти областей функционировала система особых отделов или заместителей командиров по разведке. Большую роль в ней играли коммунисты — 30 человек, комсомольцев было 27 и беспартийных — 15. Однако система органов контрразведки была еще неполной и охватывала всего около 20 % сил народных мстителей [11].

В этих условиях важную роль сыграли решения V Пленума ЦК КП(б) Белоруссии, который отметил значительную активизацию спецслужб гитлеровцев и потребовал расширить квалифицированную партизанскую разведку и контрразведку с привлечением опытных специалистов. 23 апреля 1943 г. ЦК КП(б)Б принял постановление, в котором выдвигались задачи усиления системы контрразведки во всех бригадах и отрядах, подготовки в советском тылу части кадров руководителей разведки и контрразведки, направления специалистов, которым поручалось вместе с командованием партизанских сил организовать всю необходимую работу. В 1943–1944 гг. в спецшколах ЦШПД и БШПД прошли обучение 258 человек, владевших в той или иной степени методами ведения как разведки, так и контрразведки. Они составили около 22 % руководящих сотрудников партизанской разведки и контрразведки [12].

Летом 1943 г. ЦК КП(б)Б и БШПД дали указание секретарям подпольных обкомов и межрайкомов партии и командованию 79 бригад, с которыми была систематическая радиосвязь, о дальнейшем совершенствовании аппарата контрразведки для улучшения их работы по разоблачению фашистских шпионов в отрядах и среди местного населения. Для этого выдвигались следующие требования: выделить в каждом отряде, наряду с руководителем разведки, специального работника, освободив его от других заданий; в бригадах создать группы из 2–3 человек для помощи начальнику особого отдела; шире развернуть сеть сотрудников контрразведки; подготовить и внедрить своих людей в органы и школы гитлеровских спецслужб с целью выявления обучающихся и засланных агентов, путей и методов их проникновения в партизанские отряды и советский тыл [13].

Претворяя это указание в жизнь, командование партизанских сил еще более активизировало руководство деятельностью контрразведывательной службы. Так, 11 июля 1943 г. штаб Брестского областного соединения издал приказ, по которому в целях улучшения проведения контрразведывательной работы и детальной разведки создавались 4 оперативные группы, подчиненные особому отделу соединения. Командиры и комиссары обязывались оказывать всемерное содействие подбору сотрудников и выполнению ими специальных заданий. Руководителем всех опергрупп был назначен Ф. С. Петелин, прежде являвшийся заместителем командира по разведке отряда им. Чкалова. В Минской области в 1943 г. партизанское командование рекомендовало ряд активных партизан начальниками и уполномоченными районных отделов контрразведывательных органов, в частности, в Червенском районе им стал Ф. Г. Кошель, до войны работавший уполномоченным Наркомата земледелия [14].

На этот сложный и ответственный участок борьбы были направлены лучшие силы. Заместителем начальника ЦШПД по разведке и контрразведке являлся член ЦК КП(б)Б С. С. Бельченко, а БШПД — видный работник ЦК КП(б)Б И. П. Ганенко. Абсолютное большинство сотрудников разведотделов ЦШПД и БШПД были опытными специалистами и членами партии. По данным БШПД, если коммунисты составляли до 9 % общего числа партизан, то в органах контрразведки уже летом 1943 г. их насчитывалось 60 %. На работу в особые отделы были направлены многие активные коммунисты. Так, в отряде № 3 на должность начальника особого отдела бригады, действовавшей в Витебской области, командованием был выдвинут секретарь первичной партийной организации В. К. Шенделев, член партии с 1931 г. В феврале 1943 г.

командование 2-й Минской бригады выделило лучших партизан на работу в особый отдел бригады и его уполномоченными в отряды. Руководителем особого отдела был назначен еще в ноябре 1942 г. бывший комиссар 2-го отряда В. П. Безуглов [15].

Своевременно принятые меры позволили быстро решить сложные вопросы развития контрразведывательной службы. В 1943 г. при всех подпольных обкомах партии были созданы оперативные группы, которые непосредственно подчинялись секретарям обкомов, которые почти всегда были командирами областных соединений. В каждом партизанском соединении под руководством заместителя командира по разведке, которым являлся присланный опытный офицер-чекист, работали специальные группы по 10–15 человек, состоявшие из наиболее квалифицированных работников контрразведки. Это давало возможность не только вовремя выявлять и уничтожать фашистских агентов, но и серьезно изучать задачи и методы вражеской разведки, добиваться путем детального следствия важных данных о системе шпионажа против партизан, Красной Армии и советского тыла. С их организацией руководство всей контрразведывательной работой было централизовано в областных соединениях. По указанию БШПД командование всех партизанских формирований провело учет военнослужащих — квалифицированных специалистов среди их личного состава с целью выдвижения достойных на руководящую работу в органы разведки и контрразведки. В результате были получены данные о 1858 сотрудниках НКГБ, милиции, пограничниках.¹⁶

Несмотря на сложную и часто запутанную обстановку, на массовое применение гитлеровцами агентуры и проведение врагом различного рода провокаций, командование бригад и отрядов, сотрудники особых отделов старались действовать согласно принципам законности.

22 февраля 1943 г. ЦК КП(б)Б приняло решение изъять составленный отдельными работниками на основании не всегда проверенных данных список изменников и предателей Родины из-за имевшихся в нем неточностей. 31 марта 1943 г. в партизанской бригаде «Железняк», действовавшей в Минской области, был издан приказ за подписью командира бригады И. Ф. Титкова⁵ и комиссара бригады С. С. Манковича⁶ о запрещении производить самовольные обыски и аресты без санкции особого отдела. В нем требовалось все материалы направлять на

⁵ Позже за заслуги в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

⁶ То же.

рассмотрение особого отдела бригады. Как правило, решения о расстреле фашистских шпионов принимало командование формирований народных мстителей, а также действующие в ряде мест выборные партизанские суды или трибуналы. Особый отдел проводил только необходимую оперативную работу по выявлению, задержанию и допросам вражеских шпионов и представлял материалы следствия. Полученные сведения об агентуре противника тщательно перепроверялись, чтобы исключить всякую возможность провокационной игры со стороны фашистских спецслужб. Примером может служить деятельность контрразведки отряда «За Родину» (Могилевская область). Она получила через разведчиков, работавших в полиции, списки 50 шпионов, проживавших в деревнях. На каждого подозреваемого собрали подробные данные и, только если была доказана его предательская деятельность, принимались соответствующие меры [17].

Принятие своевременных решений и усиление централизованного руководства позволили контрразведке партизан добиться значительных успехов. К лету 1943 г. органы контрразведки действовали уже в 291 отряде и бригаде, то есть за четыре месяца их число увеличилось в четыре раза. На 22 июля 1943 г. в 8 областях партизаны разоблачили 944 шпиона.⁷

Всего за 1943 г. органы контрразведки бригад и отрядов выявили 1227 агентов, из которых 869 были захвачены, а остальные активно разыскивались. Свыше 40 крупных фашистских шпионов, разоблаченных партизанами, были направлены в советский тыл для проведения дальнейшего следствия. Кроме того, сотрудники контрразведки народных мстителей сумели добыть подробные данные о 59 вражеских агентах, заброшенных в советский тыл [18].

Использовала партизанская контрразведка и разъяснительную работу среди лиц, которые в силу тех или иных причин оказались на службе у врага, но поняли справедливость ведущейся народом борьбы и желали хоть частично искупить свою вину. Так, летом 1943 г. в бригаду «Разгром», действующую в Минской области, в результате добровольного контакта был переведен, и переправлен за линию фронта крупный работник разведывательного отдела фашистской группы армий «Центр» бывший белогвардеец Д. Э. Шинкаренко. Он передал материалы на 500 агентов, засланных или готовящихся к заброске в советский тыл и к партизанам и раскрыл во многом план операции «Цитадель» — июльского наступления вермахта на Курской дуге [19].

⁷ Нет сведений по Пинской и Белостокской областям.

Примером активного сотрудника партизанской контрразведки может служить комсомолец В. А. Якуш. Летом 1942 г. он вступил в партизанский отряд «Пламя» (Минская область), участвовал в 22 боевых операциях, показал образцы мужества и героизма. На его боевом счету — 5 подорванных эшелонов, 3 взорванных моста, участие в других диверсиях.

В июне 1943 г. после образования отряда «Слава» в бригаде «Пламя» В. А. Якуша назначили в отряде уполномоченным особого отдела. Под его руководством были выявлены несколько шпионов, пытавшихся пробраться в ряды народных мстителей; разоблачен ряд агентов гитлеровцев, проживавших в окрестных селах и дававших информацию о передвижениях партизан; сорвана попытка уничтожения диверсантом командного состава. Позже, оценивая проделанную работу, командование отмечало его большую заслугу как активного и дисциплинированного сотрудника контрразведки, обеспечившего безопасность партизан [20].

На ряд сотрудников контрразведки БШПД имел достаточно полные данные. Характерным являлись: многонациональность — белорусов 44 %, русских 44 %, украинцев 8 % и других 4 %; участие представителей различных поколений — до 30 лет — 56 %, от 30 до 40 лет — 33 %, свыше 40 лет — 11 %; довольно высокий для того времени уровень образованности — с высшим — 11 %, со средним — 66 %, с неполным средним образованием — 23 %; по времени вступления в ряды народных мстителей — в 1941 г. из числа первых партизан — 18 %, в период нового подъема борьбы с оккупантами в первой половине 1942 г. — 44 %, во время усиления массового партизанского движения, со второй половины 1942 г. — 38 %; по роду деятельности до войны партийных, советских и хозяйственных работников — 7 %, служащих государственных учреждений — до 25 %, военнослужащих — около 39 %, рабочих и колхозников — 29 % [21].

С сентября 1943 г. советские войска вели упорные бои за освобождение Белоруссии от гитлеровских захватчиков. Партизанское движение поднялось на новую, еще более высокую ступень. Одновременно в прифронтовых районах резко возросло количество подразделений фашистских спецслужб. Усилилась их подрывная деятельность, направленная, в первую очередь, на обеспечение информацией о народных мстителях карательных отрядов и частей вермахта.

Однако активизация спецслужб противника не застала врасплох службу контрразведки партизан, которая смогла нанести врагу еще более мощные ответные удары. Число контрразведывательных органов в бригадах и отрядах с лета 1943 г. до этого же периода 1944 г. выросло еще в

четыре раза. Они уже имели богатый опыт борьбы и четкую структуру. С января по май 1944 г. численность сотрудников органов контрразведки значительно увеличилась и достигла 14 тыс. человек. За этот период было разоблачено и арестовано 1614 шпионов, вывезено в советский тыл 50 наиболее важных агентов, сообщены сведения о 63 шпионах, направленных врагом за линию фронта. Наряду с этим, особые отделы вели учет лиц, активно сотрудничавших с оккупантами, которые после освобождения республики были привлечены к ответственности [22].

Таким образом, для выявления агентуры фашистских спецслужб контрразведка партизан использовала различные способы, применяя их, как правило, в комплексе. Высокая степень бдительности, взаимный товарищеский контроль, добровольный порядок вступления в партизаны, оценка человека по его делам, воспитание всей массы партизан на примерах разоблачения шпионов и террористов, поддержание высокого политического уровня и боевой готовности — все это облегчало задачи, помогало контрразведчикам в активной борьбе с гитлеровской разведкой.

Партизанская контрразведка смогла одержать победу над фашистскими спецслужбами благодаря опоре на массу партизан и подпольщиков и созданию хорошо функционирующей структуры.

Литература и источники главы

1. Бессмертные имена. — Мн., 1979. С. 10; Груздев К. И. Солдаты партизанского фронта. — Мн., 1969. С. 267.

2. Долгополов Ю. Б. Война без линии фронта. — М., 1981. — С. 126; Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 1. — Мн., 1967. — С. 49–51, 70.

3. Якубовский Н. А. В тыл врага. Минск, 1979. С. 49; Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Т. 1. Мн., 1983. С. 107.

4. Архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 202, оп. 36. д. 22. л. 61–68.

5. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. — Мн., 1983. — С. 20.

6. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 3500. Оп. 2. Д. 115. Л. 120–126.

7. Пономаренко П. К. Непокоренные. М., 1975. С. 15.

8. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 135.

9. История Белорусской ССР. Мн., 1977. С. 393; Партизанские формирования Белоруссии... С. 21.

10. Партизанские формирования Белоруссии... С. 302; НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 1296. Л. 125—126; Ф. 63. Оп. 16. Д. 12. Л. 326—326 об.

11. Партизанские формирования Белоруссии... С. 21; Подпольные партийные органы Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941—1944. Мн., 1975. С. 245; НАРБ. Ф. 3500 Оп. 3. Д. 113. Л. 33—34; Оп. 1. Д. 2. Л. 110—111 об.; Оп. 2. Д. 1013. Л. 85; Д. 1305 Л. 50—51; Ф. 4. Оп. 33а. Д. 256. Л. 138.

12. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Т. 2, кн. 1. Мн., 1973. С. 187, 299—300; История второй мировой войны. Т. 7. М., 1976. С. 312—313; Якубовский Н. А. Указ. соч. С. 108, 111—112, 144; Киселев В. К. Партизанская разведка. Мн., 1980. С. 46.

13. НАРБ. Ф. 3500. Оп. 23. Д. 34. Л. 614—615.

14. НАРБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 147. Л. 68; Ф. 3712. Оп. 1. Д. 37. Л. 4.

15. Тозик А. А. В дни суровых испытаний. Мн., 1981. С. 141; Киселев В. К. Указ. соч. С. 38; НАРБ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 2. Л. 112—123 об.; Оп. 2. Д. 60. Л. 96—101; Оп. 4. Д. 134. л. 32—32 об.; Д. 149. Л. 389; Ф. 3806. Оп. 1. Д. 1. Л. 90—91.

16. Пономаренко П. К. Указ. соч. С. 47; НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 635. Л. 1.; Ф3500. Оп. 2. Д. 17. Л. 156; Д. 1309. Л. 1, 3 об.; Оп. 3. Д. 115. Л. 177.

17. НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1249. Л. 60; Ф3500. Оп. 2. Д. 60. Л. 154—160; Д. 924. Л. 147—148; Д. 1302. Л. 44—45; Оп. 4. Д. 134. Л. 297 об.

18. НАРБ. Ф3500. Оп. 1. Д. 2. Л. 112-123. Об.; Оп. 2. Д. 62. Л. 335—336; Д. 1934. Л. 3—4; Д. 53. Л. 18—19; Ф. 4. Оп. 33а. Д. 523. Л. 57.

19. НАРБ. Ф3500. Оп. 1. Д. 2. Л. 46; Оп. 2. Д. 53. Л. 11—13 д. 60. л. 224; Оп. 3. Д. 116. Л. 348; Ф. 4. Оп. 33а. Д. 425. Л. 28.

20. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Т. 8. Мн., 1975. С. 217; НАРБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 160. Л. 90, 100, 121, 127.

21. НАРБ. Ф3500. Оп. 12. Д. 10, Л. 50—52.

22. НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 601. Л. 93.

Глава 7. ЭТО БЫЛО В БЕЛОРУССИИ

В 1944-м...

«АТОМНЫЙ СЛЕД»

В середине майской ночи невдалеке от партизанского аэродрома, расположенного в освобожденной зоне Могилевщины, тихо, но явно загрохотали авиационные моторы, и стальная птица вынырнула из-за облаков со стороны луны и начала делать круг перед посадкой¹.

Группа партизан из Кировской военно-оперативной группы подбросила в расположенные условным узором тлеющие костры охапки сухих веток и сучьев и полила их из канистр бензином, захваченным из разбитых из засад немецких грузовиков. Пламя весело и яростно взметнулось вверх, четко указывая посадочную полосу, а люди на земле со всех ног бросились в разные стороны: несколько раз уже случалось, что на костры на партизанских аэродромах подкрадывались фашистские одиночные бомбардировщики и прицельно бомбили и обстреливали всю территорию аэродрома. В результате многодневная тяжелая работа по приведению аэродрома в рабочее состояние шла насмарку, да в придачу гибли и сами партизаны, дети, женщины, раненые, приготовившиеся к эвакуации в советский тыл.

Но на этот раз все обошлось. Самолет был наш транспортный, с разводами маскировочных пятен на фюзеляже. Когда у самой кромки леса он остановился, сразу же открылась дверь салона, и на землю выпрыгнули четверо автоматчиков в десантных комбинезонах, а из самой двери внимательно смотрел тупой ствол крупнокалиберного пулемета. Не лишняя предосторожность — радиосвязи, как правило, с партизанами на аэродроме не было, обстановка на оккупированной территории могла резко измениться всего за несколько часов и не исключена была возможность захвата аэродрома подразделениями карательных войск оккупантов.

¹Данная статья подготовлена по данным, хранящимся в архивах Национального архива Республики Беларусь, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, опубликованных, хотя и частично, во фрагментарном виде, в ряде научно-популярных книг, по воспоминаниям, рассказанным автору заместителем начальника разведывательного отдела Белорусского штаба партизанского движения А. В. Ливановым.

С зимы 1944 г. и особенно весной фашистское командование, стремясь защитить тылы своей группы армий «Центр» от партизан в преддверии тяжелых боев с Красной Армией за основную часть Белоруссии, (восточная — 20 районов, была освобождена еще осенью-зимой 1943 г.) и обезопасить транспортные коммуникации от непрерывных диверсий народных мстителей бросило огромное количество войск, в том числе фронтовые части и подразделения резерва. Бои с разной степенью интенсивности происходили практически по всей оккупированной территории республики, особенно упорные вокруг партизанских зон. По данным немецких и партизанских документов, против народных мстителей воевали до 26 дивизий, из них 9 дивизий полного состава, больше 100 охранных батальонов, подразделения 11 дивизий из резерва группы армий «Центр», в том числе 2 танковые, и до 170 бомбардировщиков. В составе вражеских войск было до 380 тысяч солдат и офицеров. Гитлеровцы почти в 3 раза превосходили партизан в живой силе и значительно больше — в боевой технике. Ведь Белоруссия была кратчайшим путем к фашистскому рейху, да и были строжайшие приказы самого фюрера и командования вермахта на всемерную затяжку войны, чтобы дожидаться или раскола в антигитлеровской коалиции, или дать время нацистским ученым изготовить в тайных лабораториях и на испытательных центрах «оружие Победы».

Один из автоматчиков у двери самолета несколько раз взмахнул скрещенными руками и громко крикнул: «Свои! Советские!» И уже через несколько минут был окружен тесной толпой партизан в несколько десятков человек — его обнимали, хлопали по спине и плечам, предлагали махорку. После нескольких минут всеобщего оживления и радости к нему пробились два человека, одетых в полуармейскую форму, в ватниках, туго перепоясанных ремнями. На груди одного, более низкого и плотного, висел автомат, у другого — высокого — был трофейный парабеллум, оттягивали пояс две гранаты. Автоматчик из самолета расстегнул верхние пуговицы комбинезона, и стала видна при отблеске костров майорская звездочка на погоне. Правильно определив, что эти двое партизан и есть те, к кому его посылали из Москвы, он негромко, отойдя на несколько шагов в сторону, сказал первую часть пароля — «Волга — великая русская река» и немного помедлив, добавил цифровой код «1917». Партизаны внимательно выслушали, и высокий ответил второй частью, переданной по радиации накануне: «Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами» и выразительно взглянул на своего спутника. Тот добавил: «Плюс 27. А всего — 1944». Майор краем глаза отметил, что

небольшая группа партизан — все с оружием, окружили самолет и автоматчиков у двери, а один из народных мстителей, стоя в 2—3 шагах от пулемета, ловко перебрасывает из руки в руку противотанковую гранату и по первому сигналу готов был забросить ее в салон самолета. Да и автомат плотного партизана, теперь ясно, что командира, хотя никаких знаков отличия у него не было, смотрел прямо в живот майору. Осторожность партизан была вполне закономерна. В конце 1943 — начале 1944 гг. фашистская разведка, потерпев ряд сокрушительных провалов в попытках подорвать изнутри борьбу народных мстителей и получить нужные карателям сведения об их силах, расположении и вооружении, прибегла в ряде районов Белоруссии к провокациям с выброской на парашютах или даже с заброской на трофейных самолетах на аэродромы партизан групп своих разведчиков, переодетых в советскую военную форму и свободно владеющих русским языком. Они маскировались под якобы «разведывательные группы» Красной Армии и иногда в силу излишней доверчивости партизан достигали своих целей — получали ценную информацию, уничтожали командно-политический состав, организовывали внезапное нападение карателей на лагеря и базы, штабы, перехватывали и ликвидировали партизанских разведчиков и связных.

Профессионально оценив принятые необходимые меры предосторожности, майор, хотя и считал обмен словесными ответами и цифровыми паролями вполне достаточным, внезапно вспомнил о документе, окончательно подтверждающим его личность и выполняемое задание, ведь это был внеплановый авиарейс с секретным заданием, о котором знали только он и неизвестный пока ему начальник особого отдела партизанского формирования. Быстро вынув ножичек, разрезал подкладку в тужурке под комбинезоном и достал кусок белого шелка с нанесенными на нем цифрами. Облегченно вздохнув, высокий партизан громко крикнул: «Рюкзаки, туши костры! Все в порядке! Всем на базу!» Майор быстро добавил: «Разгружайте самолет. Там автоматы, патроны, медикаменты, два противотанковых ружья и несколько ящиков с малогабаритными минами!» Это необходимое для партизан вооружение загрузили на самолет на прифронтовом аэродроме о настоятельной просьбе начальника Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинина, который вместе со штабом в это время уже дислоцировался под Гомелем, недавно освобожденном советскими войсками.

Ночь огласилась радостным шумом, и закипела дружная работа — через час все было перегружено на телеги и вывезено в отряд. Ведь беспощадная борьба с оккупантами не утихала ни на один день — отби-

вали наступления карателей, громили гарнизоны, минировали проходящие поезда на станциях при помощи подпольщиков и разведчиков.

Пока шла разгрузка, майор и его два спутника отошли к концу аэродрома и спустились по ступенькам в землянку. Здесь они сняли верхнюю одежду и познакомились. Высокий партизан с парабеллумом и гранатами назвал себя — «Марченко Михаил Иванович. Начальник особого отдела Кировской военно-оперативной группы при подпольном райкоме партии. Коммунист. Отвечаю за разведывательную и контрразведывательную работу в зоне нашей деятельности — в Кировском, Бобруйском, Кличевском районах Могилевской области и Рогачевском районе Гомельской». На вид ему было лет сорок пять, хотя на самом деле — только тридцать шесть. Серые глаза смотрели внимательно и строго, полуседые волосы были коротко подстрижены, а на лице лежала печать многолетней настороженности и усталости. Но он был тщательно выбрит и худую шею обтягивал ослепительно белый подворотничок. На офицерской гимнастерке не было знаков различия, только на левой стороне груди блестела вырезанная из латуни эмблема милиции.

До войны М. И. Марченко был начальником одного из районных отделов милиции в Полесской области. В кровавой сумятице летних боев 1941 г. был ранен и из последних сил добрался осенью в д. Поповцы Рогачевского района Гомельской области, где проживали родственники жены. Когда подлечился и несколько оправился, начал собирать оружие и боеприпасы на местах прошедших боев и, узнав весной 1942 г. о появлении партизан недалеко от деревни, погрузил оружие на телегу — автомат, две винтовки, более тысячи патронов, десяток гранат и вместе с сохраненным партбилетом и служебным удостоверением прибыл в июне 1942 г. в отряд под командованием лейтенанта-окруженца С. И. Свирида, организовавшего партизанскую группу еще в октябре 1941 г. в количестве 10 человек из местных коммунистов, комсомольцев и советских работников, а также военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в окружении или бежавших из плена. К моменту вступления Марченко в отряде уже было до 100 человек... А к сентябрю уже около 400, в большинстве из местных жителей. В отряд его приняли, т. к. уже через надежных людей заранее изучили — не трус, ненавидит захватчиков, готов драться о фашистами до последней пули, до последнего вздоха, вел агитацию среди крестьян о непобедимости Красной Армии и разоблачал лживую гитлеровскую пропаганду о взятии Москвы, о полном разгроме советских войск, в меру осторожен, осмотрителен в разговорах с незнакомыми людьми.

Подбор людей в отряд проходил исключительно в индивидуальном порядке: слишком дорогой и кровавой могла быть цена ошибки хотя бы в одном человеке — превосходящие и хорошо вооруженные подразделения эсэсовцев, охранных немецких войск, местной полиции быстро уничтожили бы партизан, сожгли окружающие села, расстреляли семьи народных мстителей. Поэтому каждый желающий вступить в отряд проверялся на конкретном деле. Михаилу Ивановичу было поручено сжечь зерносклад, где хранились награбленные у крестьян и приготовленные к отправке в Германию десятки тонн зерна. Разузнав систему охраны, количество и места размещения охранников, установив, что ночью она несется очень бдительно и полном составе, а днем лишь частично, он среди бела дня вместе с крестьянами-грузчиками проник на зерносклад и, подготовив все необходимое за несколько раз, совершил успешный поджог. Он умело рассчитал, что, когда гитлеровцы заметят пожар, то и грузчики, и он уже будут вне их досягаемости. Двое из партизан отряда, входивших в число «грузчиков», поручились за него, отметив хладнокровие и смекалку новичка. Сразу после выполнения, в июне 1942 г., ему пришлось выдержать боевой экзамен на мужество и стойкость. В составе Кличевского оперативного центра отряд 22 дня вел тяжелые бои за прорыв блокады войск гитлеровцев и выход из окружения. Патронов было мало, еды — один сухарь на день и фляжка воды. Но удалось разорвать огненное кольцо и вырваться из-под бомбежек, артиллерийского огня, нескольких атак в день карателей. Марченко не дрогнул в непрерывных боях, стрелял только наверняка — пригодились упорные тренировки на стрельбище для милицейского состава до войны и первое место в райотделе по меткости, в особо трудные моменты организовывал около себя группу партизан и с возгласом «За Родину! Смерть фашистам!» поднимался первым в штыковую атаку.

В 1942 г. гитлеровцы на горьком опыте убедились, что невозможно никакими силами уничтожить все разгорающееся партизанское движение.

Осенью 1941 г. на территории Белоруссии в состав оккупационных войск входили подразделения более 6 охранных дивизий, 8 полевых дивизий и 4 артиллерийских полков вермахта. В 1942 г. в борьбе с партизанским движением участвовали подразделения уже из 32 дивизий, а также 16 полицейских и 10 артиллерийских полков. Но повсеместный массовый террор и десятки крупных и средних карательных экспедиций о целью ликвидации партизан и предотвращения повседневной поддержки их населением не помогали. Если в первом полугодии 1942 г. в

ряды народных мстителей вступало ежемесячно 3—4 тысячи человек, то во второй — уже 7—8 тысяч наших патриотов.

Тогда оккупанты сделали коварную ставку на подрыв партизанского движения изнутри силами шпионов, диверсантов, террористов, провокаторов. В конце 1942 — начале 1943 гг. гитлеровцы взяли курс на их массовую подготовку и заброску в партизанские отряды и бригады, хотя и ранее довольно часто прибегали к их использованию. Они организовали, по имеющимся данным, 25 шпионских школ и курсов, некоторые из них были полностью ориентированы на борьбу с партизанами Белоруссии, а в других созданы специальные отделения. О масштабах этой работы можно судить по тому, что только 14 школ каждые 2—3 месяца выпускали от 100 до 300 агентов.

Эту грозную опасность вовремя заметил и принял действенные контрмеры V Пленум ЦК КП(б)Б, проходивший в Москве в конце февраля 1943 г., всего через несколько недель после нашей крупнейшей победы под Сталинградом и началом общего наступления Красной Армии: «Пленум ЦК КП(б)Б предупреждает командиров и комиссаров партизанских отрядов и руководителей подпольных партийных органов о необходимости повышения политической и военной бдительности в партизанских отрядах, имея в виду, что немцы приобрели известный опыт борьбы с партизанами, в широких размерах применяют, наряду с действиями карательных частей и отрядов, провокационные мероприятия: засылку агентов в отряды с целью разложения отрядов, убийства командного состава, шпионской деятельности, грабежа населения под видом партизан с целью добиться разлада между партизанами и населением, в целях дискредитации партийного руководства и партийных организаций. Для предотвращения проникновения агентов врага необходимо шире поставить умелую и квалифицированную партизанскую разведку и контрразведку».

23 апреля 1943 г. в развитие предыдущего документа ЦК принимает постановление об усилении разведывательной и контрразведывательной работы в партизанских отрядах Белоруссии, где, в частности, требует ввести во всех бригадах и отрядах должности зам. командиров по разведке и обязать подпольные обкомы партии предоставить указанных работников [их данные — авт.] на утверждение бюро ЦК КП(б)Б в течение мая 1943 г.

Все эти перипетии борьбы прямо отразились на военной судьбе Марченко. В сентябре 1942 г. в отряде, получившем наименование «537-го», создается отдельный взвод разведки, среди отобранных добровольцев находится и рядовой партизан М. И. Марченко. Зимой 1942—1943 гг. при

его активном участии удалось обезвредить ряд законспирированных вражеских элементов. В апреле 1943 г., учитывая хорошее знание людей, проникательность в действительных мотивах их поступков, наблюдательность, его переводят на работу сотрудником в особый отдел организованной в марте 1943 г. партизанской бригады «9-й Кировской», куда наряду с 537-м отрядом, вошли 538, 100-й и 539-й. На 1 июня 1943 г. в бригаде насчитывалось 903 человека. В июне командование бригады назначает Марченко заместителем командира бригады по разведке и контрразведке — начальником особого отдела, при штабе военно-оперативной группы. Из-за острой нехватки квалифицированных и подготовленных кадров в большинстве бригад в Белоруссии шли на объединение в одних руках всей работы в области агентурной разведки и информационной сети контрразведки и подчинения одному человеку и действий подразделений войсковой разведки-взвода в отряде (20—30 чел.), разведрота (до 70 чел.) в бригаде. После объединения всех партизанских сил в Кировском районе в военно-оперативную группу при ее штабе действовало отделение разведки, задачей которого был контроль за работой разведки отрядов и перепроверка их данных для большей достоверности и точности, а также выполнение отдельных специальных заданий по приказу штаба группы.

Перед Марченко встали новые и сложные задачи: разоблачать в отрядах и в окружающих населенных пунктах, находящихся под контролем партизан, засланных агентов фашистских спецслужб и полиции, получать необходимую информацию о силах и планах врага, об охране транспортных коммуникаций и мостов, вести нелегальную пропагандистско-разъяснительную работу среди обманутых и запуганных людей в местной полиции и в различных антисоветских изменнических частях, насильственно созданных оккупантами, вести отбор людей для поступления в партизанские отряды, организовать сбор или хищение со складов врага оружия и боеприпасов для нужд народных мстителей, проводить диверсии на транспорте и в гарнизонах противника. Марченко не растерялся и максимально использовал свой опыт работы в милиции в предвоенные годы — тесная связь с населением, оправданное доверие к людям, знание приемов борьбы с законспирированным уголовным миром, участие в общих с чекистами операциях против вражеской агентуры. Михаил Иванович в середине 1930-х гг. окончил спецшколу ОГПУ, являлся одним из лучших курсантов по изучаемым предметам, однако был переведен на работу в милицию как не выказывавший особого рвения в поисках везде и всюду «врагов народа» в 1937—1938 гг., не арестовывал

сразу их семьи, а давал возможность им незаметно уехать. Открыто противостоять ежовско-бериевской машине уничтожения он был не в состоянии, но пытался, как мог, действовать по совести и не марать руки кровью невиновных людей.

Он создал для разведки в расположении врага специальные агентурные группы численностью от 2 до 10 человек. Их задача — самим проживая в гарнизонах, подбирать себе связных из населения, собирать сведения от одиночек-разведчиков, передавать разведчикам для негласного распространения агитационные материалы — сводки Совинформбюро, листовки, советские газеты, в необходимых случаях снабжать для диверсий минами. Если к моменту его назначения в гарнизонах не было ни одного разведчика, а партизаны в основном опирались на войсковую разведку и опрос жителей, то через год уже у гитлеровцев работало 77 разведчиков в населенных пунктах. С целью обеспечения безопасности разведчиков агенты по одному встречались только со старшим разведчиком, а он в заранее обусловленное время и месте — уже с Марченко, передавая ему информацию о враге, получая очередное задание. Широко использовал в целях конспирации и косвенную связь через систему секретных «ящиков» в условленных местах. В результате, несмотря на все усердие спецслужб врага, разведка потеряла с лета 1943 до лета 1944 г. лишь несколько человек. Разведчик Ничипоренко¹, идя на связь, попал в засаду и находясь в кольце врагов, отстреливался до последнего патрона и, чтобы не попасть живым в руки гитлеровцев, подорвал себя гранатой. Командир разведки Хупов² был внезапно окружен оккупантами в д. Дубняки. Он принял неравный бой и в ходе его был ранен разрывными пулями в обе ноги. Видя безвыходность своего положения: был один, дом горел, незаметно уползти не было никакой возможности, он, не желая сдаваться в плен, застрелил себя. Разведчик Еврасов³, будучи тяжело раненым, попал в руки врага. Гитлеровцы даже лечили его, надеясь использовать страх смерти и получить данные о расположении партизан, их вооружении, путях незаметного подхода к лагерям. Он отказался дать требуемые сведения. Фашисты сорвали с него бинты, долго и изощренно избивали, а потом, ничего не добившись, расстреляли. Герой-разведчик успел сказать перед смертью: «Погибаю, но своих товарищей не подведу. А вам, гитлеровцам, не уйти от рук народных мстителей — красных партизан!» Вот с такими замечательными людьми — самоотверженными

¹⁻³ Инициалов нет в архивных документах.

патриотами вместе боролся М. И. Марченко, на их примерах он воспитывал остальных разведчиков.

В результате диверсионной деятельности партизанской агентуры было уничтожено 145 немецких солдат и офицеров, подорвано 6 автомашин, сожжено 20 тонн горючего. 22 ноября 1943 г. разведчик Король в г. Бобруйске произвел на аэродроме диверсию по уничтожению самолетных ангаров с боевой техникой. В результате пожара уничтожено 8 истребителей «Мессершмитт-108» и 8 запасных авиационных моторов.

Когда не было другого выхода, партизанские агенты шли на смертельный риск во имя Победы над врагом. Так агент «Настя» в июне 1943 г. в Бобруйске ликвидировала 3-х фашистских офицеров, но была схвачена и после зверских пыток расстреляна. И нельзя никогда забывать, что наш сегодняшний мирный день оплачен кровью, страданиями и часто смертью многих разведчиков-партизан.

Особое внимание особый отдел обращал на разъяснительную работу среди полицейских и членов различных вооруженных формирований, созданных гитлеровцами для борьбы с партизанами, подпольщиками, проведения нацистского «нового порядка». Распространяли печатные материалы, вели устную агитацию, напоминали о Родине, о сражающемся народе, о неизбежности расплаты за предательство и пособничество врагу, призывали с оружием в руках переходить к партизанам, в боях с оккупантами искупить свою вину. За год, с июня 1943 по июнь 1944, специально посланными разведчиками были распропагандированы 5 полицейских гарнизонов, из них, предварительно уничтожив укрепления, с оружием в руках на сторону партизан перешло 180 человек. Из антисоветских формирований, например, из Бобруйска, в 537-й отряд прибыли 25 грузин из созданного гитлеровцами националистического подразделения, а из дислоцировавшегося в д. Павловичи первого армянского легиона ушло к партизанам в результате политико-разъяснительной работы больше половины личного состава, а тех, кто остался, фашисты разоружили и расстреляли. Всего по Кировской военно-оперативной группе в различные отряды и в бригаду за время борьбы с оккупантами добровольно с оружием перешли 616 человек. Никто из них не был репрессирован в партизанах, если честно и стойко сражался с фашистскими захватчиками.

Одним из них был двадцатилетний Акимов Павел Федорович. Он родился в 1923 г. в семье железнодорожника на станции Ново-Сергеевская Сорочинского района. После окончания средней школы в 1940 г. пошел работать слесарем на завод. Комсомолец с 15 лет, по характеру был горячим, решительным, не всегда выдержанным. Среди друзей и това-

рищей по школе и работе пользовался доверием, усиленно занимался физкультурой, принимал активное участие в субботниках и воскресниках, ходил в походы. Были и конфликты с преподавателями в школе и с мастером на заводе, если он с юношеским максимализмом считал, что что-то делается не так, как ему казалось надо, делается более медленно. Был призван в Красную Армию в 1941 г. и закончил школу младших командиров. Вместе с десятками тысяч советских бойцов и командиров попал в плен к гитлеровцам летом 1942 г. в ходе тяжелейших боев. А дальше — лагеря военнопленных, постоянный голод, избиения, непосильный труд на захватчиков, расстрелы ослабевших или выразивших хоть какое-то недовольство. Как вырваться из этого ада — перед Павлом этот вопрос стоял постоянно. Бежать, к сожалению, не было возможности — их хорошо охраняли, проволока под электрическим током в несколько рядов, многочисленные вышки с пулеметчиками и прожекторами, постоянные обходы патрулей с собаками. Попытались бежать многие, только удавалось мало кому. А пойманных после зверских истязаний публично вешали перед бараками. После Сталинградской битвы фашисты активизировали попытки сколотить различные антисоветские националистические вооруженные формирования. В лагерях военнопленных стали регулярно появляться вербовщики из числа недобитых белогвардейцев, уцелевших националистов и просто изменников, занимавшихся спасением своей шкуры, которым обещали сытую жизнь в случае вступления в изменнические формирования. Часто гитлеровцы отбирали группы пленных и, ставя под пулеметы, предлагали быстро решать — или в создаваемые формирования, или немедленный расстрел. За спиной согласившихся раздавались пулеметные и автоматные очереди и крики умиравших товарищей. В одну из таких групп в апреле 1943 г. попал и Акимов. Очень не хотелось попусту умирать, а в душе теплилась надежда — получив оружие и хотя бы относительную свободу передвижения, перейти к партизанам и кровью искупить свою невольную измену в бою с гитлеровцами. Но он твердо решил — по советским людям не стрелять, тогда лучше смерть. Используя свою квалификацию и некоторые навыки немецкой речи, выученные еще со школы и горькой жизнью усовершенствованные в плену, служил в немецкой автомастерской, располагавшейся в д. Хавелановичи Могилевской области, сначала автослесарем, ремонтировал подбитую фашистскую технику, а затем шофером на грузовой автомашине. 12 октября 1943 г. Акимов П. Ф. добровольно с оружием (прихватил автомат, несколько дисков и гранат) перешел к партизанам и через две недели, после проверки в особом отделе, 25 октября был зачислен рядо-

вым в отряд 539. Воевал он хорошо, бил фашистов насмерть, проявил находчивость в операциях хотя и не был свободен от некрасящих его поступков — выпив самогона, из-за ревности допустил хулиганский поступок — подрался с другим партизаном или, когда зимой 1944 г. у него развалились выданные еще в автомастерской эрзац-сапоги, а надо было много и часто ходить на задания, то Акимов, будучи в деревне, забрал принадлежащую крестьянину обувь. По этим фактам против него было возбуждено особым отделом следствие. Это был не единичный случай. Всего к разным мерам наказания были осуждены командованием в бригаде 33 человека за различные проступки — мародерство, грубое обращение с населением, сон на посту и т. д. Без товарищеских отношений внутри отряда, а тем более нормальных отношений с местным населением партизаны не могли вести сколь-нибудь серьезную борьбу с врагом. Павел тяжело переживал свои срывы и просил дать возможность делом искупить их. В марте 1944 г., выполняя боевой приказ по добыче «языка» в д. Роговка в расположении гарнизона, он среди бела дня захватил в плен немецкого солдата и двух лошадей. Быстро связав гитлеровца и заткнув ему рот кляпом, погрузил на лошадей и быстро умчался к ближайшей партизанской заставе. Растерявшиеся гитлеровцы сразу не разобрались в в чем дело — не ожидали от партизан такой дерзости, и только позже вслед ему зазвучали выстрелы. Пленный солдат на допросе дал ценные сведения о силах и порядке охраны фашистами шоссейной дороги. В результате использования этих данных уже в апреле 1944 г. партизаны Кировской военно-оперативной группы уничтожили 22 автомашины с воинскими грузами, взорвали 2 моста через речки, что надолго вывело дорогу из строя, уничтожили до километра полевой телефонной линии. Учитывая эффект от захвата пленного в приказа 10 от 18 марта 1944 г. по 539 отряду указывалось: «За смелость и решительность, проявленную во время захвата «языка», партизану Акимову П. Ф. объявить благодарность» и разрешалось прекратить начатое следствие по его делу.

Однако через полтора месяца его бесшабашная натура, недооценка необходимого соблюдения постоянной бдительности в условиях боевых действий в тылу врага сыграли с ним снова злую шутку. Устав за день, Акимов заснул на посту по охране лагеря, и чистая случайность, что какая-нибудь фашистская разведгруппа или даже подразделение карателей не вышли в ту ночь с данной стороны к лагерю. Это было серьезным воинским проступком, граничившим с расстрелом. Он был утром арестован и посажен под охрану в землянку. Однако, учитывая его бое-

вые заслуги, искреннее раскаяние и молодость, командование дало ему задание поймать немца живьем, т. к. недавно с Запада прибыл в райцентр Киров батальон вермахта. Сразу вставал вопрос — зачем? Для подготовки и проведения новой карательной экспедиции, или для усиления охраны железных и шоссейных дорог, или для строительства какого-нибудь секретного объекта — аэродрома, большого склада боеприпасов или горючего? Нужны были также сведения о силах и планах фашистов для готовящегося крупного наступления Красной Армии в Белоруссии. Еще 17 декабря 1943 г. в приказе по Кировской военно-оперативной группе 83 секретарь подпольного райкома партии Г. Л. Комар и командир группы С. И. Свирид требовали от командования всех подчиненных им отрядов и их особых отделов: «Для получения достоверных сведений по разведке для выполнения боевых операций, при захвате пленных немцев не расстреливать, доставлять в штаб группы для подробного допроса».

Вместе с П. Ф. Акимовым за эту опаснейшую операцию взялся и партизан-разведчик из военно-оперативной группы А. Шрубов. Гитлеровцы в этот период ходили и ездили только группами, с оружием на изготовку, без предупреждения расстреливали на месте любого, кто показался им подозрительным, старались далеко и надолго не отлучаться из своих хорошо укрепленных гарнизонов. По данным партизанских связных, группы немцев на машинах выезжали в соседние деревни на «заготовку» продовольствия — под угрозой оружия отбирали у крестьян и кур, и последнего поросенка, и уводили корову, которая давала молоко детям, заставляли грузить награбленное зерно и картошку. Но как подобраться к врагам, даже если разведчики будут знать, где находятся гитлеровцы? Помог Акимову полугодовой опыт пребывания на службе у врага. Он и его товарищ переоделись в трофейные немецкие мундиры, вооружились шмайссером и, получив сигнал о прибытии группы гитлеровцев на автомашине в д. Негович из интересующего командования батальона, днем на велосипедах выехали на дорогу, недалеко от деревни ведущую в гарнизон, беспрепятственно подъехали к автомашине. Около нее солдат и офицер в резиновых наушниках настраивали рации, а остальные шарили по дворам. Так как Шрубов не знал немецкого языка, кроме 3—4 общих фраз, то Акимов предложил ему, как рядовому солдату, помалкивать и быть готовым огнем поддерживать его действия. Сам он, в форме фельдфебеля, изображая со спутником солдат из соседнего гарнизона, завязал разговор с одним из гитлеровцев, угостил его шнапсом из фляжки, и громко ругая чертовы русские дороги, проклятых лесных бандитов и местных крестьян, которые, конечно, все их пособники, предложил офицеру около

автомашины свои услуги как в реквизиции скота у «этих недочеловеков», так и помощь для плохо заводившейся машины. Но ему очень нужно было, чтобы все приехавшие помогли ему и подтолкнули машину на взгорок. Когда все фашисты собрались, и машина завелась, Павел мгновенно вскинул автомат и открыл огонь, его поддержал и Шрубов. В результате решительного налета один офицер был убит, два солдата рухнули тут же и еще офицер с солдатом были моментально обезоружены и, получив удар прикладом по голове, уже не могли оказывать активного сопротивления. Несколько прицельных очередей уничтожили и рацию. Так как деревня располагалась всего в нескольких километрах от гарнизона, то там услышали стрельбу, взвились красные ракеты, на дорогу выскочили мотоциклисты. «Была — не была», — решил Акимов и сел за руль машины. Они быстро погрузили пленных в нее и выехали на большой скорости. Мотоциклисты упорно гнались за ними, но партизаны хорошо были вооружены — полетели, взрываясь, гранаты, дружно ударили два автомата. Подбитую машину пришлось бросить у опушки леса. Пленным связали ремнями руки и бегом погнали в направлении партизанского лагеря. После этой успешной операции Акимов не был наказан за свой проступок и, учитывая ценность «языка», был даже рекомендован к награждению от имени командира, комиссара и начальника штаба отряда.

Пленный офицер оказался связистом, звали его Рудольф Август. До войны окончил физико-математический факультет, был призван в вермахт в 1940 г. В 1942—1943 гг. служил в Норвегии. Он оказался, хоть частично, посвящен в подготовку нацистами тайного сверхоружия, на которое они делали большую ставку в дальнейшем ведении войны.

В боевой характеристике Акимова П. Ф. указывается, что он правильно учел свои ошибки, был дисциплинированным, исполнительным, смелым бойцом, неоднократно участвовал в различных боевых операциях, дважды участвовал в захвате «языка» и за смелость представлен к правительственной награде командованием отряда. После освобождения Белоруссии советскими войсками летом 1944 г. он пошел дальше на Запад в рядах Красной Армии. Дальнейшая его судьба неизвестна — мог погибнуть на фронтах войны в числе 105 человек подутчетного элемента (в него входили все сотрудничавшие или служившие у гитлеровцев) как сообщало УИГБ Могилевской области в июне 1951 г., давая статистику по 3354 «антисоветским элементам», мог быть арестован и сгинуть в сибирских лагерях с отправленными в июле МГБ 326 человеками. Возможно, что достойно довоевал до полной капитуляции гитлеровской Германии и, уехав к себе на родину, честно трудился на заводе или в

колхозе, всей молодой силой поднимая из военной разрухи страну и только позже вышел на заслуженный отдых.

Вторым партизаном, с которым в землянке познакомился майор, был уполномоченный особого отдела по 539 отряду Ульян Васильевич Барковский, невысокого роста, плотный, 43 лет, большой любитель народных песен и прибауток, очень контактный человек, вокруг которого, как правило, было оживленно и весело. Партизаны любили своего никогда не унывающего «особиста», который и в бою, и в походе, и на отдыхе был всегда с ними и меткой шуткой, сообщением, обязательно с комментариями, последних известий о положении на фронтах или успешных операциях народных мстителей. И мало кто замечал, что он внимательно и детально присматривался к разноликой массе партизан, быстро и верно сопоставлял различные факты и составлял психологический портрет интересующего его человека, где главным было убедительность и искренность поступков. А присматриваться и проверять было кого — личный состав отряда в 1944 г. насчитывал 190 человек, из них бывших полицейских, участников антисоветских вооруженных формирований, тех, у кого в биографии военной поры были темные пятна — 24 человека. И нельзя было ошибиться, без достаточных оснований осудить невинного или не распознать фашистского агента, который мог один подвести весь отряд под уничтожение карателями. Барковский отлично понимал, что в одиночку он мало что может сделать, что его верная опора — большинство партизан, ибо можно что-то утаить от глаз одного человека, но как и что утаишь от всех тебя окружающих? Наряду с разовыми добровольными помощниками, которые сообщали ему все, что показалось им подозрительным, у Барковского были и 9 постоянных сотрудников. Они подбирались из числа старых по стажу, огнем многочисленных боев, диверсий и прорывов блокад проверенных партизан, как правило, из числа политически грамотных, а также старшин и командиров взводов, диверсионных и разведывательных групп. Особое внимание уделялось тому, чтобы постоянные сотрудники могли легко и незаметно вращаться среди личного состава. Все сотрудники не менее 2—3 раз в месяц проходили инструктаж у уполномоченного особого отдела, что позволяло и обучать их, и ориентировать в быстро меняющейся обстановке. Прибавляло работы и то, что нужно было вести контрразведывательное обеспечение и населения ряда деревень, находящихся в партизанской зоне. Здесь тоже была опора на сообщения патриотов и их тщательную перепроверку, и, если необходимо, оперативную разработку подозрительного человека и его связей.

Деятельность особого отдела 539 отряда и в целом в военно-оперативной группе была успешной. Среди бойцов отряда было своевременно выявлено Барковским и его сотрудниками 5 шпионов и террористов, а в селах вокруг дислокации отряда — еще 7. В целом по Кировской военно-оперативной группе с июня 1943 по июнь 1944 г. было разоблачено среди партизан 46 засланных агентов врага, а в населенных пунктах еще 49. Фашистская разведка ставила перед своей агентурой следующие задачи: террор против командно-политического состава партизан путем организации тайных убийств или отравлений, разведка мест дислокации партизанских сил, установление источников добычи оружия и боеприпасов народными мстителями, выявление для последующего ареста во время выполнения заданий партизанских связных и разведчиков, разложение отрядов путем провокационного создания недовольства и обострения отношений между партизанами и местным населением, особенно на почве заготовок продовольствия, одежды, обуви.

Гитлеровцы бросили на борьбу с партизанами, подпольщиками, спецгруппами советской военной разведки и чекистскими спецотрядами значительное количество разведывательных, контрразведывательных и иных карательных органов. Так, Абвер (военная разведка и контрразведка вермахта) располагал в Белоруссии в годы войны 4 разведывательными абвергруппами, 3 диверсионно-террористическими, 9 контрразведывательными. На территории республики, относящейся к области охраны фашистской группы армий «Центр», действовали 8 групп тайной полевой полиции с 20 периферийными командами. На входившей в состав так называемого Генерального округа «Белоруссия» территории находились подразделения полиции безопасности и СД. Они имели 44 опорных пункта. Ряд органов спецслужб гитлеровцы переводили в Белоруссию из районов, освобожденных Красной Армией, что вело к дальнейшему увеличению их численности и количества. Так, осенью 1943 г. в Минск было передислоцировано Смоленское СД, в Брест направлена абвергруппа-315. Только численность полиции безопасности и СД выросла с 1250 человек в апреле 1943 г. до 9500 в июне 1944 г. Эти спецслужбы в целом располагали несколькими тысячами обученной и проверенной агентуры.

Гитлеровцы действовали коварно, часто прибегая к провокациям. Одной из их очень опасных затей была организация лжепартизанских отрядов с целью грабежа и убийств местного населения для создания антипартизанских настроений, а также захвата в плен или тайного убийства отдельных партизан, диверсионных групп, связных, вербовки агентуры. Так в сентябре 1943 г. в Могилевской области спецслужбы врага

организовали 3 таких «партизанских» отряда, но партизанская контрразведка вовремя получила сведения о них и уже в октябре эти «отряды» были разоблачены и в боях частично уничтожены партизанскими формированиями.

Особый отдел Кировской военно-оперативной группы хорошо понимал, что после захвата партизанами очень важного пленного, располагающего ценной информацией стратегического характера, фашистские спецслужбы постараются через свою агентуру выяснить его судьбу, и, если представится хоть малейшая возможность, ликвидировать пленного до отправки его за линию фронта для дачи подробных показаний. Барковский привел в полную готовность своих людей и в отряде, и в окружающих лагерь деревнях. Повышена была бдительность и во всех других партизанских отрядах, т. к. противник не знал, разведчики какого конкретно отряда захватили Рудольфа Августа. Малейшие подозрительные факты или поступки любого партизана или жителя в окрестном селе немедленно брались на учет и тщательно и быстро проверялись, чтобы точно выяснить — стечение ли это неблагоприятных обстоятельств, излишняя подозрительность, а то и личная антипатия к кому-то или действительно вражеские происки. Ждать оказалось недолго, время заставляло захватчиков действовать быстро, активизируя и единичную уцелевшую агентуру, и направляя новую.

В деревне Грибовец Кировского района среди местного населения фашисты ранее завербовали в шпионы некоего В. Д. Он действовал уже несколько месяцев, навязывался в друзья к рядовым партизанам и командирам взводов и рот, усердно угощал их самогонкой и, ловко ведя разговор, получал необходимые сведения, передавал их в тайную полевую полицию. Но его повышенное внимание к захваченным пленным оказалось для него роковым. Разведчики партизан разоблачили его и он получил по заслугам.

В 100-м партизанском отряде был разоблачен крупный фашистский контрразведчик Г. Он около двух лет работал агентом Абвера в Бобруйске в антисоветском националистическом вооруженном формировании. Позже гитлеровцами был переброшен в партизаны, как они часто делали, путем внедрения в группу из 10—15 человек из полиции или изменнических формирований, которые хотели уйти к народным мстителям. Узнав об этом, фашисты делали так, чтобы не арестовывать их, а вливали в эту группу своего агента (или агентов) с целью узнать способы ухода в партизаны и, в дальнейшем, их разрушить, а также с целью создания авторитета агентуре не возражали, если те берут инициативу перехода на

себя и даже допускали вынос оружия и боеприпасов, зная их острую нехватку у партизан. В отряде, после перехода, шпионы пытаются войти в доверие к командному составу, клеветают на действительных инициаторов перехода к партизанам, добиваясь их ареста с целью запугивания еще не перешедших, стараются вести разведывательную работу. Г. выявили при помощи фашистской шпионки М. Г., находившейся в отряде с апреля 1944 г., которая очень хотела сохранить себе жизнь и хотя бы частично искупить вину перед Родиной. При допросе Г. выдал 27 агентов в Бобруйске — часть из них была уничтожена подпольщиками, а другие арестованы и предстали перед судом после прихода Красной Армии. Создать разведывательную сеть в тылу наступающих советских войск при помощи заранее подготовленной и прошедшей практику «тайной войны» с партизанами и подпольщиками агентуры гитлеровцам и в данном случае не удалось.

Была и попытка прямой засылки фашистской агентуры с использованием родственных связей партизан. Агент контрразведки Е. Т. был заранее подготовлен для работы против партизан, для вида арестован, а с ним вместе была арестована и сестра партизана Е. П. Фашисты обвинили их в связях с партизанами, за что полагалось неминуемая и мучительная смерть. Гитлеровский агент разыграл влюбленного в сестру партизана и, когда оккупанты создали им для побега благоприятные условия, бежал вместе о ней в партизанский полк, где был ее брат. Шпион, несмотря на ловкую маскировку, был быстро разоблачен особым отделом, так как в немецкой контрразведке действовал партизанский разведчик, который предупредил об этой операции.

Кем же был Ульянов Васильевич Барковский, талантливый партизанский контрразведчик, сорвавший вместе с другими сотрудниками особого отдела все происки гитлеровских спецслужб? Он родился в 1901 г. в деревне Курганы Кировского района Могилевской области в семье крестьян-бедняков. С детства познал тяжелый подневольный труд на помещика. В 1917 г. с радостью и надеждой слушал речи большевиков, призывающих к миру, к власти Советов, к тому, чтобы фабриками и рудниками управляли сами рабочие, а землю раздать поровну только тем, кто ее обрабатывает. В июле 1920 г. добровольцем вступил в Красную Армию, чтобы защищать Советскую власть от белогвардейцев и иностранных интервентов, ту власть, которая дала его семье землю и возможность работать на себя. Из армии он демобилизовался только через 3 года, когда враги были разбиты. Советской республике были очень нужны честные и преданные люди. Его в 1924 г. направили на работу в органы

милиции, сначала был участковым инспектором и хорошо изучил не по лозунгам, а по жизни заботы трудового народа, различные непростые ситуации, в которые не так уж редко попадал рядовой советский человек. В начале 1930-х гг. был выдвинут уполномоченным секретной части уголовного розыска, т. е. на передний край борьбы с разного рода уголовными элементами — от воров до убийц, участвовал в раскрытии десятков преступлений. Главным для него было, чтобы все делалось по справедливости, закону и совести, чтобы многоликое зло не могло победить правду и доброту в человеке. И когда увидел начало массовых неоправданных репрессий против невинных людей, умышленную фабрикацию дел, то в 1935 г. уволился из милиции «по состоянию здоровья» и до июня 1941 г. работал на должности начальника охраны заготзерно в Бобруйске, не желая принимать участие в несправедливых делах. Начало войны застало его больным, эвакуироваться не успел. До декабря 1941 г. нигде не работал, а скрывался у тестя в д. Роги Кировского района, т. к. арестовывали всех советских активистов, тем более сотрудников НКВД даже в прошлом. Но честный человек, патриот, не может долго находиться вне борьбы народа с оккупантами. В декабре 1941 г. перебрался в г. Бобруйск и связался с подпольщиком Петром Вашукаевым, который имел связь с командиром партизанского отряда Яковенко. Они получали от него листовки со сводками Совинформбюро о положении на фронтах и с призывами вредить любыми средствами гитлеровцам и помогать Красной Армии, для распространения среди населения города. Они также отбирали людей для отправки в партизанский отряд. Здесь надо было быстро и правильно оценивать любого человека — первая ошибка могла стать и последней. Барковский переправил в партизаны летчика со сбитого самолета, бежавшего из плена танкиста, агронома-комсомольца из бывшего колхоза. Сумел добыть, собирая на местах боев, 1500 патронов, которые передал в марте 1942 г. партизанам. В мае 1942 г. ушел в партизаны, чтобы в бою бить ненавистного врага и его пособников. В апреле 1943 г., как активного партизана, его принимают в члены ВКП(б).

В связи с необходимостью усиления разведки в интересах наступающей Красной Армии и создания органов противодействия возрастающей подрывной деятельности фашистских спецслужб в партизанских бригадах и отрядах стали создаваться особые отделы или аппарат заместителей командира по разведке и контрразведке. Если в феврале 1943 г. такие подразделения были лишь в 72 бригадах и отрядах, то к июлю 1943 г. — уже в 300, а к лету 1944 г. — 1200. Подготовленных за фронтом кадров явно не хватало — они обеспечили всего лишь 22 %

командного состава в разведке и контрразведке в Белоруссии. Тогда подпольные обкомы и райкомы партии, командование партизанских сил получили директиву ЦК КП(б)Б и БШПД: «Работников разведки подбирайте на месте. С этой целью используйте лучших командиров, желательно бывших работников НКВД, командиров-пограничников, обязательно членов или кандидатов партии, лучших комсомольцев». Всего были получены данные о 1858 человеках в партизанах, имеющих необходимые знания и опыт. Наиболее достойных с их добровольного согласия назначали на работу в разведку и контрразведку партизанских формирований: из 1195 руководителей — 564 были из числа учтенных работников. Среди них был и У. Е. Барковский, утвержденный 10 июня 1943 г. Кировским подпольным райкомом партии уполномоченным особого отдела по 539 отряду. Вот когда в полной мере пригодился его немалый жизненный опыт, работа в милиции, знание военного дела и деятельность в Бобруйском подполье. Среди его многих задач был и допрос пленных немцев. Первый из захваченных Акимовым был офицер Рудольф Август — лет 30, беспартийный, имевший высшее образование. Он понимал, что спасти свою жизнь может только рассказав все, что ему известно о новом, создававшемся немецкими учеными в глубокой тайне оружии. Август хотя и недавно прибыл в Белоруссию, навидался и слышал о сожженных деревнях, полуразрушенных городах, повешенных мужчинах, женщинах, даже детях, о яростной и беспощадной борьбе оккупантов против абсолютного большинства местного населения. Ему было ясно, что Германия войну проиграла, что если нацисты получают атомное оружие, то погибнут дополнительно десятки миллионов людей, том числе и многие миллионы немцев. Да и у партизан лагерей для пленных не было — оккупанты после допросов получали сполна за свои преступления — пулю. И в тиши партизанской землянки зазвучали малопонятные слова пленного гитлеровца о страшном оружии — «урановый проект», «урановый котел» (реактор), «тяжелая вода». Указывалось, что одно из мест, где пытались получить необходимые для него компоненты — Норвегия. Рудольф Август после окончания физического факультета Берлинского университета в середине 1930-х гг. работал в лабораториях гигантской немецкой монополии «ИГ-Фарбениндустри». С началом войны был призван в вермахт, в войска связи и в 1943 г. как хороший специалист, не интересующийся политикой и старательно повторяющий все догмы нацистского рейха, не имеющий никаких, с точки зрения гестапо, предосудительных связей с противниками фашизма, был направлен в радиоцентр, расположенный около города Рюкана в Норвегии.

Он обслуживал находящийся недалеко, в Велюрке, единственный в мире завод по промышленному производству «тяжелой воды» и мощную гидроэлектростанцию. Эта «вода», по расчетам немецких ученых-атомщиков, могла служить замедлителем нейтронов и теплоносителем в работающем ядерном реакторе, а также, как сейчас широко известно, использоваться и для производства плутония — важнейшего компонента ядерного оружия. На допросе Р. Август показал, что «тяжелая вода» крайне необходима для получения «ядерной взрывчатки». Из-за ошибки в теоретических расчетах немецкие ученые считали невозможным использовать в качестве замедлителя графит.

Чтобы было более понятно все значение показаний Р. Августа, следует хотя бы вкратце сказать о зарождении и развитии немецкого «уранового проекта» — проекта создания атомной бомбы.

Первыми, кто начал на государственном уровне работать над ядерным оружием, были немцы. Весной 1939 г., еще до начала второй мировой войны, профессор Гамбургского университета П. Гартек, основываясь на последних достижениях атомной физики, написал письмо в военное министерство Германии, где обосновывал возможность использования ядерного взрывчатого вещества в военных целях. Через несколько месяцев в Германии открывается «Урановое общество», куда вошли целый ряд известных немецких физиков. Программа ядерных исследований была утверждена правительством и имела поддержку военного руководства.

Работы ускорились и приобрели значительный масштаб после развязывания нацистским руководством Германии второй мировой войны. Уже на 6-й день после нападения на Польшу (1 сентября 1939 г.) была образована секретная группа, которой гитлеровское командование поручило создать атомную бомбу. В нее входили, наряду с другими, крупные ученые-физики фон Вайцзеккер и Багге. Исследования продвигались достаточно успешно, хотя в то время Германии не хватало «тяжелой воды» и урана.

Эти трудности были преодолены путем захвата вермахтом Бельгии в 1940 г., где в руках немецких ученых оказалось более тысячи тонн уранового концентрата, что соответствовало примерно половине всех мировых запасов. В том же 1940 г. Германия захватила Норвегию, где находился единственный в мире завод по производству в промышленных масштабах «тяжелой воды». Имея уран и «тяжелую воду», под руководством крупнейшего немецкого физика Гейзенберга фирма «Ацеэргезелтшат» построила исследовательский реактор, эксперименты на котором показали возможность цепной реакции. В 1940 г. Вайцзеккер с помощью расчетов установил, что в реакторе из тяжелого изотопа урана

получится новый элемент — плутоний, более подходящий в качестве начинки для бомбы, чем уран-235. Таким образом, Германия опередила все страны в разработке ядерного оружия на первом этапе [1]. Начало войны против СССР и первые успехи гитлеровцев на Восточном фронте летом 1941 г. лишь подстегнули развитие исследований.

Как впоследствии вспоминал один из руководителей этого «проекта» Гейзенберг, «...в сентябре 1941 г. мы увидели открывшийся перед нами путь, он вел нас к атомной бомбе» [2].

Они не только видели этот путь, но и активно по нему шли. Немецкие ученые на три года раньше американцев и англичан завершили теоретические обоснования основных вопросов в области атомной энергии. Об их работах знало высшее фашистское руководство и оказывало необходимую помощь. Об этом свидетельствует запись министра вооружений, нацистского преступника Альберта Шпеера 23 июня 1942 г. в докладе Гитлеру: «Коротко доложил фюреру о совещании по поводу расщепления атомов и об оказанном содействии» [3].

До середины 1942 г. не было никакого расхождения в темпах и успехах работ американских и немецких физиков-атомщиков. Отставание Германии в гонке за атомным оружием наметилось лишь в 1942 г. Падение темпов и масштабов работ было связано, по оценке немецких ученых, с тем, что действовавшие в то время приказы фюрера полностью исключали любые возможности сосредоточить на производстве атомной бомбы необходимые гигантские ресурсы.

По имеющимся данным, американцы потратили на создание атомной бомбы от 2 до 5 млрд. долларов и задействовали до 150 тыс. высококвалифицированных инженеров, рабочих, ученых, в том числе в центральной лаборатории в Лос-Аламосе — до 45 тыс. человек сотрудников лаборатории и обслуживающего персонала. За короткий срок они построили два засекреченных города, Ок-Ридж с 80 тыс. рабочих и служащих и Хекфорд с 60 тыс. жителей для производства атомного оружия [4].

В Берлине ставку делали на блицкриг («молниеносную войну») и были полностью уверены в разгроме СССР, если не в 1941, то в 1942 г. Наряду с этим выделить такие колоссальные денежные, материальные и людские ресурсы да еще на протяжении ряда лет, воюющий фашистский рейх просто не мог. Кроме того, было принято решение сконцентрировать основные средства на разработку ракетной техники — создании ФАУ-1 (самолетов-снарядов) и ФАУ-2 (ракет) с тротиловой взрывчаткой, как могущие дать быстрые результаты. Гитлер разрешил финансировать только те научные проекты, которые обещали немедленную отдачу. Оп-

ределяющую роль играли сроки возможного изготовления немцами атомной бомбы.

Министр вооружений Третьего рейха А. Шпеер вспоминал: «Осенью 1942 г. (а это было время Сталинградской битвы, где вермахт потерял убитыми, ранеными и пленными 1,5 млн. человек и где он утерял стратегическую инициативу), я еще раз спросил физиков-ядерщиков о возможных сроках создания атомной бомбы и, узнав, что потребуется 3–4 года, приказал прекратить все работы в этом направлении. Ведь тогда война или уже закончится, или ее исход будет уже окончательно предreshен. Зато я разрешил проводить разработку уранового реактора для выделения энергии определенного типа. Ее следовало использовать на оборудовании, предназначенном для военно-морских кораблей». Атомный проект тем самым отошел на дальний план [5].

Восточный фронт в результате героической борьбы Красной Армии вытягивал из фашистского рейха почти все материальные и людские ресурсы. Но все это отнюдь не значило, что все работы по созданию атомной бомбы в Германии прекратились. Слишком заманчива была перспектива — повернуть вспять неудачно складывающийся ход войны и получить господство над миром. Пусть без прежнего размаха, с меньшими силами и средствами, но исследования шли в лабораториях при министерстве вооружений, при командовании военно-воздушных сил, в ряде ведущих научных учреждений, даже при министерстве почт, а самое главное — ими заинтересовался Черный орден СС, получив данные от своей внешнеполитической разведки о работе американцев над атомной бомбой. Несмотря на распыление научных и технических сил и средств, работы над созданием атомной бомбы продолжались.

В 1943 г. в ряде важнейших опытов немцами были получены результаты, аналогичные полученным американцами в августе того же года — оптимальные размеры тяжеловодного уранового реактора, необходимое количество «тяжелой воды», количество металлического урана. А в начале 1944 г., чуть позже американцев, немецкие физики разработали такие же, как в Америке, методы расчетов реактора.

В конце января 1945 г. в Берлине все было готово к опыту по получению в реакторе критических условий и началу его работы. И только угрожающе быстрое для фашистов продвижение Красной Армии на запад сорвало этот замысел. Об упорстве, проявленном гитлеровцами в этом направлении, свидетельствует срочная эвакуация из Берлина основных компонентов реактора и группы ведущих физиков, которые 28 февраля 1945 г. сумели в пещере в Хайгерлохе вплотную подойти к атом-

ном котле к цепной реакции. Вполне можно согласиться с выводом, что, оказись у немецких физиков достаточно времени, они изыскали бы технические возможности и наверняка бы создали атомную бомбу. А. Шпеер пишет по этому поводу в своих мемуарах: «Не исключено, однако, что к 1945 г. нам все же удалось бы изготовить определенное количество атомных бомб. Но тогда мы должны были бы своевременно направить на осуществление Уранового проекта все технические и финансовые средства, а также научные кадры и, значит, отказаться от любых разработок ракет с дальним радиусом действия. С этой точки зрения создание ракетного центра в Пенемюнде было величайшей ошибкой». В том, что высшее советское руководство допускало возможность создания Германией атомного оружия в последние недели войны свидетельствует высказывание В. М. Молотова — министра иностранных дел и члена Государственного Комитета обороны — о том, что Гитлер надеялся на чудо, и это чудо могло стать реальностью, ибо на 4 апреля 1945 г. планировалось первое испытание немецкого ядерного оружия. Крупнейший советский ученый и изобретатель академик А. М. Люлька, генеральный конструктор авиационных двигателей, посетивший Германию после капитуляции в 1945 г. с целью ознакомления с передовыми достижениями немецкой науки, рассказывал В. М. Молотову: «Мы увидели там, в лабораториях, такую страшную науку, что просто наше счастье, что Германию победили весной 1945 г., а не позже». В том, что была реальная возможность создания ядерной бомбы к концу войны видно из записанного британской контрразведкой разговора пленных немецких ученых-физиков, которые прямо заявили, что если бы к созданию бомбы привлекли 120 тыс. человек, как они на этом настаивали, то бомбу можно было бы сделать раньше американцев (первое испытание атомной бомбы в США — июль 1945 г., использование — 6 августа — Хиросима, 9 августа — Нагасаки) [6]. Этой возможности, этого времени не дали наступающие советские войска и армии союзников, которые полностью разгромили вермахт и ценой тяжелых потерь и упорных боев сорвали планы нацистов по овладению ядерным оружием.

Следует, видимо, отметить, что гитлеровское руководство хотя в первую очередь и стремилось заполучить атомную бомбу, но рассматривало и другие возможности использования действующего уранового реактора. Немецкое военно-морское командование еще летом 1942 г. вело разговор о ядерных реакторах для подводных лодок, что позволило бы повысить радиус действий лодок типа «V» до 26 тысяч миль. С этой целью было проведено совместное совещание с физиками. А в октябре того же года, в

разгар Сталинградской битвы, руководство ракетного полигона в Пенемюнде заключило с одной из ядерных лабораторий контракт на «изучение возможностей использования атомного распада и цепных реакций для приведения в действие ракет. С 1943 г. в Германии велись углубленные исследования по изучению биологического воздействия корпускулярного излучения, включая нейтронное, с точки зрения его использования в качестве новейшего оружия, т. е. нейтронной бомбы.

Но в мае 1944 г. до Победы был еще целый год войны, и никто точно не мог сказать, на каком именно этапе находятся разработки фашистами уранового проекта. Поэтому так ценна была любая, даже приблизительная, информация о работах в этом направлении в Германии. Р. Август сообщил о слышанных им в среде военных специалистов разговорах о «бомбе нового типа», столь большой, что в бомбардировщик можно погрузить только одну такую бомбу. Двенадцати подобных бомб, созданных на принципах ядерной физики, якобы достаточно для разрушения города с миллионным населением. Рассказал он и о том, что вермахт еще в 1940 г., захватив Бельгию, конфисковал и перевез в Германию около 1200 тонн урановой руды и что главная задача сейчас — получение необходимого количества «тяжелой воды» для постройки и успешной эксплуатации «уранового котла». Сообщил он и некоторые имена немецких физиков, имевших отношение к созданию ядерного оружия — Гейзенберг, Герлах, Шуман, Эзау, Хартек, Вайцеккер. Они часто упоминались в получаемых в радиоцентре шифрованных радиogramмах, а некоторые в 1942–1943 гг. бывали на заводе «тяжелой воды» в Норвегии. По его данным, работали эти физики в секретных лабораториях в самой Германии, и велось где-то строительство завода по переработке урановых руд в металл, необходимый для работы реактора. Действительно, такой завод начали строить еще в 1942 г. в Грюнау (Германия), и он сумел выработать к 15 апреля 1945 г. 1500 кг металлического урана в виде кубиков и пластин.

Сообщил пленный и о героических операциях норвежских патриотов и английских диверсантов по срыву производства «тяжелой воды». В феврале 1943 г. они незаметно пробрались ночью на завод и подорвали 18 бочонков — пропало почти полтонны «тяжелой воды», и на несколько месяцев были сорваны работы фашистов. В ноябре 1943 г., когда поступили от норвежского Сопротивления в Лондон сведения о возобновлении работы завода «тяжелой воды», был предпринят воздушный налет нескольких групп «летающих крепостей» — они сбросили на Велюрк более 700 бомб, а на Рьукан — более 100.

Была разрушена электростанция, питающая энергией завод. В результате опять было прекращено производство «тяжелой воды». Гитлеровцы решили полностью демонтировать завод в Велюрке и вывезти его в Германию, где построить хорошо укрытый новый завод. Однако в Норвегии осталось значительное количество уже выработанной «тяжелой воды», вывоз которой в Германию мог привести к серьезным последствиям для ускорения работ по атомному проекту. Гитлеровцы сделали все для обеспечения безопасности транспорта «тяжелой воды». В Рjukan выслали специальную команду из 7-го полицейского полка СС, а Гиммлер лично приказал эскадрилье из 7-й специальной воздушной группы перебазироваться на аэродром неподалеку от завода «тяжелой воды». Со стороны вермахта в Рjukan было направлено крупное подразделение специально для охраны этого транспорта. Однако норвежские подпольщики сумели заминировать паром, где перевозилась «тяжелая вода», и уничтожили 14 тонн этой воды различной концентрации. О значении этой диверсии ясно оказал один из немецких физиков-атомщиков Курт Дибнер: «...В последних экспериментах, проведенных в начале 1945 г., мы фактически располагали 2,5 т «тяжелой воды». Наша неудача в попытках запустить атомный реактор еще до конца войны объясняется главным образом прекращением производства «тяжелой воды» в Норвегии». [7]

Однако, в интересах исторической правды, надо отметить, что часть «тяжелой воды», пусть и небольшая, уцелела и была вывезена в Германию. Но она не годилась для использования вследствие малой концентрации и загрязнения. Эти запасы «тяжелой воды» переправили в Силезию, где предприятия немецкой монополии «ИГ-Фербениндустри» собирались переработать их в чистую «тяжелую воду». Однако развитие наступления советских войск летом 1944 г. сорвало эти планы и в очередной раз замедлило атомные исследования гитлеровцев.

Особый интерес представляло сообщение Р. Августа об одном разговоре во время его нахождения в Германии в начале 1944 г. с коллегой по работе в лаборатории, принимавшем участие в секретных опытах по созданию еще одного, принципиально нового вида оружия, основанного на «энергии водорода», которое могло привести к расщеплению самой материи и вызвать невиданную катастрофу. Это была, как мы теперь знаем, группа специалистов по взрывчатым веществам во главе с физиком Дибнером, которая пыталась методом воздействия мощного взрыва обычной бомбы получить термоядерную реакцию. И хотя эти опыты закончились неудачей в силу еще недостаточных знаний и слабой материаль-

но-технической базы, само направление исследований было примечательным — создание водородной бомбы. По словам знакомого Р.Августа, который возлагал на эти опыты большие надежды, обладание таким все-разрушающим оружием позволит Германии если не выиграть войну, то хотя бы заключить с противником «почетный мир» [8].

О том, что эти данные не были выдумкой, свидетельствуют захваченный американской разведывательной группой по вопросам создания нацистами атомного оружия — «Миссией Алсос» — отчет об этих опытах и краткое описание исследований, данное Дибнером незадолго до его смерти уже в 1950-е гг.

Данные Р. Августа подтверждали имеющуюся в БШПД информацию от разведывательной службы партизан Минской области о том, что фашисты собираются в будущем применить ракеты со взрывчаткой на основе «расщепления атомов» с дальностью действия до 300 км и силой взрыва, уничтожающего все в окружности 4 км. Эти сведения передал добровольно перешедший в партизанскую бригаду им. Фрунзе 24 ноября 1943 г. военнослужащий вермахта Рудольф Муцак. Он служил с февраля 1943 г. в особо засекреченном испытательном центре Пенемюнде в 155-м зенитном полку, который предназначался для обслуживания боевого пуска крылатых ракет и ракет по Англии. Рудольф Муцак сообщил основные тактико-технические данные ракетного оружия: дальность полета, вес, сведения о двигателе и пусковых устройствах, которые были немедленно переданы в Минский подпольный обком партии начальником особого отдела бригады В. И. Гуриновичем. Эти сведения нашли отражение в разведывательной сводке БШПД в декабре 1943 г., разосланной командованию Красной Армии, НКГБ и военной разведке Генштаба, политическому руководству страны. Эта стратегическая информация поступила от белорусских партизан несколько раньше, чем ее добыла английская разведка, т. е. за семь месяцев до запуска фашистами первой крылатой ракеты (ФАУ-1) по Лондону и за 10 месяцев до первой ракеты ФАУ-2. 9 января 1944 г. Рудольф Муцак был отправлен на самолете в Москву [9].

О реальности сообщенных Рудольфом Муцаком сведений о ведущихся работах по созданию атомной боеголовки для ракет и примерном масштабе разрушений свидетельствует ряд фактов. Во-первых, 5 августа 1944 г. в беседе с румынским диктатором Антонеску Гитлер, указывая на 4 новых вида оружия, разрабатываемых в Германии, сказал о ФАУ-1 и ФАУ-2 и сразу добавил о таком оружии, которое обладает столь огромной мощностью, что один удар им уничтожит все живое в радиусе 3—4 км.

Он говорил о самых последних работах над «новым взрывчатим веществом, разработка которого уже доведена до стадии экспериментов», т. е. говорил об атомной бомбе и о возможности ее применения на ФАУ.

Во-вторых, в информации, полученной английской разведкой от агентуры и бойцов Сопротивления были данные о создании немцами ракеты весом в 40 тонн и дальностью 300—500 км с атомной боеголовкой с указанием некоторых мест ее разработки.

В-третьих, по сведениям, ставшим известными лишь годы после окончания войны, в Пенемюнде действительно работала группа физиков-атомщиков, которая решала конкретные технические условия для компановки, сборки и установки на ФАУ атомной боеголовки. Если бы гитлеровцы успели запустить «урановый котел» (реактор) и получить через несколько месяцев первые килограммы обогащенного урана или плутония, то были бы в готовности не только носители «атомной взрывчатки», но и хорошо проработанные условия для ее установки на ракеты [10].

В этом контексте представляют определенный интерес сведения о подготовке гитлеровцами в 1944 г. ракетной войны против СССР, в первую очередь для бомбардировки о помощью самолета «He-111», который мог вооружаться ФАУ-1, промышленных городов Советского Союза, расположенных в глубоком тылу. По замыслу эсэсовцев, самолет-носитель при приближении к объекту удара должен был запустить ФАУ-1, пилотируемую летчиком-смертником, который бы наводил крылатую ракету на объект. Группенфюрер СС Шеленберг в своих мемуарах писал: «Бомбардировке должны были подвергнуться индустриальные комплексы Куйбышева, Челябинска, Магнитогорска, а также районы, расположенные за Уралом». Для исполнения этого замысла СС были предприняты конкретные меры. Фашистский преступник и диверсант Отто Скорцени уже отдал приказ набрать 250 летчиков-смертников для пилотируемых ФАУ-1 с целью поразить и парализовать наиболее чувствительные центры нашей промышленности и снабжения. Под угрозой оказался и Ленинград.

Лишь мощное и стремительное наступление советских войск в 1944 г. в Прибалтике и в Белоруссии сорвало эти зловещие планы и приготовления [11].

Знала ли советская разведка о ведущихся в Германии исследованиях по проблемам создания атомного оружия? Да, кое-что знала и информировала высшее военно-политическое руководство страны.

В период битвы за Москву осенью—зимой 1941 г. было получено донесение с фронта о том, что у взятого в плен гитлеровца были обнаружены записки с формулами и расчетами по тяжелой воде и урану-235.

Значит, в Германии идут работы по созданию атомной бомбы. Не дай бог, это им удастся!

С расширением немецких работ по созданию ядерного оружия в 1942 г. соответственно увеличилось и количество разведывательных данных, поступающих в Москву. 14 марта 1942 г. пришло очень настораживающее сообщение нашего разведчика под псевдонимом «Вадим»: «Совершенно секретно. Срочно. По имеющимся у нас достоверным данным, в Германии, в институте им. кайзера Вильгельма под руководством Отто Гана, Гейзенберга и фон Вайцзеккера разрабатывается сверхсекретное ядерное оружие. По утверждению высокопоставленных генералов вермахта, оно должно гарантировать рейху победу в войне. Исходным материалом для ядерных исследований используется так называемая «тяжелая вода». Технологический процесс ее изготовления налажен в норвежском городе Рjukanе на заводе «Норск Хайдо». В настоящее время решается задача увеличить мощность «Норск Хайдо» и довести поставки тяжелой воды в Германию до 10000 фунтов в год (4,5 т)».

Весной 1942 г. в руки армейской разведки попала записная книжка из сумки убитого немецкого офицера. По счастливой случайности ее не пустили на курево, а передали в штаб, оттуда — в Москву. В записной книжке были расчеты, которые указывали на работы немцев по делению урана. В том же году поступила радиограмма от руководителя советской разведки в Швейцарии Ш. Радо по поводу германских ядерных исследований. Имелась и другая информация о ведущихся атомных исследованиях нацистов [12].

Так что данные, срочно переданные в Москву после допроса Р. Августа, хотя и не были решающими, но представляли закономерное и важное звено в цепи фактов о направлениях и уровне ядерных исследований Германии, во многом подтверждали и дополняли их.

Как он вообще оказался в Белоруссии? После успешных диверсий норвежских патриотов, гитлеровцы, непосредственно отвечавшие за охрану транспорта «тяжелой воды», были репрессированы, а рядовой состав и обслуживающий персонал в качестве наказания намечалось отправить на Восточный фронт. Однако у гестаповцев хватило ума не посылать солдат и офицеров, хоть что-то знающих об атомных делах фашистов, непосредственно на линию фронта, где кто-то из них вполне мог попасть в плен. Их направили служить в оккупационные войска.

Сведения, полученные в особом отделе во время допросов от Р. Августа, были переданы по радиции радисткой Ермашевич, брошенной из советского тыла в июле 1943 г. специально для связи БШПД с 9-й

Кировской партизанской бригадой. Через несколько дней пришла радиogramма, чтобы партизаны готовились к приему самолета для вывоза ценного пленного в Генеральный штаб Красной Армии. Во избежание любых возможных неожиданностей сообщался пароль и отзыв для встречи посылаемой специальной группы охраны. Ведь гитлеровцы могли пойти на любую провокацию, не пожалеть целой дивизии, чтобы окружить и уничтожить партизан, завладевших тайной, направить дополнительные группы шпионов и террористов для ликвидации Р. Августа, пойти на воздушную блокировку истребителями партизанской зоны, чтобы не допустить его вывоза за линию фронта. В этих условиях оперативность, обеспечиваемая радио и авиасвязью, приобрела жизненно важное значение. И в том, что все было сделано быстро и четко, видна не счастливая случайность, а вполне ясная закономерность. Если бы Р. Августа захватили партизаны другой бригады или даже другого областного соединения, то все равно оперативность связи была бы, несмотря на все трудности, гарантирована. Так по данным БШПД, к июлю 1944 г. в партизанских формированиях было 188 раций.

На следующую ночь транспортный самолет с Р.Августом и охраной благополучно вылетел с партизанского аэродрома и через несколько часов приземлился в Москве.

Историческая справка

В Москве еще в конце 1940 г. была проведена научная конференция, в которой приняли участие видные физики страны, отметившие важное военное значение решения урановой проблемы. По итогам этого совещания в самом начале 1941 г. появляется записка урановой комиссии в Президиум АН СССР о значении атомной проблемы и одновременно — оперативное письмо руководства советской разведки резиденту НКВД в США Г. Овакимяну об изучении проблемы урана. В письме указывалось на интерес советских физиков к решению этой «очевидно реальной проблемы получения нового вещества, обладающего громадной энергией». Так уже на самых первых шагах появляется на сцене истории советской атомной программы НКВД и внешняя разведка.

В конце 1942 г. правительственным решением физик-атомщик И.Курчатов был назначен научным руководителем урановой проблемы в целом с прицелом на проведение работ в СССР по разработке атомной бомбы, а в 1943 г. организуется лаборатория номер 2 Академии наук СССР во главе с И. Курчатовым. С фронта по его запросу отзываются ученые и специалисты. Охрана этих работ и организационные вопросы,

поручаются Л. Берии и его ведомству. Дух сверхсекретности и сверхбдительности витает над всем, что хоть в малейшей степени имеет отношение к атомному оружию. Из материалов БШПД, особых отделов 9-й Кировской партизанской бригады и 539-го отряда изымаются документы, проливающие хоть какой-то свет на Р. Августа и его показания. Кому и зачем надо было представлять фашистскую Германию, ее науку слабее, чем это было в действительности? И по сей день где-то в особых архивах лежат эти материалы, если только их не уничтожили при различных «чистках устаревших бумаг». Но все скрыть невозможно. Ряд архивных документов попали в результате длительных и тщательных поисков, а также благодаря всемерной помощи работников архивов в руки автора. Народ должен знать правду как о подвигах партизанских разведчиков, так и об эффективности их работы. В данном случае — об истоках одной операции.

О советской атомной программе по созданию ядерного оружия и до сих пор известно немного, а о ее первых шагах — крайне мало, и эти сведения разбросаны отдельными фрагментами по разным книгам и статьям.

Исследования по радиоактивности начались в СССР еще в 1922 г., когда в Ленинграде был создан Радиевый институт. В начале 1930-х гг. в Физико-техническом институте академик А. Иоффе организовал лабораторию ядерной физики, фактическим руководителем которой стал И. Курчатов. В конце 1930-х гг. будущий главный конструктор атомной бомбы Ю. Харитон вместе с Я. Зельдовичем провели расчеты цепных реакций и определили порядок критической массы — 10 кг. Такое значение критической массы говорило о том, что создание ядерного оружия практически возможно. В Академии наук СССР действовала перед войной специальная комиссия по урановой проблеме, хотя она возлагала мало надежд на получение изотопа урана-235 или обогащенной им смеси в значительных количествах (ядерной взрывчатки).

Г. Овакимян весной 1941 г. сообщает со ссылкой на информацию от ряда немецких ученых физиков, спасшихся в Америке, Англии и Швеции от фашизма, которые опасались, что Гитлер прилагает серьезные усилия по созданию «урановой бомбы».

Так была ли реальная возможность создать в СССР ядерное оружие раньше сентября 1949 г. и что этому мешало? Да была. Ознакомившись с выводами Я. Зельдовича и Ю. Харитона, директор Института химической физики академик Н. Семенов обратился в вышестоящий Наркомат нефтяной промышленности с предложением об организации работ по созданию оружия фантастической силы. Но нет пророков в своем отечестве...

Однако в 1940 г. два молодых ученых из Харьковского физико-технического института В. Шпинель и В. Маслов самостоятельно подали в отдел изобретений Наркомата обороны СССР заявку на изобретение атомного боеприпаса. Формула их изобретения: «Авиабомба, но иной боеприпас, взрыв которого основан на использовании цепной реакции распада ядра изотопа урана-235 при сверхкритической массе последнего, образуемой соединением нескольких субкритических масс, отличающихся тем, что с целью образования в требуемый момент времени сверхкритической массы изотопа урана-235 заряд последнего в бомбе разделен на несколько частей рядом непроницаемых для нейтронов перегородок из взрывчатого вещества, например, ацетил серебра, уничтожаемых путем взрыва в требуемый момент». Это был первый в мире научный проект атомной бомбы! Однако по этой заявке авторам было получено свидетельство на изобретение лишь в 1946 г., после взрывов в Хиросиме и Нагасаки.

Что же стало причиной отрицания всех предложений советских ученых-физиков по атомной проблеме? На наш взгляд, господство бюрократизма, нежелание рисковать, отсутствие четкого механизма решений задач научно-технического прогресса, да и самая настоящая необразованность высших военно-политических кругов в области техники и точных наук.

С началом Великой Отечественной войны, в условиях страшных поражений Красной Армии захвата гитлеровцами Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, западных областей РСФСР все атомные исследования были свернуты, а ученые-атомщики в большинстве воевали в действующей армии: К. А. Петражак — разведчик, Г. Н. Флеров — техник, обслуживающий самолеты на аэродроме, И. В. Курчатов и Д. П. Александров — на флоте — ищут пути спасения кораблей от магнитных мин. В октябре 1941 г. в разгар немецкого наступления на Москву советскому руководству внешняя разведка доложила, что англичане ведут работы по созданию атомной бомбы, обладающей огромной разрушительной силой — проект «Тьюб эллойз» и такие работы, только в больших масштабах, ведут и американцы, засекретив все данные от своего русского союзника — Манхэттенский проект (МАП). В апреле 1942 г. на имя И. В. Сталина поступает трехстраничное письмо от Г. Н. Флерова о работах на Западе над атомным оружием. Флеров предложил и схему атомной бомбы. Оно, возможно, было последней каплей, переполнившей информационную «чашу» о разработке ядерного оружия в Германии, США, Англии.

На совещание к Сталину были приглашены виднейшие ученые — А. И. Иоффе и В. И. Вернадский, которых он знал и к чьему мнению он

прислушивался. «Сколько времени и сколько будет стоить создание бомбы?» — спросил их Сталин. Ученые ответили правду — стоить это будет, сколько стоит вся война, а отстали мы в исследованиях на несколько лет [13].

Летнее наступление 1942 г. гитлеровцев и их прорыв на Кавказ и к Сталинграду задержало начало наших работ по атомной проблеме. Страна не могла в условиях тяжелой войны выделить достаточные ресурсы — финансовые, материальные, людские — для быстрого развертывания масштабных работ. Но руководство страны, наконец, поняло, что вопрос стоит не только о бомбе, а о победе или поражении в войне, о судьбе государства. И работы по созданию атомной бомбы в СССР начались.

**При написании главы использовались следующие документы
Национального архива республики Беларусь и литература:**

- Ф. 3500, оп. 4, д. 98;
- Ф. 3500, оп. 5, д. 167;
- Ф. 3500, оп. 7, д. 368;
- Ф. 3500, оп. 21, д. 74, 90;
- Ф. 3500, оп. 6, д. 121
- Ф. 4211, оп. 1, д. 10;
- Ф. 4285, оп. 1, д. 3;
- Ф. 4285, оп. 1, д. 9;
- Ф. 3500, оп. 2, д. 61.

1. Колпакиде А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. — М., 2001. — С 422—423; Криволапов А. Третий рейх мог стать первой ядерной державой. // Известия. 1992. 5 марта.

2. Ирвинг Д. Вирусный флигель. — М.: Атомиздат, 1969. — С. 5.

3. Там же. — С. 146—147.

4. Колпакиде А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. — М., 2001. — С 426; Карпов В. Лихая судьба разведчика. //Роман-журнал 21 век. 2000. — С. 66.

5. Колпакиде А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. — М., 2001. — С. 423.; Известия. 1992. 5 марта.

6. Колпакиде А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. — М., 2001. — С 424.

7. Ирвинг Д. Вирусный флигель. — С. 249.

8. Там же. — С. 250—253.

9. Киселев В.К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944. — Мн., 1990. — С. 108—109, 111.

10. Ирвинг Д. Вирусный флигель. — С. 280—282.; Орлов А.С. Секретное оружие третьего рейха. — М., 1975. — С. 69—71; Миссия Алсос. — М., 1955. — С. 166.

11. Орлов А. С. *Секретное оружие третьего рейха*. — С. 103—104.
12. *Аргументы и факты*. 1989. — С. 103—104.; Карпов В. *Лихач судьба разведчика* // *Роман-газета 21 век*. — 2000. № 5. — С. 66.
13. Калпакиди А., Прохоров Д. *Империя ГРУ*. Кн. 1. — С. 425—426.; Пестов С. «Тайны атомной бомбы» // *Аргументы и факты*. — № 40. 1989. — С. 5—6.; Карпов В. *Лихая судьба разведчика* // *Роман-газета 21 век*, 2000. — № 5. — С. 66.; Шебаршин Л. *Без плаща и кинжала* // *Правда*. 1990. 22 апреля.

Содержание

Слово к читателю	3
Глава 1. «Строго секретно: Операция "Родина"» (зима — лето 1941 г.)	5
Глава 2. Командир разведчиков	56
Глава 3. «Альтернатива — 43». О некоторых неизвестных моментах возможности нового Брестского мира летом 1943 г.	67
Глава 4. Разведка партизан Белоруссии в стратегических интересах Красной Армии (июнь 1941 — июль 1944 гг.)	87
Глава 5. Роль разведки партизан Белоруссии в получении военно-технической информации о враге (1943—1944 гг.)	96
Глава 6. Щит и меч партизан Белоруссии (июнь 1941 — июль 1944 гг.)	103
Глава 7. Это было в Белоруссии в 1944-м... «Атомный след»	115

Научно-популярное издание

КИСЕЛЕВ Василий Кузьмич

ОБ ЭТОМ МОЛЧАЛИ СВОДКИ...

Сдано в набор 15.05.03. Подписано в печать 04.06.03.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 200 экз. Зак. 215.

Издательство УП «Технопринт», ЛВ № 380 от 28.04.1999

Отпечатано на УП «Технопринт», ЛП № 203 от 26.01.2003

220027, Минск, пр-т Ф. Скорины, 65, корп. 14, оф. 215, тел. 231-86-93

ISBN 985-464-439-1

9 789854 644394